

©“Адвокатская Палата”

**Официальное издание
Адвокатской палаты Московской области
№ 6, июнь 2015**

**Научно-практический журнал, выходит с
01.01.2003**

Издание зарегистрировано в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

**Свидетельство о регистрации
ПИ-77-14492 от 27.01.2003 г.**

Учредитель: Адвокатская палата Московской области

Издатель: Адвокатская палата Московской области

Главный редактор: Ю.М.Боровков

Выпускающий редактор: А.А.Горшенков

Компьютерная графика, верстка: А.А.Исупов

Адрес редакции и издателя: 111020, город Москва, Госпитальный вал, 8/1, строение 2

Телефон редакции: (495) 360-3941, 360-8630

E-mail: armo@bk.ru **Web:** www.armo.ru

Подписной индекс: 82201

Отпечатано: ООО “Красногорская типография”

143000, Московская область, город Красногорск,

Коммунальный квартал, д.2

Объем: 6 п.л. **Тираж** 1000 экз. **Заказ**

**Редакционный Совет
журнала “Адвокатская палата”**

1. Председатель редакционного совета журнала **Галоганов Алексей Павлович**, адвокат, президент АПМО;
2. **Боровков Юрий Михайлович**, адвокат, первый вице-президент АПМО;
3. **Володина Светлана Игоревна**, адвокат, вице-президент ФПА РФ, член Квалификационной комиссии АПМО;
4. **Добровольская Светлана Игоревна**, адвокат, руководитель Экспертно-консультативного совета АПМО;
5. **Жаров Александр Евгеньевич**, Уполномоченный по правам человека в Московской области;
6. **Ковалева Лидия Николаевна**, адвокат, советник президента АПМО;
7. **Никифоров Александр Владимирович**, адвокат, отв. секретарь Квалификационной комиссии АПМО;
8. **Новолодский Юрий Михайлович**, адвокат, президент Балтийской коллегии адвокатов;
9. **Пепеляев Сергей Геннадьевич**, адвокат, член Совета АПМО, член Совета ФПА РФ;
10. **Пилипенко Юрий Сергеевич**, адвокат, президент ФПА РФ;
11. **Юрьев Сергей Сергеевич**, адвокат, председатель президиума КА “Межрегион”.
12. **Яртых Игорь Семенович**, адвокат, председатель президиума КА “Яртых и коллеги”, член Совета АПМО;

Содержание

События

Калейдоскоп событий	2
Д.Г. Истомина Учитель с большой буквы	5
Г.П. Поплавская Мой учитель -Мирон Семенович Мельниковский	6
О.Д. Ярошик О преемственности поколений и возможностях защитника в современном процессе. Послесловие к юбилейному мероприятию, посвященному 100-летию со дня рождения М.С. Мельниковского	9

Обмен опытом

А.П. Галоганов Недопонимание. О проблеме отношений государства и адвокатуры	19
М.Н. Толчеев Обзор судебной практики по делам, связанным с истребованием жилых помещений от добросовестных приобретателей, по искам государственных органов и органов местного самоуправления	20
С.И. Добровольская, В.В. Маликов Не имела баба хлопот... или Страсти по земле	23
А.В. Першин Не всякое действие сотрудника полиции является законным	25
И.Б. Мионов “Росгосстрах” расторгает договора с “родственниками врагов народа”	33

Дискуссия

Т.В. Мальчикова Комментарий к ФЗ №21-ФЗ “Кодекс административного судопроизводства РФ”	34
---	----

Наследие

В. Валерин Волчья стая. Записки члена коллегии защитников (продолжение)	36
--	----

Литературная страница

М.И. Федоров Встреча в Козино. Дни Победы	44
--	----

Дата выхода в свет: 25.08.2015

Цена свободная

КАЛЕЙДОСКОП СОБЫТИЙ

Одиннадцатый день донора

15 мая 2015 г. в офисе Адвокатской палаты Московской области и близ него - в передвижной станции переливания крови уже в одиннадцатый раз состоялся подмосковный адвокатский день донора для детей, находящихся на излечении в Московском областном онкологическом диспансере. Совет добровольного общественного движения "Неформальный благотворительный клуб адвокатов Московского региона" выразил искреннюю признательность и донорам и меценатам проекта "Голос сердца" в пользу больных детей, которые, несмотря на ненастную погоду, всё-таки явились для сдачи крови и пополнили "копилку" благотворительности в пользу детского отделения областного онкодиспансера. Ими было сдано 17,1 литров крови и собрано свыше тридцати тысяч рублей.

И ещё одно доброе известие - с помощью благотворителей для этих детей приобретены столь необходимые им импортные лекарственные препараты на крупную сумму.

Сеть, которая помогает

Во исполнение задачи, поставленной Президентом Российской Федерации перед Министерством юстиции страны и Общероссийской общественной организацией "Ассоциация юристов России" о повышении правовой грамотности населения и консолидации высококвалифицированных юристов различных юридических сообществ, с ноября 2010 г. Московским областным отделением АЮР реализуются два социально значимых проекта. Это создание Единых стандартов оказания первичной квалифицированной юридической помощи и создание сети Единых центров оказания первичной квалифицированной юридической помощи.

Работа правовых центров, созданных при АЮР, обеспечивается участием в их деятельности представителей юридического сообщества, органов государственной и муниципальной власти. Среди них преобладают адвокаты, нотариусы, представители местных администраций, органов прокуратуры, аппаратов Уполномоченного по правам человека и Уполномоченного по правам предпринимателей. В настоящее время такие центры созданы и успешно работают в Подольске, Жуковском, Ногинске и Серпухове.

Их количество надо увеличивать. Московским областным отделением Ассоциации юристов России планируется создание этих центров во всех муниципальных образованиях Московской области. И поэтому 18 мая с.г. в зале Совета АПМО состоялась конференция "Создание сети Единых центров оказания первичной квалифицированной юридической помощи", организованная при содействии МОО АЮР и Совета молодых адвокатов Московской области.

На ней с приветственными словами выступили председатель МОО АЮР, президент АПМО А.П. Галоганов и

заместитель председателя МОО АЮР В.Г. Гутерман. Затем руководитель аппарата МОО АЮР адвокат АПМО М.В. Зюзьков поделился с участниками конференции информацией о деятельности областного отделения Ассоциации. О деятельности же третейского суда при МОО АЮР рассказывал председатель этого суда адвокат АПМО П.А. Ильичёв. Председатель Совета молодых адвокатов Московской области А.И. Цветкова поделилась опытом организации Единых центров оказания первичной квалифицированной юридической помощи. А представитель Уполномоченного по правам человека в Московской области в Подольском муниципальном районе и в городском округе Подольск Е.Ю. Попова доложила о взаимодействии с Едиными центрами в сфере защиты прав человека. Её продолжил ректор Московского областного гуманитарного института, президент Некоммерческого партнёрства "Образовательный консорциум Среднерусский университет" А.А. Панарин выступлением о сотрудничестве МОГИ с АЮР по организации обслуживаемых центров.

Выступавшие обстоятельно ответили на вопросы участников конференции.

Адвокаты помнят наставника

В одном из конференц-залов столичного гостиничного комплекса "Измайлово" 21 мая состоялась научная конференция, приуроченная к 100-летию рождения выдающегося адвоката и наставника, ветерана Московской областной коллегии адвокатов Мирона Семёновича Мельниковского. На трибуне и в зале собрались руководители АПМО и МОКА, известные адвокаты, многие из которых учились у юбиляра, а также молодые адвокаты и стажёры, уже только слышавшие и читавшие о легендарном защитнике и учителе.

Мероприятие вёл вице-президент АПМО, председатель Научно-методического совета палаты С.А. Багян. После краткого вступления он предоставил слово первому вице-президенту АПМО Ю.М. Боровкову. Юрий Михайлович тоже занимался у Мирона Семёновича в помещении Московского областного суда сразу же после своего прихода в подмосковную адвокатуру. Тогдашнему начинающему адвокату запомнилась наглядность этих интересных занятий, творческая и рабочая обстановка на них. Мельниковский был чутким, внимательным, но и жёстким, требовательным, начиная с одежды учеников и внешнего вида, руководителем занятий. Одно из ответственных его заданий - обнаружение ошибок в предложенных материалах дела. И молодые адвокаты постигали важность даже одного судебного документа, быстро втягивались в напряжённую самостоятельную практику.

Общение с Мироном Семёновичем продолжилось у Боровкова и позже. Он советовался с ним и по первому своему делу в Подольской юридической консультации, причём советы Мельниковского оказались очень точны и прозорливы, и звонил при случае старшему коллеге из самых разных мест Советского Союза и даже из-за рубежа. "Я рад, что на моём пути встретился этот редкий че-

ловека, - заключил выступающий. - Он оказался важной ступенью нашего профессионального и личного роста. Благодаря ему мы глубже поняли, что такое адвокатура, адвокат, и что он должен делать".

Член Совета АПМО В.М. Шеркер является также многолетним заведующим филиалом №1 Московской областной коллегии адвокатов, того самого, в котором, тогда ещё под названием юридическая консультация, числился М.С. Мельниковский. "Я отмечу только одну черту, на которую всегда обращал внимание: влюблённость Мельниковского в профессию. Но если кто-то подумает, что в профессию адвоката, то ошибётся, - так парадоксально начал своё выступление Валентин Михайлович. - Адвокатуру, конечно, он тоже очень любил, однако основным его призванием было учительство, в том высоком смысле, в котором его в России понимают. Можно пошутить, что он делал адвоката из подручного материала. А в случае необходимости он буквально отрывал от себя куски и отдавал обучающемуся..." В.М. Шеркер также вспомнил о своём чувстве восхищения при взгляде на подвижническую работу этого человека и о том, что у Мельниковского всегда имелись собственные точка зрения и мнения на всё происходящее и также на меняющееся порой не в лучшую сторону законодательство. И он об этом не боялся высказываться публично в любые времена. Мельниковский вселял надежду на то, что, впитывая его пример, можно стать таким же человеком как он, и это дорогого стоило.

А.И. Краснокутская, адвокат более чем с полувековым стажем, тоже трудилась вместе с Мельниковским в одной консультации-филиале. В отличие от некоторых мятущихся поначалу будущих коллег, она ещё в университете твёрдо решила - будет только адвокатом. Несмотря на то, что в послевоенные годы слово адвокат звучало ещё далеко не так уважительно, как следователь, прокурор и судья. Она помнит эту дату - 15 августа 1957 года, когда юной выпускницей впервые перешагнула порог президиума МОКА, располагавшийся тогда на улице 25-го октября. И сразу встретилась там с М.С. Мельниковским, который вскоре начал проводить занятия с будущими коллегами. "...С этих пор надо было слышать, слушать и, если хотите, идти за ним. Нет, он не относился к категории тех людей, тех учителей, которые требуют - делай, как я хочу. Хотя и был весьма строгим и, как нам казалось, несколько консервативным (ведь кто молод, тот и умён, все же остальные ничего не понимают). Когда пытались ему возражать, он всегда внимательно выслушивал и если ученик мог обосновать свою точку зрения, порой соглашался с ней.

Часто думаю - а кого будет вспоминать нынешнее молодое поколение адвокатов?.. Урок Мельниковского ещё и в том, что Мирон Семёнович наглядно показал: совсем необязательно слепо кому-то подражать, однако необходимо наличие ориентира, авторитетного голоса. И особенно это важно в адвокатуре. У него самого можно было найти массу недостатков, ведь он не был белым и пушистым, но, как отметил Валентин Михайлович, всё искупало высокое призвание к наставничеству и адвокатуре. Адвокат по сути своей это человек штучной выделки. Однако прослойка настоящих людей и профессионалов

всегда очень тонка. Мельниковский же в полной мере был таким штучным человеком и штучным адвокатом...

И он всегда радовался успехам своих учеников. Мне довелось выступить с ним в одном процессе по сложному хозяйственному делу. И мне приятно было слышать, когда после он сказал, что увидел - не зря занимается подготовкой адвокатов..."

Конечно, все присутствующие внимательно вслушивались и в выступление дочери Мельниковского - Елены Мироновны Даниловой. Она, к слову, пошла по стопам родителей - стала адвокатом, правда, "городским", адвокатом Адвокатской палаты города Москвы. "Мирон Семёнович любил многое, - вспоминала его дочь, - только основной его любовью и испепеляющей страстью была любовь к родной МОКА. Причём в детстве мне даже казалось, что МОКА это какое-то женское имя или прекрасное явление, настолько часто и с восторгом он его повторял. Лишь позже выяснилось, что это Московская областная коллегия адвокатов..."

Лучшее руководство - это у МОКА. Лучшие адвокаты - это адвокаты МОКА. Лучшие стажёры - это, конечно, стажёры МОКА. И даже лучшие судьи - это судьи Московского областного суда и судов Московской области. Когда же мы с ним стали уже вести профессиональные споры - его решающим аргументом стала сакраментальная фраза: "У тебя не хватает настоящей школы, ведь ты же не член МОКА!.."

В его архиве я нашла бесчисленное количество грамот, благодарностей, телеграмм, поздравлений и поняла, что такая любовь его к родной коллегии являлась взаимной и он был счастливым человеком... Даже за несколько минут до своего ухода из жизни он продолжал диктовать моей дочери очередную статью о подмосковной адвокатуре... Поэтому большое спасибо всем собравшимся за память о нём и ответную любовь".

И в заключение Елена Даниловна зачитала преамбулу из акта проверки работы Московской областной юридической консультации - так тогда назывался нынешний филиал №1 - уважаемым адвокатом Е.М. Жезлером в давнем декабре 1966 г.: "Любую профессию можно превратить в ремесло. Профессию адвоката, защитника в уголовном процессе можно низвести до положения, при котором живое слово меркнет, подменяется штампом, заученной фразеологией, лишённой теплоты и человеческого чувства. Профессия, одухотворённая творчеством, беспокойным поиском, смелым решением, ответственностью перед собой и перед обществом и его лучшими устремлениями превращает профессию адвоката в высшую стадию её развития - в искусство в широком и благородном значении этого понятия. Искусство в профессии адвоката это живая и очень спокойная мысль. Вхождение в таинственный и сложный мир человеческих страстей, глубоких падений, борьба с которыми лежит очень часто в стороне от санкций, предусмотренных Уголовным кодексом и конъюнктурой того или иного периода в жизни общества. Адвокат входит в этот мир не судьёй, а мыслителем, гражданином, проникнутым тревогой и болью за судьбы людей, за права охраняющих свою честь и достоинство, за закон".

Предыдущая же выступающая, А.И. Краснокутская, уточнила, что эти слова Жезлера посвящены не просто

областной юрконсультации, а конкретно адвокату Мельниковскому...

Стажёром Мирона Семёновича в своё время являлась и Э.С. Шингарёва. Она с трибуны конференции поведала о той существенной помощи, которую оказал ей наставник на её пути в адвокатуру после работы в райсобесе и нотариальной конторе. Несмотря на то, что стажёрские занятия шли уже полным ходом, он на свой страх и риск взял девушку в свою группу. И она оправдала его доверие своим трудолюбием при учёбе и своей самостоятельной практикой. Мирон Семёнович рекомендовал затем свою неожиданно появившуюся но способную ученицу на всесоюзное совещание молодых адвокатов в Ярославле. "Я счастлива, - подчеркнула в заключение Элеонора Сергеевна, - что попала в адвокатское братство, что знала Мельниковского и училась у него. Всё это никогда невозможно забыть".

Длительное время работала с юбиляром в одной консультации и в одной Квалификационной комиссии советник президента АПМО Л.Н. Ковалёва. Она, учитывая что в зале много стажёров, напомнила вехи славной биографии чествуемого и поддержала идею ещё одной ученицы мэтра - директора Института адвокатуры МГЮА С.И. Володиной, которая, к сожалению, не смогла присутствовать на конференции: палате необходимо учредить грамоту, диплом в честь М.С. Мельниковского лучшим адвокатам-наставникам и лекторам. Тем прочней будет увековечена память о нём.

"Очень важны, по-моему, первые шаги в профессии, - заметила член Квалификационной комиссии АПМО Н.В. Земскова, у которой одним из наставников на адвокатском поприще был и Мельниковский - то, как тебя встретят на новом месте. Это может во многом повлиять на будущий успех и отношение к делу. И мне повезло, что я училась у Мельниковского. Счастливым периодом в моей жизни стала стажировка в 1992-93 годах. До сих пор, если я вижу жалобу, написанную не в соответствии со строгими требованиями к ней Мирона Семёновича, я не воспринимаю её как документ..."

Затем выступили ученицы М.С. Мельниковского адвокаты Д.Г. Истомина и Г.П. Поплавская, а также соавтор некоторых статей и работ мэтра адвокат и публицист О.Д. Ярошик. Они письменно подготовили свои выступления на конференции или статьи о Мельниковском, которые публикуются далее.

А секретарь Совета АПМО Н.Н. Большаков не только снова вспомнил о своём стажёрстве у Мирона Семёновича в 1975 году, но и прочёл своё стихотворение, которое в 85-м посвятил своему наставнику в честь его 70-летия:

*Много лет уж я вас знаю,
Много лет, но вот беда,
Очень редко я Вас вижу,
А хотелось бы всегда. ...*

Завершил конференцию своими воспоминаниями ведущий мероприятия вице-президент АПМО С.А. Багян. Он, бывший судья, отметил, что судьи уважали Мельниковского за его профессионализм и уважительное отношение ко всем участникам процесса. В случае же необходимости организовать занятия он обратился прямо к председателю Мособлсуда Марасановой и та всегда вы-

деляла ему большой зал на первом этаже, несмотря на вечную нехватку помещений в суде. И Мирон Семёнович целый месяц по шесть часов непрерывно занимался там со стажёрами, не замечая свой возраст и проблемы со здоровьем. И обижался, если ему предлагали немного передохнуть или подменить его на занятиях...

Ещё одна черта Мельниковского - очень ответственное и добросовестное отношение к своим клиентам. С.А. Багян в подтверждение этого качества мэтра привёл такой пример. Они вместе представляли интересы доверителя по жилищному делу в Пензенском областном суде. Выступающий хотел поехать туда один как более молодой, личное присутствие старшего коллеги в другом городе не требовалось, однако Мирон Семёнович настоял на своём присутствии, потому что он привык всегда работать с полной самоотдачей.

Несмотря на строгость к нерадивым коллегам, Мельниковский всегда готов был в случае необходимости до последнего защищать адвоката. Как-то одного адвоката поспешно и необоснованно исключили из членов коллегии. Мирон Семёнович, разобравшись с обстоятельствами дела, добился внеочередного заседания президиума МОКА и восстановления адвоката в рядах организации.

По итогам конференции решено переиздать труды М.С. Мельниковского и учредить награду палаты с его именем.

На Новодевичьем у Мельниковского

Следующий день после конференции - 100-летие рождения М.С. Мельниковского. 22 мая к урне с его прахом на Новодевичьем кладбище Москвы возложили корзину с цветами от Адвокатской палаты Московской области президент АПМО А.П. Галоганов, первый вице-президент АПМО Ю.М. Боровков, член Совета АПМО Н.Н. Большаков и член Совета АПМО Д.И. Матвеевко. И отдельный венок был возложен от Московской областной коллегии адвокатов, членом которой много лет являлся Мирон Семёнович. Его возложили председатель президиума МОКА И.П. Грицук и член президиума коллегии А.В. Никонов. В церемониях участвовали также дочь Мельниковского адвокат АП г. Москвы Е.М. Данилова и адвокат АПМО, председатель Московской коллегии адвокатов "Истомина и партнёры" Д.Г. Истомина.

Все присутствующие, большинство из которых являются учениками мэтра, поделились у могилы наставника воспоминаниями об этом выдающемся человеке и адвокате.

(по материалам наших спецкоров)

Д.Г. Истомина - председатель Московской коллегии адвокатов "Истомина и партнёры" АПМО

Учитель с большой буквы

Добрый день, уважаемые коллеги!

Очень волнительно и ответственно для меня говорить сегодня. Было произнесено много торжественных, благодарных, я бы сказала - особых речей к 100-летию со дня рождения великолепного адвоката, великого Учителя - Мирона Семеновича Мельниковского. Поведаны интересные, поучительные истории. Моя память также бережно хранит все, что связано с этим воистину гениальным человеком и незаурядным профессионалом. Безусловны его величайшие заслуги и успехи в адвокатской деятельности, все их знают и почитают.

Позвольте же мне сказать несколько слов о Мироне Семеновиче, как о педагоге уникального дарования и замечательном человеке. Мельниковского отличало особое человеколюбие, непостижимое трудолюбие, высочайшая ответственность, непоколебимая принципиальность и великая самоотдача делу, которому он служил. Многие-многое годы он занимался подготовкой стажеров, начинающих адвокатов, первым предложив идею создания спецсеминаров. Мудрый наставник учил своих учеников правильно мыслить, усердно работать и уверенно отстаивать позицию. Слушать его было одно удовольствие, следя за исключительной логикой, точным анализом и ходом его умозаключений; равно как следовать его рекомендациям, советам. Занятия, проводимые им, давали четкое понимание молодым специалистам, в чем заключается деятельность защитника по уголовным делам, как достойно и качественно осуществлять эту защиту. Все становилось простым, понятным и однозначным. Мирон Семенович был Учителем с большой буквы, очень требовательным и очень справедливым. Призывая трудиться упорно, кропотливо, уверенно, он учил нас различным адвокатским премудростям. Бесконечно логичный, последовательный, аккуратный, виртуозный в делах, Мельниковский имел особый подход к работе и передавал эти бесценные знания молодым. Казалось бы, одних заповедей для адвокатов, защитников в уголовном процессе, предложенных Мельниковским, было бы достаточно, чтобы понять многое. У кого, как не у него можно было воочию учиться говорить красиво, точно и убедительно! Одобрительный взгляд его внимательных глаз и приветливая улыбка, напутствующая на новые успехи, так много значили для нас, придавали нам уверенности. Ученики все без исключения преданно, верно и восторженно любили Мирона Семеновича. Каждый наш день преисполнен благодарности за его труд! Методические пособия для стажеров, начинающих адвокатов, разработанные Мельниковским, до сих пор актуальны, несмотря на изменения в законодательстве. Труды Мирона Семеновича по сей день приносят свои плоды, это многочисленные успехи отдельных адвокатов - его учеников. Им была разработана авторская методика, включающая

уникальный подход к осуществлению защиты по уголовным делам, кратко, лаконично, точно и очень понятно изложена в его работах: "Приемы и методы подготовки и осуществления адвокатом защиты по уголовным делам", "Методика и тактика подготовки и произнесения адвокатом судебной речи, составления кассационных и надзорных жалоб".

Мне посчастливилось помогать Мирону Семеновичу в подготовке и издании его пособия, касающегося составления кассационных жалоб по уголовным делам. Мне представилась возможность работать рядом с ним, учась, рассуждая и даже споря. Многодневный скрупулёзный труд Мэтра адвокатуры был нацелен на повышения уровня подготовки молодых специалистов к сложной и ответственной работе защитника в уголовном процессе. Отточенность, лаконичность правильно выстроенного текста помогали изучающему быстро и доступно овладеть изложенными в них сложнейшими приемами и методами работы. Именно поэтому идея переиздания его пособий, адаптированных к действующему законодательству в виде примечаний и ссылок, очевидно, является интересной и правильной. Мне видится, что в том числе и на этих пособиях можно вырастить еще не одну плеяду высококвалифицированных адвокатов в области уголовного права. В связи с этим обращаюсь к Совету палаты о рассмотрении этого вопроса на очередном заседании. Безусловно, Мирон Семенович Мельниковский заслуживает еще много теплых, добрых, восторженных слов! Большое спасибо нашей адвокатской палате за организацию этого торжественного мероприятия и за выход в свет последнего номера журнала адвокатской палаты в память Мэтра! И еще огромная благодарность и наилучшие пожелания его замечательной семье, без которой не было бы того Мельниковского, которого мы любим и чтим!

Спасибо!

Г.П. Поплавская - адвокат АПМО

Мой учитель - Мирон Семенович Мельниковский

В один из дождливых дней прошлогодней осени - 28 октября 2014 года я вдруг решила навести порядок в своих бумагах. Среди них я нашла тетрадь - тетрадь с записями лекций, в которой 17 лет назад вела свои ученические записи, будучи стажером Московской областной тогда ещё не палаты, а коллегии адвокатов под руководством Мирона Семеновича Мельниковского: стратегия и тактика защиты, ошибки судов различных инстанций, наиболее часто встречающиеся ошибки в приговоре, образцы ходатайств, заявлений, рекомендации - когда их заявлять, когда выступать и в каком объеме, работа с подзащитным, свидание с подзащитным, противоречия с обвиняемыми, схемы, таблицы...

На первом листе тетради запись - В 1864 году возникла адвокатура - Единая Московская губернская. Сообразив по конечной цифре, что год юбилейный, да ещё какой! - 150 лет адвокатуре, заглянув на сайт АПМО, обнаружила, что именно сегодня торжественно и на государственном уровне отмечается эта дата. И тут же представила до слёз любимое лицо ушедшего уже от нас учителя, Мирона Семеновича, который наверняка бы сказал мне: "А признайся, девочка, ведь ты и не знала, и не помнила об этом?", - и улыбнулся бы своей такой знакомой сотням его учеников прощающей улыбкой, в которой растворял свой собственный гнев по отношению к проявляемым человеком слабостям и несовершенствам.

Добрый наш Мирон Семенович! Его благородный высокий лоб, седая, серебряная царственно-львиная в красивом смысле грива волос, обманчиво строгое для знающих его людей выражение лица, способное мгновенно превратиться в улыбку младенца, как только он услышит что-то новое и интересное, и его фразы, записанные нами и ставшие для многих из нас путеводными и спасительными. Помимо конкретных знаний-ключей, которыми открываются тайны адвокатской профессии, М.С. Мельниковский неустанно вселял в нас невидимый дух адвокатского служения. Ежедневно, как "Отче наш", мы слышали от него и повторяли за ним: "Адвокат должен знать закон и уметь его применять!". "Адвокат должен знать закон лучше всех - лучше судьи и прокурора!". Это было как в свое время у пионеров: им говорили "Будь готов!" и они отвечали: "Всегда готов!". Вот также было и у нас: начиная семинар, завершая семинар или посреди семинара, какой бы темы он ни касался, Мирон Семенович говорил нам: "Адвокат должен что?". А мы, в зависимости от состояния - громким веселым хором или уставшие, уткнув глаза в стол и исписанные листы, отвечали: "Знать закон и умело его применять".

Не думаю, что среди стажеров нашей группы, обучавшейся с августа 1997г. по март 1998г. был хотя бы ещё один человек, которому больше, чем мне, нужны были игодились не только система в целом, но и уникальные нюансы, которым обучал нас на своих семинарах Мирон Семенович. С чего начинать изучение материа-

лов дела, с кого начинать допрос в суде, если дело групповое, какие вопросы задавать и не задавать свидетелю, где знакомиться с протоколом судебного заседания, как писать замечания на протокол, какую занимать позицию, если уголовное дело рассматривается долго и по ряду статей истек срок давности привлечения к ответственности? Эти знания я применяла, что называется, "прямо с колёс" в отношении уголовного дела, рассмотрение которого с участием присяжных заседателей шло в Московском областном суде и одним из подсудимых по которому был мой супруг. Да-да! Об этом я, разумеется, не говорила никому, кроме подруги, которую я обрела в нашей же стажерской группе и с которой мы дружим до сих пор. Мирону Семеновичу до определенного момента я не говорила об этом тоже. И только когда вынесли первый оправдательный приговор, я просто не могла не сказать М.С. Мельниковскому о том, как я благодарна ему за те наставления и совершенно четко работающие "приемы и методы" (Вы, конечно же, помните это любимое словосочетание Мирона Семеновича.). Через 4 года последовал и второй оправдательный приговор. За это время мы прошли Верховный Суд дважды и стоит сказать, что во второй раз в коридоре суда ко мне и моему мужу подошёл, поздоровался за руку и пожелал нам удачи уже ставший за прошедшие годы судьей Верховного Суда тот судья, который выносил нам приговор (причем выносил он этот приговор без какого-либо удовольствия, а исключительно вслед за вердиктом присяжных). И это рукопожатие я тоже, прежде всего, оцениваю как признание высокого ума и бесценного опыта нашего дорогого Мирона Семеновича. И это не просто слова. За тот долгий процесс мне пришлось столкнуться с тем, что, оказывается, далеко не все адвокаты Москвы и области знали те вещи, которым учил нас Мирон Семенович. Что там говорить, пропускали такое! Например, посоветовали подсудимым согласиться с тем, что суд освободит их от ответственности по ряду статей УК, по которым истекли сроки привлечения к уголовной ответственности... в то время как по более серьезным статьям те вину свою отрицали. Фактически, посоветовали признать свою вину! Надо ли говорить, что, узнав об этом, на следующее утро я как разъяренная фурия ворвалась сначала в юридическую консультацию, где работали адвокаты, а следом и в канцелярию Мособлсуда с жалобой на судью, который не разъяснил подсудимым правовых последствий их согласия! Жалобу мою, принесенную от имени подсудимого мужа, Верховный Суд удовлетворил, удовлетворил и ещё одну, по этому же делу. Что поддерживало меня в борьбе с государственной судебной машиной? Не только и не столько отчаяние жены незаконно обвиненного мужа и матери крохотной дочки. От отчаяния умного не сотворишь. Меня поддерживали знания, которые, убежденно в их полезности, щедро передавал нам Мирон Семенович, и тот дух сознания сво-

ей правоты и необходимости бороться до конца, который он в нас, своих учеников-стажеров, со всем жаром своей природы, силой характера вдохнул.

Преподав нам свой курс, Мирон Семенович не просто вооружил нас своими приемами и методами. Вручив нам в руки реальные тома с настоящими уголовными делами, по косточкам - по листам дела разобрав их, он не только показал нам лицевую и изнаночную, подноготную суть уголовного судопроизводства. Он сделал из нас бойцов. Он так и говорил: "Адвокат является солдатом. Отстаивая права и интересы людей, мы защищаем законность". Это записано в моей тетради, это записано в моей голове, в сердце. Он выпустил нас в жизнь не только солдатами, но солдатами-романтиками, глубоко усвоившими, что "хоть деятельность адвоката носит односторонний характер, но помогает суду в установлении законности". Поэтому мы вступили в свои первые бои, строча телеграммы о нарушениях районных прокуроров вышестоящим, заявляя отводы забывшим о законе судьям. И вопреки сложившимся скептическим высказываниям и взглядам уже бывалых коллег-адвокатов о неэффективности таких мер, судьи прекращали выказывать свою пристрастность, а прокуроры усмирялись не только сами, но усмиряли и самоуправный пыл следователей. Теория Мирона Семеновича в действии работала и приносила результат. Важно отметить и ещё одно обстоятельство: несмотря на то, что М.С. Мельниковский преподавал нам курс лекций, в основном, по уголовному процессу, но то, чему он нас учил, было эффективно при применении и в гражданском процессе тоже. Внимание к протоколу судебного заседания, обязательность принесения замечаний на него, методика написания замечаний, скрупулезное отслеживание процессуальных сроков - одни только эти рабочие моменты позволяли нам-новичкам выигрывать многомиллионные споры. Возможно, что мы были такими смелыми ещё и потому, что Мирон Семенович, взяв нас под свое крыло, сразу дал нам понять, что мы в адвокатуре - свои, что мы - полноценные адвокаты. В связи с этим хочу привести вот какое сравнение, разумеется, не желая кого бы то ни было обидеть. Обычно сейчас, когда читают лекции стажерам, заглядывающие в зал люди говорят, прикрывая дверь: "Там со стажерами занимаются". В ту пору, когда стажерами были мы, люди, нечаянно заглянувшие в зал, где мы занимались, говорили шёпотом: "Там Мирон Семенович со своими", - и аккуратно прикрывали дверь, изо всех сил стараясь не допустить ни малейшего её скрипа.

Мне очень повезло, и я имела возможность участвовать вместе с Мироном Семеновичем в написании его методических материалов, в том числе материалов по защите в суде присяжных. На протяжении нескольких выходных дней в августе-сентябре 1997 года я приезжала к нему в его скромную квартиру в Коньково. Неотъемлемой частью нашей работы была наша совместная трапеза - до работы и после неё. Возражения не принимались.

Начинали работать: составлялся план методички, планы разделов. Рассуждая вслух, диктуя, Мирон Семенович спрашивал меня: "Как ты считаешь, девочка?". Если я соглашалась с ним, Мирон Семенович пронзительно смотрел в мои глаза - думаю, проверял, "одобряя" ли я бездумно или поняла его мысли. Доверие ко мне росло, и вот уже

Мирон Семенович спрашивает меня: "Чего застыла? Думаешь, не так? А как?". Выслушав мое мнение или мою редакцию, говорил иногда: "Ишь ты, противка! Ну давай, диктуй!". Результат работы тщательно вычитывался. И снова вопрос от Мирона Семеновича: "Поймут нас, как думаешь? Всё мы сказали здесь?.. Ну, хорошо".

Он очень любил людей, беспокоился о них, неустанно заботился - при том, что жизнь его самого не щадила и не баловала. Мы все, весь наш курс, были тронуты той нежной и преданной любовью, которую он испытывал к своей жене. (...)

Не могу не сказать о том, как нам не хватает Мирона Семеновича. Как не хватает его тем, кто и не знает о нём, новым стажёрам палаты. Благодаря Мирону Семеновичу мы, совершенно незнакомые друг другу люди, буквально за день, ну, может быть два, стали одной дружной и целеустремленной командой, веселой компанией. Думаю, что такая же благожелательная и дружеская атмосфера достигается нечасто, иногда в выпускном классе школы или на старших курсах института, университета. Мы тянулись к нему и буквально вились вокруг него, как маленькие первоклашки возле любимой учительницы. Он стал для нас старым добрым родным дедом, который и пожурит, и ободрит, и научит. Причем научит крепко, так, что на всю жизнь запомнишь как "жи-ши", как "не" с глаголами, что "не нужно защитнику валить вину своего подзащитного на другого. Необходимо говорить, что против своего нет неопровержимых доказательств". В этом - весь Мирон Семенович, его высокий гуманизм, его большое сердце, деликатность, его умение вселить в нас, своих учеников, уверенность в правильности совершаемых действий. Он был таким добрым, что даже когда метал в нас свои громы и молнии в ответ на проявления несобранности, необязательности, лени, мы его не боялись, нам было стыдно за то, что мы его огорчили. Потому что видели, как он весь отдается делу, как искренне и горячо хочет вложить в нас то, что знает и умеет сам, уберечь от опасностей, которые есть в нашей профессии. Это теперь, спустя годы практики, можно оценить, как тактично и мудро он наставлял нас, какие необходимые зарубки и вешки расставлял для нас. Перед ним стояла сложная задача: подготовить к профессии, не напугав и не разочаровав трудностями, неудачами. Вот он диктует нам: "Результат может наступить благодаря, независимо, вопреки деятельности адвоката". Вот он объясняет нам принцип альтернативы при осуществлении защиты по уголовному делу. Кстати сказать, я не однажды слышала в выступлениях некоторых популярных адвокатов скептическую и даже презрительную позицию по отношению к этой конструкции, когда защитник сначала утверждает, что подзащитный невиновен, но если суд посчитает его виновным, то просит считать его виновным в части..." и т.д. Однако на деле эта схема работает и, очевидно, доказывает лишь недостаточный жизненный и профессиональный опыт её отрицателей. Так же, как и другой момент: в подавляющем большинстве советуют писать краткие по содержанию жалобы, мотивируя это тем, что никто не будет читать жалобу больше, чем на 1-2 листах. Как ученица М.С. Мельниковского, лично видевшая написанные им тексты жалоб, могу сказать - краткими, на 1-2 листах, его

жалобы не были. Он говорил нам: "Жалоба должна кричать. Жалоба должна быть аргументированной и не содержать ничего лишнего. Только кассационные поводы. По сложным делам разбивать на главы, пункты (иногда полезно их назвать). Готовую жалобу нужно прочитать 2-3 раза. Содержание её должно быть ясным, логичным, последовательным". Но сколько листов она должна содержать, он никому не диктовал. По своему опыту скажу, что, конечно же, стараюсь писать кратко. Но редчайший случай, чтобы по уголовному делу жалоба после исследования одних только процессуальных нарушений, допущенных следствием и судом, не говоря о сопоставлении различий в показаниях, занимала менее 10 листов. И ничего, читают: например, в определениях Мосгорсуда перечисляются почти все, а то и все приводимые мною доводы. Хотя, конечно, замечают, например, моим подзащитным, прося их выступать покороче, "а не как ваш защитник, которая любит начать издалека".

Поразительно воздействие речи Мирона Семеновича, его возвышенный, элегантный, подчеркнуто уважительный по отношению к процессуальному противнику слог, с элементами, я бы сказала, дворянского обращения.

Понятно, что сейчас почти никто из нас не пишет ходатайства и заявления таким высоким стилем, но может быть это и неправильно. Потому что он работает эффективно и уж точно не навредит. Уверена, что почти каждый из нас, работающих в судах, сталкивается с ситуациями, когда обвинительный уклон в судебном заседании достигает такого накала, что хочется как-то назвать точными и краткими словами происходящее и лиц, которые это происходящее творят. Судья по обзору дисциплинарной практики, некоторые выбегают из зала суда, некоторые позволяют себе дать волю рвущимся наружу эмоциям устно или в экстренно подаваемых ходатайствах, жалобах. И только спокойное, в духе Мирона Семеновича, подчеркнуто вежливое, словесно возвышающее тебя и твоего визави обращение делу в любом случае не повредит, а в подавляющем большинстве случаев (из опыта) если не устыдит, что бывает нередко, то остановит. Вы, может быть, удивитесь, но с отменой Мосгорсудом своего собственного приговора в Головинском районном суде меня поздравили в один день и судья, вынесший тот безобразнейший приговор, и прокурор, который поддерживал несусветное по фальсификации обвинение по делу. Поэтому "он уважать себя заставил" - это не только слова Пушкина, но и прием, завещанный нам нашим Мироном Семеновичем Мельниковским.

Хотелось бы сказать и ещё об одной большой проблеме, которой огромное значение придавал Мирон Семенович, и которую теперь, когда такие люди как он, ушли от нас, должны поднимать и решать мы - их духовные наследники - нравственность в адвокатуре, моральный кодекс адвоката, кодекс профессиональной этики. Коснусь только одного момента - вопроса пределов деятельности адвоката при защите прав потерпевших по уголовным делам. Обратимся к позиции Мирона Семеновича Мельниковского, к его постулатам, одним из которых был следующий: "Стрелка компаса указывает на север, а мы - всегда на защиту". Исходя из этого утверждения, М.С. Мельниковский последовательно учил: "Вопросы вины доказывает защитник, а вопросы меры наказания подни-

мать не следует. У нас функция защиты, а не обвинения".

К сожалению, не так давно мне пришлось лицом к лицу столкнуться с ситуацией, когда по уголовному делу о расстрате (в настоящее время обвинительный приговор отменен), сфабрикованному работодателем против своего бывшего работника в отместку за то, что работник после незаконного увольнения подал на этого работодателя иск и дело выиграл, адвокат АПМО, выступая после государственного обвинителя, который, на минуточку! - попросил для подсудимого условного наказания, очень эмоционально потребовал назначения реального срока, мотивируя своё требование тем, что этого приговора ждет-не дожидется всё профессиональное сообщество, к которому принадлежат и подсудимый, и так называемый потерпевший. Чтобы после отбытия наказания подсудимого никто и никогда не принял на работу. Надо было видеть удивленно вытянувшееся лицо судьи и слышать хихиканье девушки гособвинителя. К слову, этот горе-адвокат накануне, до начала судебного заседания начал извиняться перед нами - адвокатами подсудимого за то, клиент платит хорошо, а ему надо кормить семью, поэтому он вынужден делать то, что делает. Более того, он сообщил нам, что даже звонил в палату и интересовался, "до каких, так сказать, пределов" можно защищать потерпевших. Более чем уверена, что быть прокурором больше чем прокурор, в палате адвокату посоветовать не могли. Но наличие таких случаев, по моему мнению, остро ставит вопрос о необходимости усилить просветительскую работу в данном направлении и прививать современным адвокатам высокий нравственный стандарт адвокатуры при осуществлении защиты потерпевших, который пропагандировал заслуженный юрист Российской Федерации Мирон Семенович Мельниковский.

Почему я позволила себе поднять этот вопрос? Потому что верю, что Мирон Семенович, по правде сказать, буквально вскипавший при любых проявлениях неэффективного использования времени, чрезвычайно целеустремленный (он и из жизни ушёл, диктуя свой очередной методический материал) и внутренне очень скромный человек, был бы только рад, чтобы мы, празднуя его выдающийся, 100-летний юбилей, говорили не только о нём - какими бы справедливыми, искренними и правильными ни были наши слова в его память, но, пользуясь случаем, уделили бы внимание и волнующим нас вопросам нашей профессии.

И последнее. В день, когда я писала это эссе, заглянула в календарь. Прочла: "4 лунный день. Символ - Древо познания. Благодаря корням дерева, мы связаны с традицией. Корни в земле, а вершина в небе и постоянно растет. Важно обрести почву под ногами...".

Эти слова в календаре помогли мне сформулировать, кем для нас, для меня лично был и остается Мирон Семенович Мельниковский. Он - могучее Древо познания, связавшее нас, его учеников, с собой, с предыдущими поколениями адвокатов, своими делами и опытом добывшими для нас те бесценные мудрости и традиции, которые позволяют нам служить людям, расти и достигать вершин в нашей трудной, но прекрасной профессии.

О.Д. Ярошик - почетный адвокат МОКА и АПМО, член Союза писателей России

О преемственности поколений и возможностях защитника в современном процессе. Послесловие к юбилейному мероприятию, посвященному 100-летию со дня рождения М.С. Мельниковского

21 мая 2015 года состоялось праздничное собрание, посвященное 100-летию патриарха Российской адвокатуры Мирона Семеновича Мельниковского.

Руководством АПМО издан юбилейный номер журнала "Адвокатская палата", стажеры и молодые адвокаты, подготовке которых посвятил жизнь Мирон Семенович, внимательно слушали тех, кто лично знал легендарного Мирона и учился у него.

Пройдут годы, и имя М.С. Мельниковского войдет в историю адвокатуры и будет находиться в одном ряду с именами Плевако, Кони, Спасовича и многих других, когда в указе Александра Второго Сенату 20 ноября 1864 года говорилось: *"Водворить в России суд скорый, правый, милостивый и равный для всех подданных наших"*.

"Я человек строгого времени, я принадлежу началом моей деятельности к первым годам судебной реформы. Я проникнут традициями того времени, а в то время всякая непорядочность в прениях удалялась, а чистоплотность и порядочность прений считалась одним из лучших украшений суда", - говорил П.Александров. Эти слова в полной мере применимы и к Мельниковскому - человеку своего строгого времени.

Заслуженно прозвучало, что Мирона Семеновича любили и уважали судьи, прислушивались к нему. Однако другой выступающий, обращаясь к молодой аудитории (а многих и многих адвокатов МОКА, учеников Мельниковского, почему-то в зале не было), сказал, что "Вас - сегодняшних адвокатов судьи уважать и тем более любить совсем не будут. Они будут Вас не уважать и унижать, цинично вежливо, с осознанием своего превосходства (которое называется мнимым) даже оскорблять, относиться к Вам с раздражением как к досадному недоразумению процесса, предъявлять необоснованные претензии, заявлять, что Вы мешаете правосудию, нарушаете регламент и даже правила поведения, заявляете необоснованные ходатайства и тем самым затягиваете процесс, пугать Вас представлением в Адвокатскую палату, и даже жаловаться на Вас председателю суда, рассказывая ему то, чего не было". И любое сопротивление при этом будет жалким, потому что рассматриваться будет должностными лицами в мантиях, которые называют себя работниками судебной системы, как противодействие правосудию, чуть ли не государственное преступление против установленного порядка деятельности судов. "Сядьте, Вы не знаете УПК", - услышите Вы. - Но это вовсе не значит, что Вы плохи и неграмотны. Нет, наоборот, это пятерка Вам. Это признание Вашей значимости и Вашей роли в сегодняшнем процессе", - сказал выступающий.

В заключительном слове С.А.Багян, который достойно принял от Мирона Семеновича руководство учебной и

подготовкой молодых адвокатов и стажеров, теперь уже Адвокатской палаты, абсолютно правильно и совершенно обоснованно вновь говорил о профессионализме, необходимости знать и уметь на практике применять закон, нормы материального и процессуального права; говорил он и о том, что именно тогда адвоката будут уважать, прислушиваться к нему, учитывать его мнение.

Однако сегодня трудно и невозможно с этим согласиться, и вот почему.

Во-первых, не наступаем ли мы снова на те же грабли, когда всякая учеба, даже очень и очень профессиональная и, наверное, лучшая в стране, вновь, как не странно, почему-то оторвана от практики? Молодой адвокат из Видного, который специально посещает учебные занятия, до начала праздничного мероприятия, в перерыве, когда закончилась очередная лекция, сказал тогда, что перед стажерами выступил очередной докладчик, говоривший о недостатках протокола судебного заседания. Докладчик пояснил аудитории, "что сейчас такая практика", и все. Более не сказал он ничего. А что он, этот оратор, может сказать? Что, по мнению многих авторов, "протокол и аудиозапись хода судебного заседания - это информационная база механизма исправления судебных ошибок? И выявление и исправление ошибок должно совершаться в ходе обжалования судебных актов и их пересмотра в апелляционном и кассационном (надзорном порядке)"? Так совершается ли? Вопрос в том, а что делать-то адвокату в такой ситуации, остался открытым. Как однажды на совещании заведующих МОКА один из настойчивых непонимающих адвокатов все задавал вопросы Президиуму, в конце концов достал он Президиум так, что резкий В.А. Аверин сказал ему следующее: "Запомните: есть вопросы, на которые нет ответа. Вам понятно?". Больше этот пытливый товарищ вопросов не задавал. Наверное, что-то понял. Или до сих пор пытается сделать это.

К сожалению, в последние годы этих вопросов накопилось слишком много.

И не решаются они годами и в ближайшее время, как показывает жизнь и практика, решены не будут. И ситуация с судебным протоколом - лишь одна проблема. Только в уголовном процессе таких проблем достаточно много, а именно: протокол судебного заседания и замечания на протокол, отсутствие аудиофиксации судебных процессов и рассмотрение замечаний ("нет технических возможностей проверить достоверность представленной защитой аудиозаписи"), исследование доказательств в апелляционной инстанции, запрет немотивированных решений (см. "Работа над судебными ошибками. Следует законодательно запретить немотивированные реше-

ния, принимаемые властными органами и должностными лицами в ходе уголовного судопроизводства", "Новая адвокатская газета", №6, март 2015 года). Можно добавить к этому вопросы, связанные с реализацией пресловутого принципа равноправия и состязательности сторон, например, незаконное рассмотрение заявленных ходатайств, безмотивный отказ в допросе свидетелей защиты, явившихся в суд по инициативе сторон; полное и находящееся за пределами здравого смысла игнорирование заключений эксперта защиты в качестве специалиста, и многих, многих других.

Нет ответа на вопрос, что когда в современном уголовном процессе речь идет о "неизбежном принятии на себя бремени доказывания судом вины подсудимого", возможно ли в принципе обеспечение этим судом сторонам обвинения и защиты равных возможностей для отстаивания ими своих интересов? (см.: Научно-практический комментарий к статье 246 УПК под редакцией профессора В.М.Лебедева)

О какой состязательности при этом может идти речь? Может быть, эта состязательность и существует по громким делам, в результате которой, например, некой Васильевой, совершившей миллиардные хищения и совсем не раскаявшейся, прокурор просил назначить наказание в виде 8-ми лет условно, в то время как ее сообщница, признавшая вину, заключившая следку с обвинением, получила 4,5 года реального лишения свободы. Достойный пример состязательности сторон и избирательности государственного обвинения. Но ведь по всем другим делам, по которым работают не столь грамотные и, очевидно, очень профессиональные адвокаты, такого не происходит, а принцип состязательности и равноправия находится непонятно где. В реальности работает принцип виновности, и какие бы доводы и аргументы в защиту не приводились, суд к ним остается "глух", либо относится необоснованно критически. При этом доводы обвинения зачастую не вызывают сомнения. (см.: "Неравный бой. Создание негативных "преюдициальных эффектов" и иные формы нарушения принципа состязательности в российском уголовном процессе", "Новая адвокатская газета", №14, июль 2014 г.)

А ведь "несправедливый приговор - огромное общественное бедствие. Накопление подобных приговоров в общественной памяти и народной душе есть зло, как и накопление умственной лжи в сфере умственной жизни общества", - так говорил Н.Карачевский.

Так почему профессиональная учеба сегодня оторвана от практики? Да потому что в условиях системного кризиса правосудия и "управляемого хаоса" в нем сам закон, как и его знание, умение грамотно писать деловые бумаги, жалобы и ходатайства, умение долго, красиво и убедительно говорить - это одно, а то, что сейчас происходит на практике, - это совершенно другое. И ответов на эти вопросы нет. Поэтому надо горько признать, что, каким бы сильным профессионалом не был сегодняшний адвокат, и как бы грамотно не применял свои правиль-

ные знания, он обречен на поражение и, как следствие, разочарование в профессии. Как сказал еще лет десять назад следователь С.Акимов: "Будь у нас правовое государство, ты стал бы блестящим адвокатом, а так ты хоть умри на своей трибуне. Как напишу, так и будет". Чем же обусловлена сегодня такая самоуверенность следователя в его любых решениях? Тем, что следователи и прокуроры почему-то получили какую-то индульгенцию от государства, от государства победившей демократии, так называемой "новой" России, в которой постоянно говорится о необходимости защиты прав и законных интересов граждан. А в результате даже начальник окружного УВД Москвы говорит о том, что "такими темпами мы пересаживаем всю страну".

Во времена Мельниковского еще были гарантии правосудия, руководители судов всех уровней вели личный прием ("Мы от народа не прятались", - сказал один из судебных руководителей того ушедшего времени), внимательно выслушивали граждан и их представителей, читали жалобы и обжалуемые документы и принимали законные меры; сейчас же должностные лица судебной системы прием не ведут (кроме как "по организации работы суда", как было сказано недавно гражданину, пытавшемуся достучаться), их многочисленные и в подавляющем большинстве очень неграмотные помощники, так называемая их достойная смена, отписывает недостойным жалобщикам, которые их продолжают беспокоить, свои ответы, которые за подписью высоких должностных лиц иногда читать без слез нельзя (уголовное дело Сороколетова, в надзорных материалах которого все перевернуто с ног на голову, это убедительно и безусловно подтверждает).

Во-вторых, в этой связи вспоминается уголовное дело Вечкаева, которое когда-то, в 90-х годах (кажется, в другом государстве) пять раз возвращалось на дополнительное расследование. Не решались тогда судьи осуждать Вечкаева. Председатель Ступинского суда написал представление председателю суда областного, в котором выразил мотивированное несогласие с такими непонятными и незаконными отменами решений городского суда. Получил он письменное разъяснение, в результате которого злодей успешно и очень быстро сел. Думается, что сегодняшний председатель Ступинского суда никаких сомнений не ведает, потому что его предшественнику все подробно объяснили. В смысле - суть современной уголовной политики. Но тем не менее экс-председатель Московского областного суда С.Марасанова сегодня цитирует Ильина и "Кризис безбожия" и говорит о том, что "борьба за сроки рассмотрения дел никоим образом не должна сказываться на качестве правосудия". Прозрела, однако.

В-третьих, подобные запоздалые прозрения отнюдь не улучшают ситуацию. Уполномоченный по правам человека в РФ в Госдуме Э.Панфилова в мае 2015 года сказала, что за 2014 год число обращений по правам человека выросло на 44%, а 32% жалоб уполномоченному - на судопроизводство. Может быть, поэтому В.Зорькин, наверное от безысходности, совсем недавно предложил

вести "общественную экспертизу судебных постановлений". Не решается он почему-то прямо заявить о том, что то, что предусмотрено в Законе, не соответствует тому, что происходит на практике; что указания и рекомендации Конституционного и Верховного Судов почему-то не являются для городских и районных судей обязательными (дело Шилова); что практика применения этого закона зачастую находится за пределами разума и здравого смысла.

Сторонник и убежденный последователь принципа состязательности Г.Резник, подчеркивая вновь свою вездесущность, утверждая, что "реальной состязательности в наших судах сегодня нет", пишет, что "немодный нынче Карл Маркс говорил - для судьи нет иного начальника, кроме закона. В нашей ситуации можно продолжить мысль классика: кроме закона и руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда РФ. По Конституции никто суду указывать не может, даже вышестоящая инстанция, но де-факто непонятно, что если судья не будет следовать указаниям Пленума, решения просто будут отменяться". Отвечая на вопрос, как можно поменять практику, он говорит: "Отменами приговоров по конкретным делам, в которых вина не доказана". (см.: "Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ", №1(48), 2015 г.)

Много приговоров Вы отменили, Генри Маркович? Поделитесь опытом, расскажите, как?

На торжественном мероприятии, посвященном юбилею М.С.Мельниковского, лишь умудренный жизненным и профессиональным опытом В.М.Шеркер обмолвился о том, что нынешний УПК - сложный, отсылочный и т.д. Почему же не обосновать то, что этот УПК как минимум ошибочный и что его необходимо давно отменить, а не систематически его поправлять и дополнять, окончательно запутывая правоприменителей, тем более с учетом тех камуфлированных требований, которые существуют, но, что теперь уже очевидно, не афишируются. Тот же Г.Резник, утверждая, что "оправдательных приговоров отменяется в процентном соотношении в 3 раза больше, чем обвинительных", пишет, что "судьи просто не хотят отмены своих решений, отрицательных показателей собственной работы". Значит, проблема в государственной политике и государственной воле?

Ведь даже некоторые судьи, которые раньше говорили, что "все это упрощенчество, сейчас прямо говорят "о прямом вредительстве". Что же будет сказано еще через несколько лет? Откроется вся тщательно скрываемая правда? Вот только кому мы будем говорить все это, если к тому времени "пересажаем всю страну".

Интересны доводы нынешних следователей: "А мы не доказываем, мы просто понимаем. Я ж не говорю не надо, мы понимаем, что она совершила"; на вопрос: "Он сейчас признается, а завтра откажется" следует ответ: "А никто слушать не будет, ты же знаешь", далее: "Преступлений было мало, поэтому было время все правильно делать" и завершающее: "Человек же признает свою вину, какие основания ему не верить? У меня план!".

В результате, как сказал заместитель председателя городского суда Московской области, рассматривая дело

Королевой: "Двадцать первый век, а мы следственную практику все ухудшаем по сравнению в 50-ми годами прошлого века"? Пятидесятью годами прошлого века! Вот такие дела в подавляющем большинстве идут в суды. Поэтому судьи их и вытягивают за уши? А куда деваться, не возвращать же все подряд. "Заявляю, заявляю, а они все отказывают", - так о своих мотивированных ходатайствах кричит молодой адвокат. Однако его, так же как и опытного, никто не слышит.

В-четвертых, в прошлом, 2014 году, в стране было осуждено в особом порядке более 600.000 человек. И при этом судьи и их руководители говорят и пишут о том, что даже они зачастую не знают, а тот ли злодей осужден, а за что он осужден, а имеются ли доказательства его виновности и т.д. А где же принципы уголовного судопроизводства, указанные в законе? При этом председатель Мосгорсуда О.Егорова говорит, что "они работают для людей". Для каких?

А ведь М.С.Мельниковский 15 лет назад прозорливо писал о том, что подобные изменения в УПК вредны и опасны, не соответствуют и грубо нарушают принципы правосудия. Кто его услышал? И сейчас при таких делах мы еще призываем нынешних молодых адвокатов к профессионализму? Да им проще склонить своего доверителя к сотрудничеству с обвинением, которое суд, не ведая сомнений, просто утверждает, что делается теперь сплошь и рядом, "один другим".

Уже опытные защитники говорят, что "признание с адвокатом - это царица доказательств сегодняшнего процесса". Вопрос - с каким адвокатом и какое признание?

В-пятых, сегодняшнее рассмотрение судами уголовных дел отличается следующим. Что делать защитнику, если прокуроры и судьи ведут себя так: прокурор Смагин: "Ваша честь, прошу оставить ходатайство без рассмотрения". Судья Лебедева: "Позиция суда такая же"... Прокурор: "Мы допрашивали его по всем обстоятельствам". Подсудимый Полухин: "По каким всем?". Прокурор: "Не перебивайте меня, Полухин! Еще раз прошу, удалите, Ваша честь, его из суда, он не умеет себя вести. Он что, бог, царь здесь? Я терпеть это не буду. Я вот сегодня напишу рапорт на сайт всей страны (!? - адрес чудо-страницы не назвал. - прим. ред.) с распространением вашего хамского поведения в отношении стороны государственного объединения (так и сказал! - ред.). Поэтому прошу оставить без рассмотрения". Судья: "Суд оставляет без рассмотрения". Подсудимый: "Мы возражаем, и свои возражения в письменном виде изложим на следующем судебном заседании". Прокурор: "Если доживете". Судья в ответ на ходатайство о вызове и допросе специалиста: "Что она нового может сказать?". Судья в ответ на другое ходатайство: "Все это есть, зачем макулатура ваша?". Подсудимая: "Просто, чтобы у суда о нас сложилось мнение". Судья: "О вас уже давно сложилось мнение. Можете не стараться". Судья на другое ходатайство: "Я не собираюсь этого делать". Судья в ответ на другое заявленное ходатайство: "Я это не приму", в ответ на следующее ходатайство: "Я ничего приобщать не буду". Судья: "Да после такого отношения и поведения, я думаю, что вам еще долго посидеть придется".

Подсудимые, конечно, жаловались на судью Лебедеву в квалификационную коллегия судей. После одной из жалоб, в апреле 2014 года, Лебедева и взяла под стражу Александра Полухина. (см.: "И папа сядет, и мама, и тетя, и я. Семья Полухиных из Воронежа, выпекавшая в собственном кафе булочки с маком, по всей вероятности, пойдет по этапу", "НГ", 25 мая 2015 года) Это аудиозапись процесса. Что будет записано в протоколе судебного заседания? Наверное, совсем иная состязательность и равноправие, а, главное, объективность и беспристрастность судьи?

Кого удивлять своим профессионализмом в этом и других процессах? Тех уверенных в своей правильности должностных лиц, кто заточен на вынесение только обвинительного приговора, а редкий оправдательный выносят тогда, когда уж, наверное, совсем деваться некуда? Ведь Армавирский городской суд вернул прокурору дело в отношении владелицы бакалейного склада Елены Болдыревой и еще троих подсудимых (это ее муж, сторож и продавец) - "для устранения неустранимых в судебном заседании нарушений норм уголовно-процессуального закона". Однако это дело суд возвращает прокурору уже в четвертый раз... А тот с настойчивостью, требующей уже судебно-медицинской оценки, все пытается загнать дело в суд. На что надеется? На решение вопроса вне правовых рамок с включением административного ресурса. В этой правовой системе на все есть свое определение...

Другой пример. Судья, отказав в условно-досрочном освобождении, вынес решение о переводе заключенного на более мягкий режим - в колонию-поселение, но апелляционная инстанция это решение отменила. Рассматривая ходатайство о смягчении наказания, этот же судья сказал: "Я же заменял. Мне отменили. А вы хотите его освободить. Интересно... Это все взаимосвязано. И существует государственная политика, понятно? Я ни в коем случае не предрешаю вопрос, просто даю понять". Отказал судья по тем же основаниям, по которым ранее он же принял решение о переводе осужденного в колонию-поселение. Видимо, действительно, кроме законов, существует какая-то тайная государственная политика (см.: "НГ", 29 мая 2015 г.).

В-шестых, один опытный сотрудник центрального аппарата МВД, наверное, последний из могикиан, как-то высказал свое мнение о том, что за двадцать лет постоянных реформ в МВД состоялись уже три чистки. На вопрос: "Это 37-й год?", ответил: "Хуже, потому что в те годы оставляли профессионалов, а сейчас этого нет". На предложение уйти, создать адвокатскую контору и посвятить свою жизнь достойному, а не абы какому применению своим профессиональным знаниям и многолетнему опыту он ответил, что сядет по первому же своему делу. На вопрос: "За взятку или мошенничество (злоупотребление доверием клиента), а за что еще?", последовал грустный ответ: "За причинение тяжкого вреда здоровью первому же следователю по первому же его адвокатскому делу". Иных способов и методов воздействия и убеждения нерадивых следователей и их начальников он сегодня не видит...

Потому что, оказывается, служебная мотивация каждого третьего сотрудника МВД (т.е. 30%) имеет корыстную направленность (см.: Обзор состояния морально-психологического обеспечения оперативно-следственной деятельности органов внутренних дел Российской Федерации в первом полугодии 2012 года, приложение к письму МВД России от 31.08.2012 года №1/7817).

И ведь массированная пропаганда таких взглядов идет с экрана ТВ годами. Так, киношный и коррумпированный начальник оперативно-технической службы УМВД, оправдывая свою преступную деятельность, говорит главному герою Шилову: "Я как все выживаю, это пусть те боятся, которые против всех" (фильм "Ментовские войны-5", ТВ, 21 мая 2015 года). В результате и такого и такого кино "как раз на прошлой неделе, например, ушел в отставку начальник Курганского УМВД генерал Решетников, чьих ставленников арестовали. Ровно то же произошло ранее с начальниками Липецкого, Тверского, Рязанского, Тюменского и многих других областных УМВД" (См.: "Ментовские войны Тихого Дона", "МК", 26 мая 2015 года).

Справедливости ради надо сказать, что такой же корыстной направленностью отличаются и некоторые сегодняшние адвокаты. У них это заложено сегодняшней жизнью. Вспоминается случай, когда во время занятий со стажерами автор привел пример из практики, наивно думал, что ему будут заданы вопросы, типа, а как вам удалось добиться назначения экспертизы и т.д. Вопрос был лишь один, конкретный: "А какова сумма Вашего гонорара". Других вопросов не последовало...

Многие адвокаты раздражают судей своими бестолковыми и надуманными ходатайствами, работая на клиента, стремятся произвести на него впечатление, а по сути вводят его наивного и доверчивого в заблуждение, потом же, забывая о правосудии, начинают огульно обвинять якобы нехороших судей и прокуроров в заинтересованности в исходе дела и грубом нарушении закона. В этой связи справедливо сказал адвокатской аудитории совсем недавно председатель Судебной коллегии по уголовным делам Мособлсуда: "Жаловаться можно на все, но с ожидаемым результатом на что?". Зачастую адвокаты умышленно поступают наоборот. Кого они при этом обманывают?

"Самое главное, - предупреждал Мирон Семенович, - это быть чистым, правдивым и добросовестным перед своим доверителем, никогда его не обманывать, никогда. Также не надо ничего обещать вне рамок своих законных обязанностей. Вы можете обещать только добросовестную работу по делу. Не получается - верни гонорар, ведь основной мотив всех жалоб: взял деньги и ничего не сделал. Вы что-то пообещали человеку, вселили в него надежду и вдруг эту надежду разрушили. И он расскажет: этот адвокат ничего не знает, не умеет, не делает. И будет пятно на Вашу репутацию".

"Как такая позиция отличается от действий иных нынешних адвокатов, - говорит Н.Н. Большаков (см.: "С благодарностью вспоминаю его уроки", "Адвокатская палата", №3, 2015 г.).

И вот здесь настало время обратить внимание аудитории на прозорливость Мирона Семеновича, который олицетворял собой неприступность и недоступность адвокатуры и ее гордость, что и обеспечивало той, прошлой и уже забытой защите и ее принципиальным представителям безусловный авторитет.

Сейчас этого нет. Может быть, в сегодняшней состязательности сторон по-другому уже нельзя? И выход видится только в преступном соглашательстве, попустительстве, сотрудиничестве по принципу "чего изволите?". Доступным равноправием это называется. Когда законные средства и методы - на последнем месте, не говоря уже о каком-то там правосудии. Такие адвокаты вынужденно или умышленно подрывают традиции той старой школы и ее принципы, которые исповедовали учителя. Сегодняшние деятели от правосудия, зарабатывая свои деньги, и приходят в адвокатуру только за этим. Благодаря им адвокатура сегодня и превращается в "воровской бизнес", как сказал недавно один из руководителей подмосковной адвокатуры.

А что тогда делать тому адвокату, который не умеет и, главное, не желает так существовать. Опять же применяя свои высокие знания на практике, поражать судей и прокуроров своим профессионализмом?

Когда-то "эти люди оставили большой след своей благороднейшей деятельности не только в нашей коллегии, но и в адвокатуре в целом. Создали и преумножили престиж и авторитет нашей коллегии как одной из ведущих коллегий нашей страны. По разработанным ими методам, приемам и традициям мы и теперь, с учетом особенностей нашего времени, в основном продолжаем строить нашу работу, развивать и совершенствовать деятельность адвокатуры" (см.: М.С.Мельниковский, "Вспоминная родную коллегия" (отрывок из рукописи), "Адвокатская палата", №3, 2015 г.).

Более 50-ти лет М.С.Мельниковский осуществлял профессиональную учебу будущих адвокатов. Сегодня времена изменились. И изменились они в худшую сторону.

Назрела необходимость **переиздать Методические пособия и рекомендации Мельниковского, переработав их в соответствии с сегодняшними реалиями и механизмом непонятого и безжалостного реформирования российского правосудия**. Вот тогда адвокатура не будет разобщена, а молодые адвокаты будут знать, как и чему грамотно профессионально противостоять, добросовестно выполняя свою работу. Не будут они жертвами и заложниками декларированной состязательности и равноправия сторон, жалкими пособниками сегодняшнего правосудия.

Необходимо провести научно-практическую Конференцию, посвященную памяти Мельниковского, общить и проанализировать и требования закона и практику его применения. Нельзя так просто закрывать глаза на серьезные проблемы и гражданское, и уголовное, и административного производства, потому что нет ни состязательности, ни равноправия сторон. И что с этим делать, никто не знает.

Необходимо вернуть прокурору право возбуждать уголовные дела. Тогда, наверное, не будет (не будет ли?) так называемых "промежуточных" (выдумали же! кто?) постановлений об отказе в возбуждении уголовных дел, которые систематически отменяются как незаконные и необоснованные. Выносится "постановление о возбуждении перед руководителем СО ходатайства о продлении срока проверки сообщения о преступлении", этот срок по надуманным основаниям продлевается (например, необходимо приобщить фото с места происшествия или получить заключение экспертизы), потом - вновь постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, и так свыше 10 раз по одному и тому же материалу! При этом в угоду мнимым показателям своей мнимой деятельности такие следователи сплошь и рядом нарушают действующие письменные указания своего же Министрства. Или о них они уже забыли?

Тогда же не будет и, очевидно, нарушений прав граждан, предусмотренных ст.198 УПК ("Права подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля при назначении и производстве экспертизы") и 206 УПК ("Предъявление заключения эксперта"). Не будет официальных ответов типа: "В рамках проверки Демина признана потерпевшей не была, ввиду положений ст.42 УПК, согласно которой "решение о признании потерпевшим принимается незамедлительно с момента возбуждения уголовного дела и оформляется постановлением", на основании изложенного, у Деминой отсутствует право на ознакомление с постановлением о назначении экспертиз и заключениями экспертов".

Вспомнят и судьи, и следователи, что граждане "лишаются возможности реализовать связанные с назначением экспертизы **вытекающие из конституционных принципов состязательности** права, закрепленные ст.198 УПК РФ" (определение Конституционного Суда от 22 апреля 2014 года, о котором судьи городских судов просто "не помнят").

Тогда же не будет очевидно, запланированного разноречия в процессуальных решениях (одни возбуждают уголовное дело, другие - нет, и проводят свою скрытую от посторонних глаз и заинтересованных лиц проверку); серьезных противоречий в экспертной проверке обстоятельств дела, когда одни следователи назначают экспертизу, а другие - так называемое исследование (что противоречит даже административному производству); одни следователи знакомят и с тем, и с другим, другие не знакомят, так как не считают это нужным (или им это мешают), и т.д.

Необходимо прекратить размывание ответственности и сделать так, чтобы обвинительное заключение утверждал начальник следственного отдела и конкретно отвечал за то, что он расследовал, а потом утвердил.

Необходимо, чтобы отвод председательствующему рассматривался коллегией из трех судей, которые в обязательном порядке отвечали за укрывательство незаконных и необоснованных судебных решений ("несогласие с принятыми процессуальными решениями не является основанием для заявленного отвода").

Необходимо, чтобы судебные постановления и определения были мотивированными, и чтобы судья, вынесший

иные решения, нес реальную ответственность за свои действия.

И, наконец, необходимо, чтобы руководящие указания Конституционного и Верховного Судов были действительно руководящими и обязательными к исполнению.

Только тогда будут достигнуты цели, предусмотренные пунктом 2 части 1 статьи 6 (защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод) ныне действующего с виду правильного и демократичного Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а признание обвиняемого будет подтверждено объективной, а не абы какой, совокупностью собранных доказательств виновности.

Существуют и проблемы установления виновности водителя в гражданском процессе и экспертной оценки обстоятельств, являющихся предметом доказывания. Происходит непонятно что и с сегодняшними "независимыми экспертизами". Минюст официально и недоуменно отвечает, что всякие там "Центры по оказанию экспертных услуг", этакие "Рога и копыта" в систему судебно-экспертных учреждений Министерства юстиции Российской Федерации не входят (а куда они тогда входят?), а требования к квалификации негосударственных экспертов законодательством Российской Федерации не регламентированы. Но тогда почему во многих случаях такие очень уж необоснованные экспертизы без всяких на то сомнений принимаются сплошь и рядом судами? И чего делать? Тоже никто не знает. По одному из гражданских дел третье лицо написало заявление председателю районного суда, получило это лицо разъяснения о возможности и необходимости реализовывать свои права, предусмотренные ГПК. Права были реализованы, и очень при этом мотивированно, а потому - убедительно. Потом, как водится, был заявлен отвод судье, который был рассмотрен тем же судьей. Круг замкнулся. Решение апелляционной инстанции было предсказуемым...

И что делать посоветуете? Как права-то законные реализовать? Как витающий в своих судьбоносных делах и мечтах о демократии Г.Резник рекомендует - "отменами приговоров по конкретным делам, в которых вина не доказана"?

По другому уголовному делу было указано: "Необоснован и довод жалобы о том, что осужденная была лишена квалифицированной юридической помощи в ходе предварительного следствия, в связи с чем данные ею признательные показания должны быть исключены из обвинения", после чего изложено следующее, буквально: "Апелляционным постановлением признана недопустимым доказательством и исключена из приговора ссылка на показания осужденной, данные ею при допросе в качестве обвиняемой...".

Так значит, довод жалобы о том, что "осужденная была лишена квалифицированной юридической помощи в ходе предварительного следствия, в связи с чем данные ею признательные показания должны быть исключены из обвинения", является обоснованным? Это все называется простым словом - логика!

Однако в постановлении суда кассационной инстанции голословно указано, что **"вопреки доводам осужденной ее вина установлена показаниями самой осужденной"**. А как это понимать? Какими показаниями да еще и вопреки?

И венчает сей шедевр Брянской кассационной судебной мысли следующее: "Квалификация действий осужденной по п.п. "а, б" ч.2 ст.158 УК РФ, является верной". Так что же все-таки в действительности совершила осужденная - кражу группой лиц или все-таки дорожное происшествие? И запятых в этом судебном документе, простите, понатыкано столько, чтобы, наверное, показать не только свое юридическое знание, но и орфографическое вместе с пунктуационным. А ведь первый приговор по этому многострадальному делу был уже отменен в связи лишь с одним протоколом судебного заседания, который вызывал не только смех, но и слезы. Так он был написан.

Вызывает нарекания и непонятная судебная практика обжалования незаконных действий и решений следователя в порядке ст. 125 УПК РФ, которая сегодня нарушает доступ граждан к правосудию и способствует безнаказанности и произволу следователей, работающих по своему "субъективному усмотрению", а значит - по своему разумению при своеобразном прокурорском надзоре, а точнее его отсутствии, потому что сегодня прокуратура обеспечивает результаты обвинительного следствия, а совсем не объективное расследование. И примеров тому много. Поэтому вызывают зачастую усмешку слова о том, что сегодня прокурор - это "поверенный в делах законности", а "обжалуя незаконные приговоры с целью исправления судебных ошибок, восстановления нарушенных прав лиц, прокуроры выступают в качестве истинных правозащитников ("Судья", №12, 2013 г.), потому что давно забыт этот принцип, как и принцип справедливости, разве что адвокаты пытаются о них помнить, тщетно утверждая о необходимости объективности, всесторонности и полноты расследования.

Кто же и почему дает такие указания так рассматривать дела, если все руководители правоохранительной системы России и ее органов ратуют только за закон, его точное исполнение и тем более безукоризненное соблюдение всех прав и свобод граждан... Посмотреть бы на такого особо замаскированного законодателя? Или тем более на вожда, который дает такие вдруг руководящие указания, которые исполнители на местах все как один отрицают. Где же они все прячутся? Почему возникают такие наблюдения? Когда началась пресловутая перестройка, а было это 30 лет назад, исполняя постановления партии, директивные указания и приказы, "перестроились" первыми именно суды, которые десятками стали выносить оправдательные приговоры, сотнями - возвращали дела на дополнительное расследование. И впереди были военные трибуналы. Сейчас все с точностью наоборот. И опять первыми - военные суды. И переименовали их, и переделали в гражданскую одежду, и приравнивали к гражданским. Почему так? Наверное, им приказы исполнять легче. Так они не сомневаются. Может быть, когда-нибудь какие-нибудь ученые разгадают этот феномен? Значит, причина все-таки - не во внешних атрибутах, лозунгах и призывах? Сегодня же М.Горба-

чев - этот ловко и умело разыгравший невиданную в истории карту государственного предательства многоликий и многолетний с "дореволюционным стажем" отец советской демократии в прошлом и в настоящем предводитель пятой колонны со своим Фондом, который почему-то никто не называет "иностранном агентом", призывает начать в Россию новую перестройку, которая необходима для выхода страны "на устойчивый путь развития" и для возвращения ей "утраченной демократической альтернативы". Лицемерно называя перестройку в СССР незавершенной революцией, которая не предполагала развала Союза, Горбачев, в который раз действуя вопреки национальным интересам России, утверждает, что новая перестройка не приведет к развалу страны, а, наоборот, укрепит ее. Вышел он опять на арену, чтобы развалить и уничтожить то, что не удалось когда-то, - возрождаемую Россию.

Способствует ли возрождению и укреплению России систематическое реформирование ее правовой системы без исполнения того, что предписано, либо исполнения уже давно предписанного, однако непонятно как? Представляется, что какое-то новое очередное ожидаемое реформирование правоприменения без решения изложенных в настоящей статье проблем ни к чему хорошему не приведет. Нельзя постоянно и надуманно лишь лакировать действительность под набившие уже оскомину лозунги...

Это как в бизнесе, для которого главное, как выясняется, и о чем пишут многие авторы, это - предсказуемость, наличие четко прописанных и соблюдаемых должностными лицами правил игры. И этого все нет. А что при этом делать с непредсказуемым правосудием?

Поэтому вновь вспоминается Е.Цуков, который недолго пишет, например, что "уже несколько раз участвовал в апелляционных судах, но так и не понял, для чего их придумали".

"Доводы, аналогичные изложенным в кассационной жалобе, были предметом тщательного рассмотрения судами первой и апелляционной инстанциями, обоснованно признаны несостоятельными и опровергаются установленными по делу обстоятельствами, о чем имеется суждения в состоявшихся по делу судебных решениях. Нарушений уголовно-процессуального закона, влекущих отмену или изменение принятых по делу судебных решений, не установлено"...

Или другая мотивировка, кем-то придуманная и успешно применяемая в судах апелляционной инстанции: "При отсутствии процессуальных оснований", "При отсутствии новых доводов", "Не имеет отношения к сути рассматриваемого заявления", "Доводы защиты направлены на иную оценку исследованных судом доказательств", "Совокупность имеющихся доказательств дает основания для вывода о виновности осужденного".

И все это делается без мотивировки, обоснования и какой-либо оценки доводов защиты.

Разве вправе апелляционный суд, рассматривая заявленное ходатайство и отказывая в его удовлетворении, тем самым предвешая вывод о виновности подсудимого, утверждать, что "совокупность имеющихся доказательств дает основания для вывода о виновности осужденного", в то время как ни один из доводов защи-

ты проверке и оценке не подвергался, а разумные и обоснованные сомнения в виновности были безмотивно отвергнуты судом?

Поэтому совсем нельзя сказать, что "в государстве утверждена судебная власть, обеспечивающая условия построения и развития правового государства, в котором человек, его права и свободы провозглашены высшей ценностью, что в стране функционирует современная судебная система, позволяющая гражданам иметь свободный доступ к правосудию, судебную защиту нарушенных прав и законных интересов без каких-либо ограничений. Каждому гражданину Российской Федерации гарантировано право на справедливое судебное разбирательство независимым и беспристрастным судом, на основе демократических принципов правосудия, состязательности и равенства сторон, в условиях широкой гласности и открытости судебной деятельности" (В.М. Лебедев).

Так, в постановлении об *отказе в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании* суда кассационной инстанции было написано:

"В соответствии со ст. 401.1 УПК при рассмотрении кассационной жалобы судья кассационной инстанции проверяет только законность судебных решений, т.е. правильность применения норм уголовного и норм уголовно-процессуального права (вопросы права).

В связи с чем доводы кассационной жалобы в части оспаривания правильности установления судом фактических обстоятельств дела (вопросы факта) проверке не подлежат...

Несогласие заявителя жалобы с результатами рассмотрения судом заявленных ходатайств не может свидетельствовать о нарушении прав осужденной".

Кто и когда мотивированно объяснит, почему?

Или "имеющихся доказательств достаточно для вынесения обвинительного приговора", а "несогласие с принятыми процессуальными решениями не является основанием для отвода суда апелляционной инстанции" и т.д.

Возникает в связи с этим резонный вопрос, справедливый ответ на который вызывает искреннее недоумение и неприятие. Кто и с какой целью придумал именно такое "законное" рассмотрение уголовных дел? Кто и зачем ввел в УПК такие поправки и дополнения? Где же речь о защите уже набивших оскомину пресловутых прав и законных интересов граждан? В чем же тогда суть современного уголовного процесса? Обосновать вот просто так осуждение всех и всего абы как?

Может быть, именно потому даже понятие "существенных нарушений" так изложено и размыто, чтобы на практике всем этим можно было удобно манипулировать?

Несколько слов о предусмотренных законом незаконности и несправедливости судебного приговора (а значит, и досудебного следствия).

"... Но эта деятельность по буквальному тексту закона (ст.401.1 УПК) подчинена цели проверки только за-

конности предыдущих решений, а их обоснованность и справедливость (приговора) оставлена за рамками этой цели. Однако придавать данному обстоятельству большое, принципиальное значение было бы излишне. Как явствует из всего изложенного, никаких существенных изменений в системе кассационных оснований не произошло, а это значит, что сейчас в кассационном производстве проверяется все то же, что проверялось и ранее, когда советская и постсоветская кассация верой и правдой служила средством пересмотра судебных решений, не вступивших в законную силу, и под тем же углом зрения. А многолетняя теоретическая дискуссия на тему, может ли необоснованный или несправедливый приговор быть законным, практически значимых результатов так и не принесла, поэтому отсутствие в нынешнем законе упоминания о необоснованности и несправедливости приговора в качестве оснований его отмены чувства глубокого сожаления не вызывает.

Зато серьезные недоразумения способно вызвать на практике содержание ст. 401.6 УПК: "Пересмотр в кассационном порядке приговора... по основаниям, влекущим ухудшение положения осужденного, оправданного, лица, в отношении которого уголовное дело прекращено, допускается в срок, не превышающий одного года со дня вступления их в законную силу, если в ходе судебного разбирательства были допущены повлиявшие на исход дела нарушения, искажающие саму суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия". Во-первых, понятие "нарушения, искажающие саму суть правосудия и смысл судебного решения как правосудия" точному, научному определению не поддается; его содержание из анализа законодательства тоже не выводится. Поэтому ожидать единообразного применения анализируемой нормы в повседневной судебной-кассационной практике не приходится.

"Дополнительную путаницу способны внести также иные формулировки... Но на догадках и предположениях уголовно-процессуальная деятельность строиться не может и поэтому статья 401.6 УПК нуждается в существенном редакционном усовершенствовании". (См.: Безлепкин Б.Т. "Настольная книга судьи по уголовному процессу". "Кассационное производство по уголовным делам", "Перспектив", Москва, 2014 г.) О чем думал при этом законодатель? Квалифицирован ли он вообще? Кем раньше были некоторые законодатели и как они стали депутатами? Как пишет вездесущая демократическая пресса, один из них, заместитель директора профильного комитета, раньше был матросом, массажистом и народным целителем(!?).

Таким образом, существует объективная необходимость ревизии законодательства, обязательно изменения практики и необходимы новые формы правового применения.

Представляется, что сейчас уместно привести недавние слова Вячеслава Фетисова: "Всеякие бывали истории, но мы вели себя достойно. Не имели права испохабить великое имя победителей. Я увидел как специалист, что у нас очень много проблем. И даже не знаю,

как их решать. Можно ли вообще это сделать при нынешнем курсе, по которому идет наш хоккей? Если сейчас не задумаемся о завтрашнем дне, то отстанем безнадежно. На юниорском уровне уже швейцарцы нас громят 5:0. Там пока нет хоккеистов высокого класса, но работает система. Мы вообще какие-то спокойные. А надо бить в колокола!.. Ребята, мы о чем думаем вообще? И этот объем нужно превращать в качество, а это возможно, если только люди понимают, что они делают... А если говорить о качестве, то, увы... И я свою позицию всегда смогу аргументировать, потому что знаю, как все работает в хоккее". Итак, система, которая работает, и которая бывает разной...

26 сентября 2014 года состоялся семинар в АПМО "Толкование и применение норм уголовно-процессуального права в ходе производства по уголовному делу". Председатель Научно-методического совета, член Совета Адвокатской палаты С.А.Багян подчеркнул, что в нашем уголовно-процессуальном законодательстве много изменений и противоречий, в которых не всегда могут верно ориентироваться даже опытные юристы. Подробный доклад по теме семинара сделал заведующий кафедрой уголовного процесса Российской академии правосудия В.И. Кононенко, федеральный судья в отставке.

Что такое "правовой абсурд" и как действовать, попав под его воздействие? Где право, а где обязанность суда? Как научиться системно толковать и применять правовые нормы? Являются ли постановления Пленумов ВС источниками права?

Докладчик подверг критике и некоторые статьи, и, главное, сам дух нынешнего Уголовно-процессуального кодекса, поскольку в свое, хотя и не очень давнее время, он, оказывается, был создан по так называемому "модельному кодексу для стран СНГ" фонда Сороса, не учитывавшему наши традиции и правовую культуру. (Прим. авт.: А где ж мы раньше были? Как все это объяснить? Добросовестным заблуждением Е.Мизулиной и компании?)

В связи с этим актуально принятие нового, современного УПК, который уже разрабатывается. В него должен войти и лучшее из нашей "славной правовой истории", ведь в пору принятия российских судебных Уставов 150 лет назад они являлись передовыми в Европе и примером для подражания. Сегодня же мы, увы, отодвинулись от некоторых тогдашних завоеваний назад. (Прим. авт.: От некоторых или от всех? Кто этому способствовал и зачем? С какими истинными целями? К чему в итоге мы пришли?)

В.И. Кононенко привел и многие конкретные современные уголовные дела, иллюстрирующие его размышления. В качестве же частных ошибок адвокатов при защите по уголовным делам он отметил те случаи, когда они вместо доказательств приводят в качестве таковых не всегда оправданные ссылки на нормы права. А действительность жалобы зависит не от ее объема (достаточно и 1,5-2-х машинописных страниц), но и от точности и убедительности.

Таким образом, выступление опытного профессионального юриста получилось и теоретическим, со ссылкой на постулаты Васильковского, Кони, Алексеева и дру-

гих правоведов, и практическим, и даже философским, с упоминанием различий классического греческого и восточных мышлений.

При этом В.И. Кононенко советовал в сложных ситуациях всегда исходить из системных правовых принципов, не поступаться ими (см.: "АП", №10, 2014 г.).

А если они систематически нарушаются и их должностные лица не видят?

И как быть тогда бедному адвокату, если, повторюсь, все эти системные правовые принципы должностными лицами этой правовой системы в условиях существующего и организованного ими же системного кризиса просто системно игнорируются?

Но ведь существует и другой ответ - в совсем недавних словах председателя Верховного суда РФ Лебедева В.М. Этот диалог стоит того, чтобы привести его дословно:

"- Что Вы скажите по этому поводу?"

- Лучше вас, журналистов, по этому поводу никто не скажет. Верховный суд ведь принял даже не одно постановление пленума, где все разъяснил - как должны поступать судьи, в каких случаях можно, а в каких нельзя брать под стражу. Все уточнили. Все есть. И есть частные постановления Верховного суда по многим делам, где прописано, почему ВС считает избрание меры пресечения в виде заключения под стражу необоснованным в отношении конкретного человека. А что происходит? Человек продолжает оставаться под стражей.

-Но почему?! Почему не исполняются решения Верховного суда?"

-Сейчас можно говорить - человеческий фактор. Плюс недопонимание законов некоторыми судьями.

-И какой выход вы видите?"

-Если будет установлено, что служитель Феиды грубо нарушил закон, проигнорировал его (не думаю, что он это сделал умышленно, но тем не менее), будем ставить вопрос о привлечении к дисциплинарной ответственности. Я другого выхода не вижу...(см. "... Развод по переписке", "МК", 3 декабря 2014 г.).

Но опять же, как быть, если "несогласие с принятыми процессуальными решениями не является основанием для отвода"? И тем более - "для привлечения к дисциплинарной ответственности"?

"При **разумном подходе** к этому направлению судебной работы и **наличии политической воли** судебная система, в плане ее влияния на общество, **через 5 -7 лет может быть иной**, а те негативные явления в деятельности правоохранительных органов, о которых с большой сказано в приведенных выше публикациях, существенно утратят свою остроту, если не исчезнут вовсе". (К. А. Кадолко, август 2006 года).

В российском следствии и судебном производстве, которое почему-то называется правосудием, годами существуют системные проблемы, которые, судя по всему, умышленно никто не решает. А той с виду правильной и умной либеральной говорильне, которую мы слышим, уже никто не верит. Мы начинаем догадываться, что эти слова направлены на прикрытие системного разрушения.

"На самом деле русские создали свой вариант капитализма по образцу тех картин западной жизни, которые рисовала советская пропаганда. Им внушали, что Запад - это разгул преступности, поголовная коррупция, неприкрытая страсть к наживе, многомиллионный бесправный класс голодающих и кучка злобных алчных мошенников-капиталистов, попирающих закон. Конечно, даже в самые трудные времена Запад и отдаленно не напоминал такую картину, но русские построили у себя именно этот вариант" (Йэн Бэнкс, последователь Стейнбека и Драйзера, роман "Бизнес", 1999 г.).

Именно поэтому с целью проведения объективной оценки результативности работы адвоката в качестве защитника и выработки комплекса неотложных мероприятий по улучшению качества оказания правовой помощи **необходимо обобщить следственную и судебную практику, все эти сегодняшние недостатки, противоречия и двусмысленности, придать им надлежащую огласку, подготовить предложения, представить которые в качестве законодательной инициативы в Минюст и ФПА с целью изменить то, что является сегодня нетерпимым, особо опасным для народа, о котором уже никто почему-то и не помнит (наверное потому, что он уже - электорат), а также - для общества и государства.**

Ведь М.Шемякин, отвечая на вопрос, что "мы скоро можем стать страной третьего мира", говорит: "Недавно читал статью Михаила Веллера о том, что сейчас президенту пачками идут письма о воровстве и беспределе чиновников в их областях. Феномен в том, что люди не просят, как раньше, посадить конкретных персонажей и заменить чиновников. **Они требуют сменить законодательство и выполнять его**" (см.: "России не надо подниматься с колен", "МК", 23 мая 2015 г.).

Понятно, что те адвокаты, которые будут профессионально, принципиально и добросовестно работать, они, получив поддержку и профессиональные знания, оправдают и подход Мельниковского, и требования старой школы Российской адвокатуры.

Но большинство в таких сегодняшних условиях правоохранительной деятельности как минимум будут разочарованы в профессии, их ждет утрата веры в правосудие и справедливое применение закона. "Точность юридических формулировок, филигранность изложения их в составляемых защитником документах - есть залог того, что наши ходатайства и жалобы будут весьма сложно оставить без надлежащего внимания. Я не говорю, что это панацея, но то, что это свидетельство профессионализма - несомненно" (С.Соловьев. Адвокатская газета, 2010.).

А когда защитник достиг предела процессуальных возможностей изменить ход расследования или судебного процесса путем подачи многочисленных жалоб и ходатайств?

Сумеют ли сегодняшние стажеры и молодые адвокаты, успешно приобретая и творчески применяя свои профессиональные навыки, совершенствуя свое профессио-

нальное мастерство, следуя традициям и школе М.С. Мельниковского, способствовать прозрению нынешних судей? Будем надеяться. Но вряд ли. Потому что в российском правоприменении уже давно существуют системный кризис, преодолеть который вот так, как это делается, лишь с помощью каких-то жалких сегодня, пусть и мотивированных, пусть и исключительно обоснованных ходатайств защиты, ее жалоб, заявлений и обращений, просто невозможно.

Наверное, именно поэтому на мероприятии, посвященном 100-летию М.С. Мельниковского, прозвучало: "Не на кого будет смотреть и не за кем будет идти", а "тот, кто жил нормально, жил трудно". Тот же М.Шемякин говорит: "Студентам я объяснил: чем дальше вы продвигаетесь, тем беднее, возможно, будете. Потому что настоящий творец вступает на очень тяжелый путь. Мы занимаемся вещами, которые часто опережают эпоху...".

Удастся ли им сохранить в течение этого длинного ряда лет последовательность в мыслях, искренность в чувствах и постоянство в убеждениях? (В.Спасович).

Вместо послесловия

Официальный документ от 04.12.87. за №7-257-40

(Стилистика и орфография документа сохранены, выделено автором)

Угловой штамп. Министерство юстиции РСФСР 101434, ГСП, г.Москва, К-51, ул.Ермоловой, 10а, тел.209-77-31.

Секретарь партбюро Московской областной юридической консультации и президиума Московской областной коллегии адвокатов т.Исакову И.И.

123242, г.Москва. ул.Баррикадная, д.8-В.

Возвращаю Вам материалы в отношении т.Мельниковского М.С.

Активная работа по расширению объема платной юридической помощи, оказываемой населению, в настоящее время является одним из **основных показателей** при оценке работы адвокатуры.

В Московской областной коллегии адвокатов создана **неблагоприятная обстановка с выполнением установленных планов оказания платной юридической помощи.**

В ходе проверки работы Московской областной коллегии и обсуждения этого вопроса на заседании коллегии Министерства юстиции РСФСР 25 ноября 1986 года обращалось внимание руководства президиума на *необоснованное поощрение адвокатов, которые не вносят должного вклада в* **настойчивое наращивание объема платных услуг.**

Тов. Мельниковский за последние годы платную юридическую помощь оказывал недостаточно активно.

При таких обстоятельствах нет оснований для поста-

новки вопроса о присвоении ему почетного звания "Заслуженный юрист РСФСР".

Приложение на 22 листах.

Подпись.

Получается, разные проблемы и особенности существовали всегда и в свое время. И ведь то время было не менее интересным, чем наше - сегодняшнее. Только раньше это были перегибы, а сейчас - загогулины. А ведь многие ученые склоняются к выводу, что будущее будет в точности таким же, как прошлое, только дороже (Джон Слейдек).

А.П. Галоганов - президент АПМО, вице-президент ФПА РФ

Недопонимание. О проблеме отношений государства и адвокатуры

Взаимоотношение адвокатуры и государства - проблема, которая всегда стояла перед адвокатским сообществом, к сожалению, до сих пор остается актуальной. Отношение государственных и правоохранительных органов к адвокатуре, непонимание роли адвоката в обществе вызывает изумление. Приведу несколько примеров из тех, с которыми мы в АП Московской области сталкиваемся постоянно.

Город Наро-Фоминск - известный подмосковный город, город воинской славы. В дни подготовки к празднованию 9 мая власти города рассылают по всем коммерческим структурам города указание - снять рекламу. И заставляют снимать вывески адвокатских образований. Мне звонит заведующая филиалом адвокатской коллегии, многие годы являющейся единственной структурой, которая оказывает бесплатную юридическую помощь в этом районе, и говорит, что власти заставляют свинчивать обычную вывеску с названием адвокатского образования. Прежде всего, это просто обидно, ведь коллегия оказывала помощь ветеранам, в ее рядах адвокаты, работающие по 40 лет, видевшие войну. И в преддверии Великого праздника Победы такое пренебрежительное отношение к адвокатуре.

Другой пример: заместитель председателя Московского областного суда приезжает с визитом в городской суд Сергиева Посада. Обошел хорошее, современное здание суда и увидел комнату для адвокатов. Итог: надпись "адвокаты" снять, комнату закрыть, чтобы не было намека на "коммерческую деятельность" в здании суда. Комната для прокуроров его при этом не смутила.

В другом районе Московской области прошло распоряжение не осуществлять оплату за участие адвоката в уголовных делах по назначению из федерального бюджета, а направлять исполнительные листы в места лишения свободы, где отбывают срок осужденные, которых представлял адвокат. Была такая система в советское время, но сейчас это явное нарушение закона. Конечно, мы будем правовыми мерами бороться с этими определениями, но ведь это проблемы, возникающие из ничего. Ну, какой смысл снимать таблички организаций, которые 40 лет находятся в одном и том же месте и проводят огромную работу по бесплатной помощи? Оскорбить?

Другой показательный пример - награды. Я уже обращался в Министерство юстиции с просьбой о присуждении звания ветерана труда адвокатам, но Минюст отказал. Тогда с эту же просьбу я адресовал председателю нашего областного Законодательного собрания, они отправили меня обратно в Министерство юстиции. А хотелось бы найти понимание в том регионе, где работаешь, ведь мы помогаем областной администрации, когда они к нам обращаются.

Государственные и правоохранительные органы очень закрыты. И пробиться к ним даже по общественным вопросам очень непросто. Я хотел встретиться с главой Следственного комитета области. Звоню, прошу о встрече. Мне отвечают, что я могу записаться на прием через сайт. Все сделал, как положено - зарегистрировался, отправил заявку. Через какое-то время перезванивает кто из сотрудников комитета, спрашивает, по какому вопросу я хочу обратиться, когда, кто такой. Вот уже прошло пару месяцев с этого разговора - встреча так и не состоялась. И это общественные вопросы, а что делать, если нарушены права человека? Как мы можем повышать престиж профессии, если такое пренебрежительное отношение к адвокатуре со стороны государственных органов - это норма?

(первая публикация на сайте parf.ru)

М.Н. Толчеев - вице-президент АПМО

Обзор судебной практики по делам, связанным с истребованием жилых помещений от добросовестных приобретателей, по искам государственных органов и органов местного самоуправления

Первоначально, в рамках мониторинга правовых событий, я планировал разместить на сайте сообщение об опубликованном Верховным судом Обзоре судебной практики по делам, связанным с истребованием жилых помещений от добросовестных приобретателей, по искам государственных органов и органов местного самоуправления" (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 01.10.2014).

Однако, поскольку тематика Обзора относится к кругу моих профессиональных интересов, а сам он содержит ряд концептуальных, но не бесспорных, на мой взгляд, положений, я решил поделиться с коллегами некоторыми возникшими у меня мыслями по этому поводу. Возможно, они окажутся кому-то полезными.

1. Прежде всего, обращает на себя внимание необоснованное сужение изложенных в Обзоре позиций Верховного суда их применением в отношении дел только с участием государственных органов и органов местного самоуправления в качестве истцов. Такой вывод можно сделать прямо из названия. В самом деле, ведь не просто так эти органы указаны в названии Обзора. Да и по тексту это отчетливо прослеживается. Получается, что изложенное в нем толкование применения правовых норм относится исключительно к ситуациям, когда истцом выступает специальный субъект - государственные органы или органы местного самоуправления.

Проблема, на мой взгляд, здесь заключается в том, что никаких специальных субъектов в применении норм гражданского права нет и быть не может. Мне вспоминаются лекции Е.А. Суханова, на которых он говорил, что, с точки зрения гражданского права, не существует даже государственной собственности и вся собственность должна рассматриваться как частная. Это проистекает из базового принципа цивилистики - формального равенства субъектов правоотношений. Государственные и муниципальные органы в гражданско-правовых отношениях не имеют и не могут иметь каких-либо преимуществ и нормы гражданского кодекса должны применяться единообразно безотносительно к тому, кто является субъектом регулируемых правоотношений. Реализация же государственно-властных полномочий регулируется иными законодательными актами и не в рамках гражданского права.

Эта проблема в контексте анализируемого обзора тем более интересна, что в нем Верховным судом даны разъяснения, существенно усиливающие позицию собственника, истребующего имущество от добросовестного приобретателя. В некоторых случаях эти толкования логичны, в других - на мой взгляд, иначе как странными их назвать сложно (о чем ниже).

Должен ли суд придерживаться изложенных в Обзоре судебной практики позиций по всем делам об истребова-

нии имущества от добросовестного приобретателя или же этот документ призван придать привилегированный статус только одному виду участников гражданского оборота? Другими словами, будут ли нормы статей 301 и 302 ГК РФ применяться единообразно по всем делам или они должны толковаться и применяться по-разному в аналогичных фактических обстоятельствах, но в зависимости от того, кто является истцом по делу, частное лицо, либо же государственный орган или орган местного самоуправления?

По изложенным выше соображениям, конечно, должно быть обеспечено единообразное применение закона и равенство всех участников гражданских правоотношений. А указание в названии Обзора на органы государственной власти и органы местного самоуправления - вообще бессмысленны. К слову сказать, статья в Российской газете, в которой дается анализ этого документа, вообще не содержит ссылок на специальный субъект и описывает как бы общую практику применения рассматриваемых норм. Заметим, что эта статья полностью размещена на первой странице сайта Верховного суда РФ.

В пользу второй точки зрения говорит не только название. Об этом свидетельствуют и все использованные в Обзоре примеры и в особенности пространные рассуждения о применимости практики ЕСПЧ, Конвенции о защите прав человека и основных свобод и протоколов к ней, занимающие всю третью страницу Обзора. Мы привыкли к четкости формулировок в документах ВС РФ. Однако, читая указанные рассуждения, я так и не смог понять, обоснованию какой позиции, применительно к тематике Обзора, они служат. Можно предположить, что данные рассуждения призваны обосновать позицию, согласно которой, вопреки принципу правовой определенности, суды вправе толковать правовые нормы в целях защиты экономических интересов государства, когда таковые затронуты.

На практическом уровне, думаю, можно ссылаться на изложенные в Обзоре позиции по всем делам данной категории. Чем, собственно, частное лицо хуже государственного органа в рассматриваемом контексте. Однако, в тех случаях, когда суд с нами не согласен, понятно, как будет обоснован отказ придерживаться этих позиций Верховного суда в конкретном деле.

2. Следующий момент, который обращает на себя внимание - Верховный суд ставит знак равенства между совершением сделки неуполномоченным лицом и выбытием имущества из владения собственника помимо его воли, как это сформулировано в п. 1 ст. 302 ГК РФ.

"Если жилое помещение выбыло из владения Российской Федерации, субъекта Российской Федерации или муниципального образования в результате действий ли-

ца, которое не имело права его отчуждать, и уполномоченный собственником жилищного фонда орган непосредственно не совершал каких-либо действий, направленных на отчуждение данного недвижимого имущества, собственник вправе истребовать его из чужого незаконного владения, в том числе от добросовестного приобретателя".

Особенностью рассматриваемых правоотношений является то, что ни одна из спорящих сторон, как правило, не является нарушителем права. Ни собственник, требующий вернуть ему вещь, ни добросовестный приобретатель. Нарушитель - третье лицо, промежуточное звено в цепочке сделок, которое, зачастую в судебном процессе и не участвует. Весь вопрос в том, кто из сторон получит спорную вещь, а кто - право взыскать убытки с этого третьего лица. С одной стороны - абсолютные права собственника, с другой - стабильность гражданского оборота. "Существо же проблемы состоит, разумеется, не в обосновании той или иной теоретической позиции, а в необходимости реальной защиты добросовестных приобретателей, т.е. в конечном счете - интересов гражданского (имущественного) оборота". <Е.А. Суханов "Проблемы реформирования гражданского кодекса России" М. Статут 2013 г. стр. 386>.

В этой связи, в менее выгодном положении должен оказываться участник, действовавший менее разумно. Заключение сделки неуправомоченным лицом, на мой взгляд, не всегда означает выбытие имущества из владения собственника помимо его воли. Так в приведенном в обосновании вышеизложенного тезиса примере указывается, что спорная квартира была продана на основании дубликата договора передачи. Однако, сам договор передачи не заключался и квартира не была приватизирована.

Вместе с тем, совершенно обходится вниманием вопрос, кем был выдан дубликат договора передачи. Одно дело, если это был поддельный документ. Совсем другое, когда речь идет о дубликате, выданном органом, уполномоченном совершать такие действия. Должно ли государство нести ответственность за действия своих чиновников?

Приведу другой пример из собственной практики. Главой местной администрации были выданы дубликаты свидетельств о праве собственности на земельные участки. В действительности участки (а речь в совокупности шла о нескольких гектарах) ранее не приватизировались. В дальнейшем участки неоднократно перепродавались. Десятки семей вложили огромные деньги в их освоение, построили дома. Прокуратура обратилась с иском об истребовании участков от добросовестных приобретателей и суд удовлетворил данное требование. Глава администрации был осужден, а людям предложили взыскать с него убытки. В контексте правил п. 1 ст. 302 ГК РФ, мне представляется это неправильным. Ведь именно государство в лице своего чиновника, облеченного соответствующими полномочиями не проявило разумной осмотрительности. В результате этого имущество и было из владения собственника и говорить о том, что это произошло помимо его воли, на мой взгляд, нет достаточных оснований.

В другом деле суд согласился с аналогичными довода-

ми. Правда, истцом, истребующим имущество от добросовестного приобретателя, здесь было физическое лицо. Суд указал, что собственник не только передал для перепродажи третьему лицу все документы на дом и участок, ключи от дома и построек, но и в течение нескольких лет не нес расходы по содержанию дома и участка, проживая в этом же населенном пункте не интересовался тем, кто построил забор, заменил крышу дома и т.д. Из этого суд сделал вывод, что воля первоначального собственника была направлена на отчуждение принадлежащего ему имущества. Он на протяжении длительного времени не возражал против того, что домом пользуются и распоряжаются другие люди, о чем не мог не знать. При таких обстоятельствах суд пришел к обоснованному, на мой взгляд, выводу, что собственником была выражена воля на выбытие имущества из его владения и, несмотря на то, что договор купли-продажи между собственником и промежуточным владельцем был заключен неуполномоченным лицом, отказал в истребовании имущества от добросовестного приобретателя.

К этому же формату стоит отнести и указание в Обзоре на то, что имущество может быть истребовано у добросовестного приобретателя в том случае, если оно было зарегистрировано за другим лицом на основании решения суда, впоследствии отмененного. Справедливости ради надо отметить, что аналогичная позиция была изложена еще п. 11 "Обзора судебной практики по некоторым вопросам, связанным с истребованием имущества из чужого незаконного владения", утвержденного информационным письмом Президиума ВАС РФ от 13.11.2008 N 126. Стоит отметить также, что в обзоре ВАС данная позиция была отражена гораздо более четко: "Имущество, изъятое у собственника на основании решения суда, принятого в отношении этого имущества, но впоследствии отмененного, считается выбывшим из владения собственника помимо его воли".

И хотя, на мой взгляд, трудно согласится, что за ошибки государства в лице его чиновников или суда, принявшего незаконное решение, должен отвечать добросовестный приобретатель, мы вынуждены учитывать изложенные позиции Верховного суда в нашей повседневной практике.

3. Еще одним важным пояснением в рассматриваемом Обзоре, по моему мнению, является правовая позиция о распределении бремени доказывания добросовестности приобретения спорной вещи.

"Ответчику при предъявлении к нему названного иска необходимо доказать, что жилое помещение было приобретено им по возмездной сделке и при этом он не знал и не должен был знать, что лицо, у которого он приобрел имущество, не имело права на его отчуждение".

Данная позиция, и главное, ее последующее пояснение является развитием правовой позиции, изложенной в п. 38 Постановления Пленума Верховного Суда РФ N 10, Пленума ВАС РФ N 22 от 29.04.2010 "О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав".

"Приобретатель признается добросовестным, если докажет, что при совершении сделки он не знал и не должен был знать о неправомерности отчуждения имущества продавцом, в частности принял все разумные меры для выяснения правомочий продавца на отчуждение имущества".

Трактуя указанное разъяснение Пленума суды, как правило, исходили из того, что для подтверждения добросовестности покупатель должен был запросить выписку из ЕГРП, когда речь идет о недвижимом имуществе, и паспорт (а в случае совершения сделки представителем еще и доверенность). Обзор идет дальше, полагая, что этого недостаточно. Верховный суд указывает, что помимо выписки из ЕГРП, ответчик должен представить доказательства принятия им разумных мер для выяснения правомочий продавца на отчуждение жилого помещения. К таким мерам в частности суд относит ознакомление со всеми правоустанавливающими документами на недвижимость, выяснение оснований возникновения у продавца недвижимости имущества прав собственности, непосредственный осмотр приобретаемого имущества. Кроме того, о недостаточной осмотрительности, которая традиционно приравнивается к недобросовестности приобретения, правоприменитель относит такие показатели как частая смена собственника недвижимости на протяжении незначительного временного промежутка и явно заниженная стоимость продажи.

Такой подход представляется не вполне обоснованным. Прежде всего, доказывание отрицательных фактов - задача весьма непростая, а часто и не выполнимая в силу своей природы. Одно дело подтвердить получение выписки из ЕГРП и копии паспорта, совсем другое - доказать незнание.

А кроме того, данная позиция в значительной мере противоречит презумпции добросовестности, закрепленной в п.5 ст. 10 ГК РФ и правилам п. 1 ст. 2 Федерального закона от 21.07.1997 N 122-ФЗ "О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним". По замечанию Е.А. Суханова "Дело, однако, вновь осложняется тем, что объектом спора является недвижимая вещь, право собственности на которую зарегистрировано в ЕГРП, что по прямому указанию закона является единственным доказательством существования этого права. В такой ситуации непонятно, на чем основана обязанность фактического владельца предпринять "дополнительные меры проверки" и в чем они могут состоять". <Е.А. Суханов "Проблемы реформирования гражданского кодекса России" М. Статут 2013 г. стр. 396>. Добавим также - и какими доказательствам это может быть подтверждено в суде.

Нельзя забывать, что особенность судебного ретроспективного познания заключается в том, что распределению бремени доказывания соответствует презумпция. То есть недоказанная добросовестность приобретателя соответствует доказанной недобросовестности. Для установления такой презумпции, на мой взгляд, у Верховного суда не было достаточных законных оснований.

Однако, такое разъяснение дано и, полагаю, при сопровождении сделки с недвижимостью стоит запастись

дополнительными документами: акт осмотра недвижимости, документ о средних ценах на сходную недвижимость, выписка из домовой книги, документы о приобретении имущества прежним собственником (и возможно, предыдущими). Хотя, если право предыдущего собственника было зарегистрировано в ЕГРП, им для такой регистрации были представлены необходимые документы. И уж если Росреестр не смог определить их несоответствие требованиям закона, то ожидать это от покупателя, по меньшей мере, странно.

4. И последнее, на что необходимо обратить внимание - ориентация на применение правил ст. 301-202 ГК РФ, независимо от избранного истцом способа защиты нарушенного права.

"Если ответчиком недвижимое имущество приобретено у лица, которое не имело права его отчуждать, и между истцом и ответчиком отсутствуют договорные отношения, то независимо от избранного истцом способа защиты права (т.е. заявление требования об истребовании жилого помещения из чужого незаконного владения, либо заявление требования о признании недействительными сделок по отчуждению жилого помещения, либо заявление таких требований одновременно) применяются правила статей 301, 302 ГК РФ".

Виндикация и реституция, как известно, являются самостоятельными способами защиты права. В каждом случае мы имеем совершенно различные предметы доказывания. А значит, совершенно различные доказательства должны быть представлены в дело. При таких обстоятельствах, если истец настаивает на применении последствий недействительности сделки, а суд намерен применить ст. 301, 302 ГК РФ, суду ничего не остается, как по своей инициативе истребовать соответствующие доказательства, что представляется неправильным.

(первая публикация на сайте arto.ru)

С.И. Добровольская - адвокат МЦФ МОКА, к.ю.н.,
В.В. Маликов - адвокат МЦФ МОКА

Не имела баба хлопот... или Страсти по земле

В последнее время в Московской и близлежащих областях мошенничество с землёй приобрело массовый характер. В связи с изменениями в Земельный кодекс РФ, последовавшими в 2011 году и определившими земельный участок как поверхность земли, границы которой определены федеральным законом, очень многие граждане, добросовестные приобретатели земли, рискуют остаться ни с чем.

Вот для примера два случая, наглядно высвечивающие вышеуказанную проблему.

Некий гражданин Ф. приобрел участок земли в 2002 году в Истринском районе Московской области. Гражданин Ф. оформил все документы на свою землю, как тогда полагалось. В 2009 году он оформляет межевой план и на основании него - кадастровый паспорт на свой земельный участок. Он огораживает его забором и ... на время забывает об участке, поскольку по роду своей деятельности был вынужден уехать из Москвы, справедливо полагая, что купленная недвижимость принадлежит ему и только ему, и надеясь в лучшие времена построить на этом участке дом с мансардой.

Тем временем гражданка М., риэлтор по роду деятельности (и мошенница по наклонностям) решила за бесценок прикупить себе земли в элитном районе Подмосковья. Она обратилась к бывшему главе Администрации сельского поселения Н. и тот (конечно же, исключительно за красивые глазки!) выписал ей Свидетельство о праве собственности на землю задним числом на некий участок за №80. С этим левым Свидетельством старого образца она обратилась в Регистрационную палату г. Истры и получила Свидетельство о праве собственности на земельный участок нового образца. И всё бы было прекрасно, если бы тот самый земельный участок за №80 не принадлежал временно отсутствующему гражданину Ф. Увидев чужой забор на участке №80, гражданка М. сначала удивилась, а потом, поскольку работала риэлтором, быстро сориентировалась, что участок уже кому-то принадлежит, и решила, имея на руках все необходимые документы, сделать гешефт - по-быстрому продать чужой участок как свой. Каково же было удивление гражданина Ф., когда, заехав на свой участок, он вдруг обнаружил объявление о продаже его земли на заборе и номер телефона, по которому надо позвонить...

Случай второй. Ивановская область. Деревня Климово. Ранней весной 2009 года гражданин С. решил купить земельный участок размером 22 сотки, что он и сделал, оформив Договор купли-продажи с неким гражданином Е., собственником участка. Все необходимые документы - межевой план с определением границ земельного участка, кадастровый паспорт земельного участка, - Е. передал гражданину С. при совершении сделки. Сразу же после покупки счастливый обладатель участка вынужден был на какое-то время оставить участок по семейным обстоятельствам, не помышляя о том, что у него могут воз-

никнуть какие-либо проблемы. Когда спустя 2 года гражданин С. приехал на свой участок, чтобы строить там дом и забор, удивлению его не было предела - на его участке сажал картошку некий старичок...

А теперь, чтобы сохранить динамику повествования, вернёмся снова к гражданину Ф., которого мы оставили стоящим у забора с номером телефона. Гражданин Ф. позвонил по этому номеру. На другом конце гражданину Ф. ответила риэлтор М. и предложила купить ему его же собственный участок. От такой наглости гражданин Ф. потерял дар речи, а через пару месяцев (в начале 2010 года) получил иск из суда, в котором риэлтор М. просила суд признать его сделку купли-продажи недействительной и истребовать "её участок" из чужого незаконного владения.

Схожая ситуация (с небольшими нюансами) возникла и у второго героя нашего повествования. Спустя пару лет, в 2013 году, уже после того, как гражданин С. (вежливо попросив старичка исчезнуть) поставил на участке забор и построил двухэтажный дом, он также получил иск из Ивановского районного суда от некоего господина Л. об истребовании имущества из чужого незаконного владения. При этом Л. утверждал, что он в далёком 1993 году получил от главы Администрации сельского поселения Климово (конечно же, за ударный труд в колхозе, в котором он никогда не работал!) земельный участок площадью 15 соток. И аккуратно, якобы, этот земельный участок расположился на землях, купленных гражданином С.

Когда суды стали разбираться в сложившихся ситуациях, они резонно потребовали у истцов и у ответчиков полный комплект правоустанавливающих документов на землю, который включал в себя:

1. Первичное Свидетельство о праве собственности на землю, которым земля выделялась в далеких 90-х годах истцам.
2. Договор купли-продажи земли ответчиками.
3. У истцов и у ответчиков - межевые планы и кадастровые паспорта на спорные земельные участки.
4. Свидетельства о праве собственности нового образца.

В ходе того и другого суда выяснилась интересная деталь (кстати, общая для обоих дел). Оба истца - и риэлтор М., и господин Л. не имели правильно оформленных межевых планов, в которых бы были четко установлены границы имеющихся у них земельных участков, а также кадастровых паспортов на эти земельные участки с определением границ участков. Со своей стороны ответчики (и гражданин Ф. и гражданин С.) имели эти документы. И в отношении их земельных участков была применена ст. 11.1 ЗК РФ, определяющая земельный участок как участок земной поверхности, границы которого определены в соответствии с федеральными законами. Данное обстоятельство стало решающим фактором при вынесении судами решений в пользу ответчиков.

Резюмируя сказанное, хотелось бы дать совет всем реальным землевладельцам и тем, кто только собирается покупать землю - следите за правильностью оформления документов, а именно - Документы на земельный участок должны состоять из:

1. Первичного Свидетельства о праве собственности на землю, выданного Главой местной администрации в 90-х годах (желательно подлинник, если подлинник утерян - желательно взять в госархиве дубликат или архивную справку о выделении земельного участка определенной площади конкретному лицу).

2. Для граждан, приобретших землю по договору купли - продажи (дарения, мены, по завещанию или по иному договору) - подлинник или дубликат договора и Свидетельство о государственной регистрации права собственности на землю по данному договору нового образца.

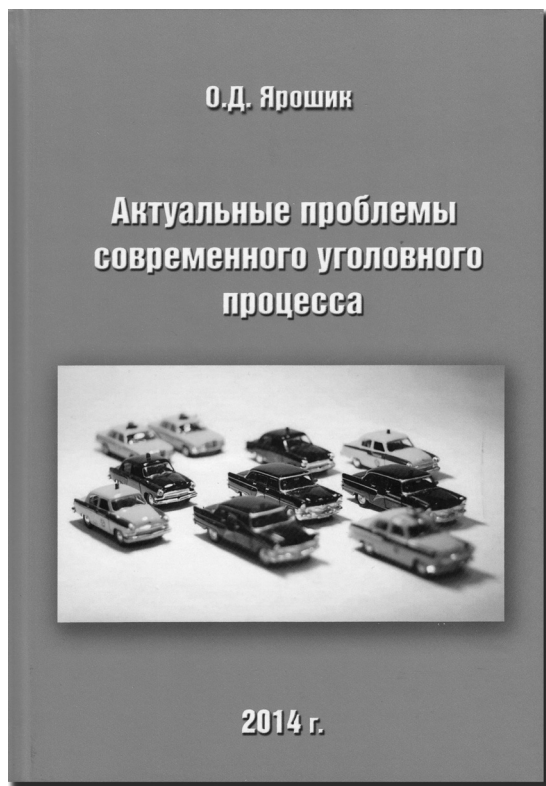
3. Межевой план, содержащий описание границ земельного участка и Акт согласования границ со смежниками земельного участка. Порядок оформления межевого плана указан Приказе Министерства экономического развития РФ от 24.11.2008г. №412 "Об утверждении

формы межевого плана и требований к его подготовке, примерной формы извещения о проведении собрания о согласовании местоположения границ земельных участков" (в редакции 2013г.).

4. Кадастровый паспорт на земельный участок, в котором указывается кадастровый номер объекта, под которым земельный участок внесен в Государственный кадастр недвижимости. Порядок оформления и получения кадастрового паспорта определяется Федеральным законом №221-ФЗ "О государственном кадастре недвижимости" от 24 июля 2007 года (в редакции 2014г.).

О том, кто же так успешно вел указанные дела со стороны ответчиков, авторы данной статьи скромно умалчивают...

(первая публикация в "Новой адвокатской газете", №9, 1-15 мая 2015 г.)

Ярошик О. Д.

Актуальные проблемы современного уголовного процесса.

Научно-практическое и учебно-методическое пособие.

Особенности обвинения и защиты по делам о дорожных происшествиях в административном и уголовном производстве.

Впервые для широкого круга читателей представлены более чем актуальные проблемы современного уголовного процесса, а также правовые и иные особенности современного административного и уголовного производства по делам о дорожных происшествиях, теоретические и практические вопросы доказывания по уголовным делам. Автор рассматривает юридические и технические аспекты дорожно-транспортного происшествия, проблемы доказывания обстоятельств ДТП, обвинения и защиты по делам о дорожных происшествиях.

Вниманию читателя представлен технико-юридический анализ экспертной практики по делам о ДТП.

Представлены также особенности судебной практики рассмотрения уголовных дел и проблемы современного уголовного процесса, требующие, по мнению автора, безусловного законодательного разрешения.

Предлагаемое издание - практическое и методическое пособие по осуществлению защиты прав гражданина в уголовном

производстве о ДТП, где содержится определенная информация и даны рекомендации участникам и дорожного происшествия, и уголовного процесса. В книге приведены материалы следственной и судебной практики реальных дорожных происшествий. Издание отличается практической направленностью содержания, несомненный профессионализм, высокая профессиональная и гражданская позиция автора. Издание является актуальным научно-практическим и учебно-методическим пособием для практикующих юристов - судей, их помощников, консультантов, других работников судебной системы, а также для дознавателей, следователей и прокуроров. Книга адресует также студентам, аспирантам, преподавателям юридических вузов и научным работникам, стажерам, помощникам адвокатов, представителям потерпевших и адвокатам, а также может быть использована гражданами при защите ими своих законных прав и интересов на предварительном следствии и в суде при рассмотрении уголовного дела по существу. Книга издается в авторской редакции.

А.В. Першин - адвокат МЦФ МОКА

Не всякое действие сотрудника полиции является законным (речь в защиту М.И.Злотниковой)

Ваша честь!

Приговор по данному делу (иное судебное решение маловероятно), будет, безусловно, историческим. Ибо Вам надлежит принять решение **всякое ли действие сотрудника полиции является законным или не всякое?**

Может ли полицейский в форме или его коллега в гражданской одежде, не имея никаких законных на то оснований, хватать мужчин, а особенно женщин за интимные места, щипать их и требовать, чтобы они не сопротивлялись?

В ходе допроса полицейский Зубрицкий В.А. сказал М.И.Злотниковой замечательные слова, показывающие уровень правосознания полиции: "И еще могу добавить следующее, если вы себя считаете невиновной, **к вам подошли сотрудники полиции, представившись, предъявив свои требования, вы должны вначале подчиниться этим требованиям, а потом спорить**".

А что делать гражданину страны, если полицейский вздумает снять штаны и требовать, чтобы его целовали в попу? А если гражданин не желает этого делать и сопротивляется, а ему начнут крутить руки сослуживцы полицейского и требовать проделать это безобразия, что ему делать - сопротивляться под угрозой уголовной ответственности, или всё-таки поцеловать, а потом обжаловать действия сотрудников полиции?

Я отнюдь не шучу! Мой вопрос, как потерпевшему Зубрицкому, так и его коллеге Денисюку:

"Считаете ли вы, что **любые требования сотрудника полиции изначально законны, или законны только те требования сотрудника полиции, которые соответствуют требованиям закона?**", суд **отводил, обосновывая это тем, что данный вопрос не имеет отношения к фактическим обстоятельствам дела, а именно, он относится к знанию закона.**

Между тем, вокруг этого и разгорелись все последующие события! Законны или незаконны были действия полицейских?!

Ну, а если полицейские в России, как выясняется, не понимают элементарщины - детских определений - что такое хорошо и что такое плохо, что законно, а что незаконно, мы, граждане, вполне можем ждать от полиции всего, что её сотрудникам заблагорассудится! Тем более, когда тормозить - некому.

В соответствии с фабулой обвинения, М.И.Злотниковой (которой, видимо, нечего было делать по своему месту жительства), вследствие чего она **25.11.2012 с 15.00 до 16.30** (других ориентиров, кроме географических координат 55°21'38" СШ 37°24'11" ВД не приводится, видимо это всё-таки далеко), **в 500 метрах от дома 11, расположенного в поселке Спортбазы поселения**

Щаповское, города Москвы, принимала участие в проведении несанкционированного митинга (собрания, шествия, демонстрации, пикетирования).

Обвинение так и не определилось с тем, в чём же участвовала Марина Ивановна Злотникова, то есть совершила действия **содержащие признаки административного правонарушения, предусмотренного ч. 5 ст. 20.2 КоАП РФ**. (Вообще-то правильно этот Кодекс называется Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, но раз в обвинительном так написано, пусть будет КоАП РФ)

После того, как представитель власти - инспектор патрульно-постовой службы полиции подразделения ППСМ УВД по ТиНАО ГУ МВД России по гор. Москве младший лейтенант полиции Зубрицкий Василий Алексеевич, исполняющий свои должностные обязанности по охране общественного порядка, находящийся в форменном обмундировании, предъявил законные требования к Злотниковой М.И. - прекратить противоправные действия (непонятно - какие именно?), она примерно в **16 часов 10 минут**, находясь на указанном участке местности, грубо нарушая общественный порядок, выражая явное неуважение и негативное отношение к сотруднику полиции, в присутствии посторонних лиц граждан Вандышева П.Ю., Бондарева С.Н., а также сотрудников полиции Билука В.М., Денисюка А.А., Михайлова В.И. публично оскорбила, используя в своей речи нецензурные выражения, Зубрицкого В.А., чем унизила его честь и достоинство как сотрудника полиции. Далее, в соответствии с обвинительным заключением, на повторное требование полицейского Зубрицкого В.А. прекратить противоправные действия, М.И.Злотникова умышленно, грубо нарушая общественный порядок, выражая явное неуважение к сотруднику полиции Зубрицкому В.А., осознавая противоправный характер своих действий, целенаправленно нанесла полицейскому Зубрицкому В.А. несколько ударов по левой боковой поверхности шеи, при этом сбив с головы Зубрицкого В.А. элемент форменного обмундирования, причинив потерпевшему физическую боль, а также телесные повреждения в виде линейной ссадины боковой поверхности шеи, а также удар ногой в область левого бедра, опять же причинив потерпевшему физическую боль, то есть, совершила преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 318 УК РФ.

Вот в общем и все. А полицейский Зубрицкий В.А. Злотникову и пальцем не трогал. Гулял себе в лесу, охранял общественный порядок, а тут хулиганы в лице Злотниковой М.И. обидели служивого. Несанкционированные демонстрации, митинги, шествия, собрания и пикетирования (всё одновременно) начали устраивать. Если верить материалам дела, конечно.

А в соответствии с показаниями в судебном заседании самого Зубрицкого В.А., было несколько по-другому. Цитирую по аудиозаписи:

"Впервые подсудимую я увидел на **несанкционированном пикете (?)**, число я не помню, помню, что это был 2012 год, осенью, **при проведении несанкционированного митинга возле реки ... поселок Спортбаза**. Номер дома не помню, овраг возле реки, там установлен камень с надписью "Павшим жертвам репрессий", точно не помню. Дальше они начали выкрикивать всякие лозунги, что мы им мешаем, сотрудники полиции - фашисты. Были участковые, ППС г. Троицк, я был, мой командир роты. После чего по распоряжению руководства Злотникову нужно было доставить в отдел полиции для составления административного протокола.

(Удивительно, как полицейский Зубрицкий В.А. несет службу в патрульно-постовой службе в чине офицера, если он вообще не разбирается: чем одна форма публичного мероприятия отличается от другой, если говорит о "несанкционированном пикете" Злотниковой М.И. при проведении "несанкционированного митинга", не зная даже такой элементарщины, что пикет вообще никем и нигде не санкционируется!)

Гос. обвинитель: Сколько было людей в группе?

Зубрицкий: Больше 10 человек.

Гос. обвинитель: **Вы им какие-либо замечания делали?**

Зубрицкий: Да. Мы сначала представились и поинтересовались, с какой целью они туда прибыли. На что был ответ, что "мы ...". Я вообще не со Злотниковой общался, а с какой-то девушкой, она представилась журналисткой. Они по своим делам идут, ничего не нарушают и т.д.

Гос. обвинитель: Так какие замечания Вы делали?

Зубрицкий: **Сначала не было никаких замечаний. Мы вместе с ними проследовали к реке, они освободили от веток этот камень, начали устанавливать туда свечи и какие-то лозунги произносить**, я не помню, что дословно было сказано. **После чего руководство дало распоряжение доставить особо активных граждан в отделение, это была Злотникова и еще один мужчина, он громко кричал, что мы все фашисты, не даем им свободу слова и т.д.**

Гос. обвинитель: С вашей стороны были предприняты попытки остановить данные высказывания?

Зубрицкий: Естественно, были сделаны замечания, я подходил к Злотниковой.

Гос. обвинитель: На замечания Злотникова и группа людей реагировали как-нибудь?

Зубрицкий: Злотникова реагировала неадекватно, она очень сильно кричала, чуть ли не с пеной у рта, что мы все фашисты, мы исполняем преступные распоряжения и т.д.

Гос. обвинитель: Какие-то угрозы Злотникова выкрикивала?

Зубрицкий: **Явных угроз не было.**

Гос. обвинитель: Со стороны Злотниковой были ли оскорбления в адрес сотрудников полиции?

Зубрицкий: Которые выражались именно в том, что она обзывала нас фашистами, что мы преступные законы исполняем, что мы не сотрудники, мы вообще преступники. **Далее Злотникову нужно было по распоряжению доставить в отдел полиции.** Мы подошли и

представились еще раз и **попытались ее сопроводить к служебному транспорту.** После чего она очень неадекватно себя повела, начала ругаться, начала размахивать руками.

Гос. обвинитель: Вы объяснили, за что ее доставляете в отдел?

Зубрицкий: Да, конечно. **За то, что проводился несанкционированный митинг, что высказывания были, если они прибыли почтить, то все должно быть молча, без транспарантов, высказываний и т.д.** Злотникова отказалась проследовать в служебную машину и доставку в отдел полиции. Очень неадекватно реагировала, начала размахивать руками. Я несколько раз уклонился, на приложенной видеозаписи, я надеюсь, зафиксировано. **Сбила с меня головной убор, несколько раз достала вскользь по шее. Затем я взял ее за локоть, чтобы доставить ее в служебный автомобиль. Она нанесла удар ногой мне в область бедра.** Все-таки потом, успокоившись немного, согласилась проследовать, сославшись на то, **что она очень больной человек, и под видом того, что ей нужно принять лекарство, была вызвана скорая помощь. Она очень громко кричала, что я пытаюсь ее изнасиловать, что я сломал ей руку, если я не ошибаюсь, в присутствии более 10-15 человек, я считаю, что абсурдно такие выкрики высказывать.**

Гос. обвинитель: В момент, когда она наносила Вам удары, она что-либо выкрикивала или высказывала?

Зубрицкий: Те же самые слова, что мы фашисты, мы преступники.

Гос. обвинитель: Далее что было, когда приехала скорая помощь?

Зубрицкий: Там совсем не так все было. Мы вместе с ней, рядом с ней так скажем, проследовали. С ней шла еще женщина, которая представлялась изначально мне журналистом. Мы поднялись из оврага. Под видом того, что у нее лекарства находятся в ее машине, она села в машину, заперлась изнутри, показывала неприличные жесты.

Гос. обвинитель: Она одна заперлась?

Зубрицкий: Она одна села в машину, под видом того, что ей нужно принять лекарство, она очень плохо себя чувствует, она заперлась в салоне машины, показывала неприличные жесты, и через стекло пояснила, что мы преступники, мы не сотрудники полиции, и что до прибытия скорой помощи она отказывается выйти из салона собственного автомобиля. После того как прибыла скорая помощь, она, естественно, вышла из машины и проследовала в карету скорой помощи. Ее осмотрели, у нее было повышенное давление, сотрудниками медицины было решение госпитализировать ее, по крайней мере, доставить в больницу, медицинское учреждение.

Гос. обвинитель: Ее доставили в мед учреждение?

Зубрицкий: Ее доставили в мед учреждение.

Вообще-то в медучреждении - больнице РАН гор. Троицка, у Злотниковой М.И. диагностировали **гипертонический криз, гематомы в области правого и левого предплечий**, как последствия того, что **полицейский Зубрицкий В.А. брал её за локоть.**

В ответе на вопрос защиты Зубрицкий В.А. осторожно уточнил: "Возможно, я брал её за одну руку".

То есть, так, аккуратно, даму под ручку. А у дамы в результате - две гематомы и гипертонический криз!

А на приобщенных к материалам дела снимках **видно иное: полицейский Зубрицкий В.А., садистски улыбаясь, двумя руками выкручивает кисть М.И.Злотниковой, у которой лицо перекошено гримасой боли.**

Ещё было бы неплохо, чтобы полицейский Зубрицкий пояснил: где и у кого на приложенной видеозаписи он узрел некие "транспаранты"?

В соответствии с показаниями самого полицейского Зубрицкого В.А. он, видимо, вообще не понимал, каковы его функции и задачи в пос. Спортбаза 25.11.2012 и во всём полагался на руководство, которое, как всегда - в стороне.

В соответствии с Федеральным законом от 19.06.2004 № 54-ФЗ "О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях":

- **публичное мероприятие** - открытая, мирная, **доступная каждому**, проводимая в **форме собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования** либо в различных сочетаниях этих форм **акция, осуществляемая по инициативе граждан Российской Федерации, политических партий, других общественных объединений и религиозных объединений**, в том числе с использованием транспортных средств. Целью публичного мероприятия является свободное выражение и формирование мнений, а также выдвижение требований по различным вопросам политической, экономической, социальной и культурной жизни страны и вопросам внешней политики.

Доступная каждому, это - первое условие. В данном случае, собралась группа единомышленников в количестве **10-15** человек и, отнюдь, с собой следовать прохожих не призвала. Из них два блогера и девушка-журналистка. Итого: от 7 до 13 участников.

Митинг (санкционированный или нет) - массовое присутствие граждан в определенном месте для **публичного выражения общественного мнения по поводу актуальных проблем преимущественно общественно-политического характера.**

Ну, и какие "актуальные проблемы преимущественно общественно-политического характера" обсуждались исходя из показаний хоть полицейского Зубрицкого В.А., хоть остальных свидетелей?

"Возложим цветы к памятнику и зажжем свечи"?

Христианское поминовение жертв репрессий в виде возложения цветов к памятному камню, даже не памятнику, и зажжение свечей в лесу, в овраге, вдали от чужих глаз, это "обсуждение актуальных проблем преимущественно общественно-политического характера?"

Может, это было **собрание** - совместное присутствие граждан **в специально отведенном или приспособленном для этого месте** для коллективного обсуждения каких-либо общественно значимых вопросов? Не похоже. Обсуждалось всё тоже самое - как преодолеть кордон полицейских, стеной вставших на пути к камню, возложить цветы и зажечь свечи. "До общественно значимого вопроса" этот вопрос не дотягивает.

Может, группа из 10-15 человек совершала **демонстрацию** - организовано публично выражала общественные настроения с использованием во время передвижения плакатов, транспарантов и иных средств наглядной агитации? Несмотря на то, что Зубрицкий В.А. упомянул что-то про транспаранты, ничего подобного ни на фотографиях, ни на обоих видеозаписях, как на приобщенной к материалам дела, произведенной свидетелем Вистицким М.М., так и на просмотренном в ходе судебного заседания CD-R-диске, который появился в деле необъяснимым образом, ни одного транспаранта узреть не удалось. Был, правда, у Цатурова В.А. какой-то красно-черный флаг, скатанный в трубочку, но поскольку Цатуров В.А. его не разворачивал, то и узнать - что же там изображено - не удалось. Красно-черный флаг означает принадлежность к анархистам-синдикалистам, к анархистам-коммунистам, кроме того, это государственный флаг Анголы и Папуа Новой Гвинеи. Какую из этих принадлежностей хотел обозначить лично Валерий Ашотович, он не пояснил, а его никто и не спрашивал. Но, в общем, претензий у сотрудников полиции к папуасскому флагу, как следует из допроса всех свидетелей - не было.

Если это было **шествие**, то оно должно было отвечать следующим требованиям, это - массовое прохождение граждан по заранее определенному маршруту в целях привлечения внимания к каким-либо проблемам. Однако, 10-15 человек, молча спускающихся по тропике один за одним в заросший кустарником и лесом овраг, для шествия слишком мелко, разве что как анекдот.

И менее всего пресекаемое мероприятие походило на **пикетирование**, поскольку, как трактует закон, это - **форма публичного выражения мнений**, осуществляемого без передвижения и использования звукоусиливающих технических средств **путем размещения у пикетируемого объекта одного или более граждан, использующих плакаты, транспаранты и иные средства наглядной агитации.** Пояснений, думаю, не требуется, поскольку в соответствии с обвинительным заключением пикетирование объекта - ближайшего дома в 500 метрах от него, это даже не анекдот.

Итак, мероприятие не подпадало под определение "публичное мероприятие в форме митинга, демонстрации, шествия, собрания или пикетирования" и никакому пресечению, изначально, не подлежало.

В соответствии с показаниями потерпевшего Зубрицкого В.А., которые он дал в начале допроса, сотрудники полиции даже не препятствовали расчистить камень от веток, возложить цветы, зажечь свечи, его взволновало лишь то, что лозунги стали говорить, а если бы молча, то он, лично, и не против.

Дальше Зубрицкий В.А. начал давать более откровенные показания:

" У них был установлен камень в виде небольшой плиты, отполирован, на котором находили надписи. Он был замаскирован, забросан ветками и каким-то хламом. **Они его попытались открыть, установить свечи, встать, почтить память, или что они хотели, мне не извест-**

но, сотрудники полиции стали препятствовать открытию данного памятника. И сразу же появилась в ответ такая неадекватная бурная реакция".

Защита тут же задала вопрос: "Скажите, какой закон запрещает возлагать цветы, зажигать свечи у памятного камня?"

Судья: **Вопрос отклоняется, поскольку не относится к данному делу, а относится к познаниям потерпевшего.**

Вот как! Мы, граждане, даже не можем поинтересоваться: а знает ли сотрудник полиции, что это законно и никоим образом не запрещено - нам, гражданам, возлагать цветы к памятникам, памятным камням, зажигать свечи в честь жертв - невинно убиенных людей, или для него это тайна за семью печатями? Если он и этого не знает, то какой он тогда "представитель власти"?

Какая власть запрещает поминать замученных жертв? При случае очередной прямой линии следует задать вопрос президенту Путину В.В.: правильно ли это, что от людей, которые тихо-мирно ушли на 500 метров в лес возложить цветы у памятника и зажечь свечки не в пожароопасный период, - в конце ноября, полицейские какое-то разрешение требуют! А на рыбалку и по грибы пока ещё можно ходить без особого разрешения? А за ягодами? А на кладбище, помянуть родню, или всё-таки проще выписать разрешение? И на том спасибо!

Так, с чего же все-таки началось задержание Злотниковой М.И., что послужило началом этому безобразию?

В соответствии с показаниями Зубрицкого В.А. на момент задержания Злотникова находилась вообще в стороне от этого камня, там как раз в стороне возле камня находился мужчина, который вместе с ней кричал больше всех с пеной у рта. Злотникова находилась в некотором удалении, метрах в 20 от этого камня.

Цитирую:

Защита: А вы где находились?

Зубрицкий: Я находился рядом со Злотниковой.

Защита: Можете пояснить, по какой причине Злотникова нанесла вам удар?

Зубрицкий: **Я ей сказал, что ее нужно доставить в отдел полиции для составления административного протокола, после чего она отказалась это сделать.**

Защита: Кто дал указание задержать Злотникову?

Зубрицкий: Мне дал указание начальник ООП УВД.

Защита: Фамилию он имеет?

Зубрицкий: Лондин Григорий Юрьевич. Я начал ее задерживать еще с одним сотрудником полиции. Подошли и попросили ее проследовать совместно с нами в служебное транспортное средство, после чего Злотникова очень бурно прореагировала на данную информацию. Отказалась как-либо. **Физическая сила к ней не применялась, мы стояли минут около пяти и выслушивали оскорбления в свой адрес**, и т.д. После чего уже мне руководству говорит "нарушение есть - доставляйте". Изначально решение о доставлении принималось без руководства.

Защита: Появились вопросы. Скажите, на каком основании вы считаете, что любое требование сотрудника полиции должно быть исполнено?

Зубрицкий: Не любое.

Защита: Вы только что сказали "вы должны выполнить, а потом уже спорить".

Зубрицкий: Гражданка нарушила закон.

Защита: Какой? **Возложение цветов и зажжение свечей у памятника?**

Зубрицкий: **Этот митинг не был нигде заявлен.**

Защита: Потерпевший сказал, что если бы они зажигали свечи в молчании, то это было бы нормально. Скажите, на каком основании вы считаете, что если бы они зажигали свечи без разговоров, это нормально, а когда они разговаривают - это ненормально.

Суд: вопрос отклоняется, поскольку относится к области познания потерпевшего.

Защита: **Если сотруднику полиции не нужно знать действующее законодательство, то у меня вопросов нет.**

Ну, действительно, если представитель власти, сотрудник полиции, считает, что почтение памяти молча это нормально, а при разговорах - ненормально, его, как минимум, надо переаттестовывать. Если он полагает, что мероприятие по поминовению усопших, зажжение свечей у памятника и возложение к нему цветов, это - митинг, его надо увольнять из органов без права восстановления. Это - не лечится!

Он не знает законодательства. Если он не отличает митинга от религиозного обряда - тем более. Он опасен для общества. Это не слесарь, не дворник, который может и не отличать эти формы мероприятий, он применяет закон, непосредственно применяет. Может быть двоечник-дворник, от него никто не умрет и не заболит. Но двоечник-врач, двоечник-учитель опасны для населения, а двоечник-полицейский опасен для государства.

Как пояснил Зубрицкий В.А., он сразу после происшествия поехал в поликлинику г.Троицка и зафиксировал телесные повреждения.

Однако в соответствии со справкой из данного медучреждения Зубрицкий В.А. обратился туда только в 22.00, при этом указал, что телесные повреждения получил при задержании в пос. Щапово (т. 1, л.д. 83).

Из допроса Зубрицкого В.А. так и осталось непонятно - за что же задержали Злотникову М.И.? За то, что она возмущалась незаконному запрету подойти к памятного камню, возложить цветы и зажечь свечку?

Зато из просмотра обеих видеозаписей следует, что полицейские не препятствуют группе граждан от 10 до 12 человек, по одному, спускаться по тропинке в овраг. Цатуров В.А. идет со свернутым флагом, с цветами, один даже несет гитару в чехле. Полицейские вместе с какими-то молодыми людьми в гражданской одежде тоже спускаются в овраг, где внезапно их добродушие заканчивается. Спустившиеся с полицейскими молодые люди пытаются затеять драку с активистами. Как впоследствии, в том числе и из допроса Зубрицкого В.А., выяснится, эти молодые люди в гражданской одежде, прибывшие вместе с полицейскими, тоже полицейские - только в гражданке.

Полицейские в форме вяло вмешиваются, активных действий по задержанию своих коллег-зачинщиков не предпринимают, что возмущает прибывших почтить память жертв репрессий. Прекрасно видно, как молодой человек примерно 30 лет, спортивного телосложения, в

гражданской одежде, в коричневой куртке с меховым воротником, синих джинсах, черной вязаной шапочке, без всяких разговоров хватает М.И.Злотникову за руки, потом обхватывает её. Злотникова М.И. кричит: "Об меня убивает, он меня щипает, он меня хватает!"

Молодой человек отходит в сторону, а на Злотникову М.И. набрасывается полицейский Зубрицкий В.А. В этот же момент пришедший совместно с полицейскими в форме молодой человек выхватывает мобильный телефон у участника мероприятия и убегает. Сотрудники милиции на грабёж - не реагируют. У них более важная задача.

Полицейские препятствуют прибывшим людям подойти к памятному камню, возложить у него цветы и зажечь свечи.

Физически препятствуя подойти к камню, оттаскивая Злотникову за руки, выкручивая руки, Зубрицкий провоцирует её на высказывания, что он - враг народа. Но ни транспарантов, как утверждал Зубрицкий В.А., не менее трех, ни плакатов - не наблюдается.

Свидетель А.А.Бабченко пытается выяснить, какие у полицейских имеются претензии и почему нельзя возложить цветы к камню: "У нас не митинг, не шествие, не собрание, почему нельзя? Мы можем провести наше мероприятие?"

Люди начинают обходить полицейских и по одному возлагать у камня цветы. Полицейский хватает участника мероприятия с цветами, пытается оттащить его в сторону.

На вопросы, почему нельзя, что случилось, кто запретил, сотрудники полиции дают нечленораздельные ответы, в лучшем случае: "У вас нет разрешения!" На возмущение людей: "Какое разрешение на почтение памяти? В лесу!", полицейские молчат, поскольку сослаться на какой-либо нормативный акт, запрещающий помянуть жертвы, - не могут.

Все возмущение, которые выражали собравшиеся, в том числе и М.И.Злотникова, было спровоцировано незаконными, бестолковыми и откровенно глупыми действиями полицейских, которые, видя, что иных целей, кроме как отдать дань памяти, у собравшихся нет, вместо того, чтобы просто присутствовать, поддерживая порядок, сделали всё возможное, чтобы создать скандал на ровном месте.

Итак, в судебном заседании была просмотрена видеозапись, которая непонятно каким образом появилась в материалах уголовного дела, которую следствие попыталось "легализовать" припиской на сопроводительном письме от 26.11.2011 (т. 1, л.д. 57), "Приложение CD-диск с видеозаписью от 25.11.2011". Приписка была выполнена, как убедился суд, гораздо позже, поскольку на копии этого же сопроводительного письма, имеющегося в материалах дела № 3/10-23/13, рассмотренного по жалобе адвоката А.В.Першина 31.05-17.06.2013, заверенной следователем Демидовым А.А., аналогичной приписки, по крайней мере на день представления копии сопроводительного письма в суд, на **11.06.2013**, эта приписка отсутствовала.

Тем не менее, даже эта видеозапись, которую защита считает недопустимым доказательством, не содержит информации о нанесении Злотниковой М.И. "нескольких ударов по голове Зубрицкому В.А." и ударе, опять же Злотниковой В.А. Зубрицкого В.А. ногой в бедро.

Прокурор так убедил оператора Бондарева С.Н. с третьей попытки в ходе повторного допроса, в том, что это именно он снял данную запись и передал запись сотрудникам полиции, что Бондарев С.Н. ранее многократно отрицал. Убедил, но, похоже, не до конца.

Кроме того, Бондарев показал, что кому он передал, сказать не может, а сама передача записи никоим образом не оформлялась. Это правда - никаких процессуальных документов, оформляющих получения данной видеозаписи от кого бы то ни было, в материалах дела - **не имеется**.

А подлинник, по словам свидетеля Бондарева С.Н., он - **уничтожил**.

Гос. обвинитель Кошелев парировал тем, что в соответствии с ч. 1 ст. 74 УПК РФ, доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель, в порядке, определенном настоящим Кодексом, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

Да, конечно, но мой уважаемый коллега запечатлел небольшое уточнение, изложенное в ч. 1 следующей ст. 75 УПК РФ: доказательства, полученные с нарушением требований настоящего Кодекса, являются недопустимыми. Недопустимые доказательства не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания любого из обстоятельств, предусмотренных статьей 73 настоящего Кодекса.

Или, может, кто-то полагает, что можно подобрать что угодно, откуда угодно и представить в качестве доказательства? Отнюдь!

Защите, например, суд отказал в просмотре видеозаписей, уже приобщенных к материалам дела № 3/10-23/13, рассмотренного по жалобе адвоката А.В.Першина 31.05-17.06.2013, содержащих информацию о событиях, рассматриваемых судом, и, более того, даже в постановлении Троицкого районного суда гор. Москвы по этой жалобе от 17.06.2013 отмечено, что "в обоснование доводов жалобы судом также исследованы представленные защитником заявителя (Злотниковой М.И.) видеозаписи рассматриваемого события, из которых следует, что заявителем не применялось насилие в отношении сотрудников полиции и не высказывалось оскорблений в адрес последних". Данное постановление почти два года назад вступило в законную силу.

Тем не менее, основанием для отказа суд посчитал то обстоятельство, что в зале судебного заседания отсутствуют Елена Васильева и Юлия Гусейнова, производившие съемку данных видеозаписей.

Два года назад отсутствие авторов видеозаписей в зале судебного заседания не являлось препятствием для приобщения видеозаписей в качестве доказательств.

Что же касается данной видеозаписи, якобы переданной оператором Бондаревым С.Н. сотрудникам полиции (даже непонятно кому?), отмечаю, что в соответствии с ч. 1 ст. 86 УПК РФ собиране доказательств осуществляется в ходе уголовного судопроизводства дознавателем, следователем, прокурором и судом **путем производст-**

ва следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных настоящим Кодексом.

Какой статьей УПК РФ предусмотрена передача видеозаписи неизвестно кому, а от этого "неизвестно кого" уже - следователю, да так, что даже следователь не знает: что же указать в постановлении о признании и приобщении в качестве вещественного доказательства? Кто конкретно передал и пишет нечто овальное, неконкретное "сотрудники полиции". Как в песне "кое-кто, кое-где, у нас, порой". Никакой конкретики.

От кого он это доказательство получил? А кто его знает! А потом следователь додумывается дописать в сопроводительное письмо приписку о якобы направлении этого видеодиска, забыв, что полтора года назад уже заверял копию этого сопроводительного письма без своей приписки.

В силу вышеизложенного, считаю данную видеозапись от 25.11.2012 - недопустимым доказательством, полученным в нарушение действующего УПК РФ и прошу исключить из числа доказательств по настоящему уголовному делу, тем более, что она всё равно не несет никакого доказательного значения.

Кроме того, что она получена с нарушением УПК РФ, никакого процессуального документа при получении данной видеозаписи от лица, якобы её записавшего, не составлялось, более того, оператор Бондарев С.Н. сам подтвердил, что доказать то, что именно он произвел данную запись, он не может. Защита полагает, что данная запись смонтирована, из неё вырезаны значительные эпизоды. Запись без предупреждения останавливалась с целью исключить съёмку особо противоправных действий сотрудников полиции.

Одновременно судом в просмотре видеозаписей этого же события, ранее приобщенных к материалам дела № 3/10-23/13, рассмотренного по жалобе адвоката А.В.Першина 31.05-17.06.2013, защите - отказано, что нарушает принцип равенства сторон в уголовном процессе, закрепленный в ст. 15 УПК РФ.

Допрошенный свидетель обвинения сотрудник полиции Михайлов В.И. полагал, что участники мероприятия, собравшиеся на заранее необъявленный митинг, раздавали листовки разнообразные, у них были транспаранты, часть была одета поверх верхней одежды в футболки, которые, на его взгляд, оскорбляют честь и достоинство государства. Это были карикатуры на первые лица государства, на Владимира Владимировича и Дмитрия Анатольевича. В таких футболках было 3-4 человека, а всего митинговало 60 человек. Там гуляли женщины с детьми, и вообще проходило много народа.

В соответствии с показаниями свидетеля Михайлова участникам мероприятия никто не препятствовал поминать жертв репрессий, но они почему-то начали митинговать, что власти должным образом не обеспечивают им то, се. Их попросили прекратить, спокойно поставить свои свечи, которые они принесли, собраться, постоять и уйти. На что они начали возражать и выкрикивать, вот "вы, рабы тех-то, своих управляющих, вы вообще не люди". Их попросили закончить противоправные действия в отношении оскорбления сотрудников полиции и уйти.

Им никто не препятствовал возлагать цветы и зажигать свечи.

По мнению свидетеля, когда Злотникову М.И. начали задерживать, она, сбив шапку с Зубрицкого В.А., ударила его ногой в живот. А задерживать её стали за то, что она оскорбляла сотрудника полиции. А вот почему она стала оскорблять сотрудника полиции, свидетель Михайлов не смог сказать. Но её никто не трогал.

После допроса данного свидетеля у защиты появилось ощущение, что Зубрицкий В.А. и Михайлов В.И. присутствовали при разных мероприятиях. В одном случае полицейские препятствовали возлагать цветы и зажигать свечи у памятника, потому что это происходило не молча, в другом - никто не возражал, да только собравшиеся почему-то стали возмущаться, хотя им никто слова не сказал. Появились некие футболки с карикатурами на руководителей государства, чего ни на фотографиях, ни в видеозаписях не наблюдается.

Далее был допрошен свидетель Билюк Вадим Михайлович. В соответствии с его показаниями, прибывшие почтить память жертв политических репрессий спустились вниз, там они с флагами начали камень открывать. Сотрудники полиции препятствовали прибывшим гражданам в зажжении свечек у камня, поскольку поминовение жертв репрессий, зажжение свечек не было согласовано с администрацией поселка. Сотрудники полиции предупредили о незаконных действиях и их прекращении. Кто предупреждал, свидетель не помнил. Предложили Злотниковой и там еще один мужчина был, наиболее активный участник данной акции, поехать в отдел, "для составления протокола о нарушении правил проведения шествия", разрешения они такого не получали. Злотникова М.И. отказалась и начала оказывать сопротивление сотрудникам полиции. Ни с того ни с сего, Злотникова М.И., в соответствии с показаниями свидетеля, вдруг начала махать руками, смахнула с полицейского шапку, и потом ему стало известно, что она его ещё и ударила ногой.

По убеждения свидетеля Билюка В.М., почтение памяти следует согласовывать с администрацией поселка. На каком основании он сделал такое умозаключение, свидетель Билюк В.М., который на момент рассматриваемых событий был начальником отдела полиции Куриловское, ответить не смог. Причиной задержания Злотниковой М.И. стало, по словам свидетеля Билюка В.М., то, что она размахивала флагом, выкрикивала лозунги, что, возможно, являлось её реакцией на запрет сотрудников полиции подойти к памятнику и зажечь у памятника свечку.

Этот же свидетель сообщил, что пос. Щапово от пос. Спорт-База находится на расстоянии 15 км.

Свидетель Бондарев С.Н. показал, что его брат, председатель совета депутатов, пригласил его поснимать мероприятие 25.11.2012 в пос. Спорт-База. Из администрации никто не присутствовал. В соответствии с показаниями этого свидетеля, Злотникова М.И. и сопровождавшие её лица шли по тропинке вниз с песнями. Зажигать свечи и возлагать цветы к памятнику полицейские им мешали, но не особо. Почему Злотникова М.И. впала в истерику и

отмахивалась от сотрудника полиции, что этому предшествовало, он пояснить не может. Видеозапись он никому не передавал и следователь у него её не изымал.

Будучи повторно допрошенным, после оглашения показаний, просмотра видеозаписи, находящейся при уголовном деле, Бондарев С.Н. согласился, что наверное кому-то он эту запись передавал.

А вот почему в оглашенных показаниях Бондарев С.Н. указывал, что 25.11.2012 он выезжал производить съёмку по просьбе заместителя главы администрации Вандышева П.Ю. и совместно с ним, а не со своим братом - председателем совета депутатов, Бондарев С.Н. - не пояснил.

Свидетель сотрудник полиции Денисюк показал, что все шло тихо-мирно, никто не препятствовал поминать жертвы репрессий, собственно даже непонятно, почему Злотникова М.И. разволновалась.

Таким образом, мнения полицейских разделились. Половина свидетелей полицейских считала, что они всё-таки препятствовали и правильно делали в возложении цветов и зажжении свечек, половина - что никто из полицейских этому не мешал, Злотникова М.И. по непонятной причине начала оскорблять сотрудников полиции. Похищения телефона у адвоката Архипова не видел никто, а кто слышал, не придавал значения, решив, что кто-то другой из коллег примет участие в пресечении преступления, которое происходит на их глазах. В итоге, никто грабеж не пресёк.

Допрошенные свидетели защиты Фирсов Д.А., Цатуров В.А., Бабченко А.А., Рагулин В.В., Вистицкий М.М., Корчмар А.Е., Рыжова Е.Н., Калмыкова И.Л. показали, что никакого публичного мероприятия не планировалось, группа единомышленников, около 10-15 человек, из которых как минимум было два блогера - А.А.Бабченко и В.В.Рагулин, прибыли тихо и без шума, без привлечения лишнего внимания, в лесу возложить цветы к памятнику жертвам политических репрессий и зажечь свечки. Никто не представлял какую-либо партию, не имелось никаких лозунгов, транспарантов, плакатов, а уж тем более футболок поверх зимних курток с карикатурами на руководителей государства.

По непонятной причине, сотрудники полиции, ожидавшие их наверху, совместно с лицами, одетыми в гражданку, спустились с ними вниз по тропинке, где в овраге был установлен памятный камень, и начали провокацию.

Ничего не объясняя, сотрудники полиции препятствовали возлагать цветы к памятному камню и зажигать у него свечки, а лица в гражданской одежде начали провоцировать драку. Злотникову М.И. целенаправленно хватили за руки и за тело лица, как в гражданской одежде, так и полицейские, ожидая, что присутствующие мужчины заступятся за неё и начнётся потасовка, после которой выдвинется подкрепление полиции и можно будет всех задержать, отпаротовав, что пресечена противоправная акция. Они понимали это и на провокацию не поддавались. Злотникова М.И. никого из полицейских не била, а вырывалась, когда ей крутили руки, хватили и шипали.

В результате противоправных действий полицейских она была госпитализирована с гипертоническим кризом и гематомами обоих предплечий.

Эти же показания подтвердила и сама Марина Ивановна Злотникова в ходе допроса. Эти же данные подтверждаются заключением судебно-медицинской экспертизы.

Ещё могу сказать о том, что Злотникова М.И. поступила в полном соответствии с тем, что называется "гражданский долг", когда не побежала прочь при виде граждан в форме, даже не понимающих: где заканчивается предел самодурства и начинается ответственность перед законом за превышение служебных полномочий, а твердо и последовательно отстаивала право на поминовение невинных жертв. Данный поступок делает ей честь!

И, наконец, главное - раз уж в обвинительном заключении записано, что Злотникова М.И. совершила действия, **содержащие признаки административного правонарушения, предусмотренного ч. 5 ст. 20.2 КоАП РФ**, это обстоятельство непременно должно было найти и свое продолжение, в этом же обвинительном заключении.

В соответствии с КРФ об АП постановление по данному виду административных правонарушений выносит только суд и никто иной. И что, судья Троицкого районного суда вынес постановление, которым Злотникова М.И. признана виновной в нарушении ч. 5 ст. 20.2. КРФ об АП?

Отнюдь! На данное обстоятельство не ссылался и гос. обвинитель!

Почему? Если обвинение утверждает, что Злотникова М.И. совершила действия, содержащие признаки административного правонарушения, предусмотренного ч. 5 ст. 20.2 КРФ об АП, которое пресекал полицейский Зубрицкий В.А., **то Злотникова М.И. должна была быть привлечена к административной ответственности и её вина в нарушении этой правовой нормы должна быть установлена вступившим в законную силу постановлением суда!**

Данная правовая норма информирует: **"Нарушение участником публичного мероприятия установленного порядка проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования**, за исключением случаев, предусмотренных частью 6 настоящей статьи, - влечет наложение административного штрафа в размере от десяти тысяч до двадцати тысяч рублей или обязательные работы на срок до сорока часов.

А каков срок давности привлечения к административной ответственности за данное административное правонарушение? Вы, Ваша честь, знаете, а вот сотрудники полиции, думаю - нет. **Один год!** В соответствии с ч. 1 ст. 4.5 КРФ об АП:

Постановление по делу об административном правонарушении, рассматриваемому судьей, не может быть вынесено по истечении трех месяцев со дня совершения административного правонарушения, а по законодательству Российской Федерации о собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях, по истечении одного года со дня совершения административного правонарушения.

И что, Вы думаете, делали сотрудники полиции, которые, как считает обвинение, полагали, что Злотникова М.И. нарушала-таки ч. 5 ст. 20.2 КРФ об АП, аж целый год с **25.11.2012 по 24.11.2013**? Мучились, изыскивая возможность привлечь Злотникову М.И. к административной ответственности? Может, отдел полиции дни и ночи пикетировали-осаждали сторонники Злотниковой М.И., не давая полицейским ни пройти на службу, ни уйти домой?

Опять же - отнюдь!

Поскольку результат - налицо. Поскольку в обвинительном заключении есть утверждение совершении Злотниковой М.И. действий, **содержащих признаки административного правонарушения, предусмотренного ч. 5 ст. 20.2 КоАП РФ**, но оно голословно.

Потому, что постановления суда, которым Злотникова М.И. была бы признана виновной в этом правонарушении - **нет**.

И, кстати, такого постановления нет не только в отношении Злотниковой М.И., постановления суда нет в отношении всех участников так называемого "несанкционированного митинга, шествия, собрания, демонстрации", и даже "пикетирования".

А поскольку Марина Ивановна Злотникова (как и остальные участники мероприятия), как выяснилось, ничего не нарушала, **то какое же её "правонарушение", в 500 метрах от ближайшего жилого дома, в лесу, в овраге, на берегу реки Моча, пресекал полицейский Зубрицкий В.А.?**

На что он провоцировал Злотникову М.И. и иных участников поминального мероприятия, нарушая закон? Вопрос не риторический, он требует ответа.

А раз ни Злотникова М.И., ни кто-либо иной не привлечены к административной ответственности за административное правонарушение по ч. 5 ст. 20.2 КРФ о АП, то и никакого административного нарушения со стороны Злотниковой М.И. - нет, а вот действия сотрудников полиции по отношению как к ней, так и к остальным участникам мероприятия - незаконные, препятствующие гражданам Российской Федерации поминать жертв репрессий и отправлять религиозный обряд в виде возложения цветов к памятному камню и зажжению у него свечек.

А это - п.п. "а, б" ч. 4 ст. 148 УК РФ - нарушение права на свободу совести и вероисповедания с использованием служебного положения и применением насилия, и п. "а" ч. 3 ст. 286 УК РФ - превышение должностных полномочий с применением насилия.

Данное обстоятельство требует реагирования в виде частного постановления в адрес начальника ГУ МВД России по гор. Москве.

Я уже не хочу говорить про перешивание материалов уголовного дела, после нашего повторного ознакомления с материалами уголовного дела, когда перешивались материалы, которых и в помине не было на момент первого ознакомления (например, протокол осмотра места происшествия от 15.01.2015), про две подписи Зубри-

цкого В.А. на первом листе протокола его допроса - в уничтоженном листе, который мною представлен в виде фотокопии от 08.03.2013, где следователем числился Савостьянов, и в ином от этого же числа, но где следователем числится Демидов, при этом на обоих листах - и в фотокопии и в подлиннике Зубрицкий В.А. признает свои подписи и не может пояснить, как это могло случиться?

Не хочу говорить про уничтоженные и переделанные процессуальные материалы и иные документы, про то, что следователь Казачков в августе 2014 приступил к расследованию данного дела без изъятия его из производства следователя Демидова, что вообще недопустимо, вследствие чего все доказательства, полученные после этого безобразия, должны признаваться - недопустимыми, тем более не хочу повторяться про это пресловутое сопроводительное письмо с "чудесной" допиской о якобы наличии при нём CD-диска с видеозаписью от 25.11.2011.

Есть шутка-поговорка: "Если нельзя, но очень хочется, значит - можно!"

К сожалению, эта шутка начала весьма успешно работать в такой серьёзной сфере, как уголовное судопроизводство. К чему она может привести, мы уже видим, но видимо и это ещё не край.

Полагаю, Ваша честь подобные шутки должны иметь надлежащее реагирование в виде частного постановления, о чем я также, уже неоднократно говорил.

На основании всего вышеизложенного, руководствуясь ст. 1, 7, 11, 14, 15, п. 2 ч. 1 ст. 24, п. 2 ч. 1 ст. 27 УПК РФ, -

ПРОШУ :

Марину Ивановну Злотникову оправдать, уголовное дело и уголовное преследование в отношении неё прекратить.

Вынести по изложенным фактам частное определение в адрес прокурора гор. Москвы, руководителя ГСУ СКР по гор. Москве, начальника ГУ МВД России по гор. Москве, обратив их внимание на имеющиеся место нарушения закона, требующие принятия необходимых мер.

05.06.2015

Защитник
адвокат А.В. Першин

P.S. Прокурор просил 2 года реального лишения свободы. Так бы и получилось, если бы не полное отсутствие вины М. Злотниковой и не противоправные действия самих полицейских. В итоге, приговор - 150 000 рублей штрафа (что весьма и весьма гуманно, учитывая, например, приговоры по "Болотному делу").

И.Б. Миронов - адвокат АПМО, кандидат исторических наук

"Росгосстрах" расторгает договора с "родственниками врагов народа"

Для тех, кто забыл, в годы сталинских репрессий существовал такой термин "РВН" (родственник врага народа), который распространялся на близких родственников осужденных по политическим статьям лиц. Их лишали гражданских прав, увольняли с работы, а зачастую отправляли в тюрьмы и лагеря вслед за опальным членом семейства. Сын отвечал за отца, брат за брата, жена за мужа. Иезуитская практика государственного преследования целых семей была впоследствии заклеяна поколениями политиков, историков и правозащитников. Однако сегодня мы вновь уверенно входим в эпоху репрессий, когда родственные узы с "несогласными", становятся поводом для внесудебной расправы - для лишения гражданских прав и свобод. Мой подзащитный Станислав Митяев, молодой талантливый журналист, занимался проблемой незаконной миграции и этнического криминала. Будучи неплохо знаком с антиэкстремистским законодательством, в своих статьях он использовал исключительно эзопов язык. Не помогло. С подачи экспертов, "расшифровавших" митяевские метафоры и иносказания ("орда", "наплыв оккупантов", "нашествие чужаков" и т.д.), суд за разжигание национальной вражды определил юношу в "Матросскую тишину". От стражи не спасли блестящие характеристики и новорожденный сын. Станислав сидит за слово и за гражданскую позицию, которую разделяет большинство нашего общества. Вроде куда уж дальше, куда уж кровожаднее? Но вот его матери, кстати, носящей другую фамилию - Иванова Е.С. (изменена) приходит из "Росгосстраха" за подписью зам. директора по партнерским продажам Филиала ООО "Росгосстрах" в Москве и Московской области Серединцева Н.Н. уведомление следующего содержания:

"Сообщаем Вам, что ООО "Росгосстрах" расторгает договор обязательного страхования автогражданской ответственности ССС №0704022364 от 17.02.2015 в связи с нахождением страхователя Ивановой Е.С. в размещенном Росфинмониторингом в соответствии с пунктом 2 статьи 6 Федерального закона №115-ФЗ от 07.08.2001 Перечне организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму".

Естественно, что мамы Митяева ни в каких списках нет. Сам же Стас невиновен, пока не осужден. Налицо совершенно дикая дискриминация человека по кровнородственному принципу. Компания отказывается от своих обязательств, отказывается предоставлять оплаченные услуги. Завтра ту же Иванову или любую родню обвиненного по ст. 282 УК РФ могут выкинуть из собственной квартиры по тем же основаниям расторжения договора купли-продажи. У них запросто могут быть заблокированы банковские счета, аннулированы договора обязательного медицинского и пенсионного страхования. Сотни тысяч родственников подозреваемых в экстремизме могут превратиться в официально-бесправных

изгоев общества. Расторжение "Росгосстрахом" договора ОСАГО создает опаснейший прецедент для качественно новых глобальных репрессий в России. Посмотрим, что на это скажет суд.

Т.В. Мальчикова - президент Гражданской комиссии по правам человека, эксперт по вопросам злоупотреблений в психиатрии

Комментарий к ФЗ №21-ФЗ "Кодекс административного судопроизводства РФ"

8 марта 2015 года Госдумой был принят ФЗ № 21-ФЗ "Кодекс административного судопроизводства РФ" (далее - КАС РФ), который вступает в силу 15 сентября 2015 года.

Несмотря на то, что в главе 30 КАС РФ есть немало прогрессивных норм, во многих своих моментах положения этой главы в значительной степени не соответствуют Конституции РФ и решениям Конституционного Суда РФ, все еще сохраняющим свою силу.

Соответственно, принятый КАС РФ существенно ухудшает и без того непростое правовое положение граждан, недобровольно помещаемых в психиатрические учреждения.

Правило 48 часов

Согласно Конституции РФ, арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускаются только по судебному решению. До судебного решения лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов, то есть с момента недобровольного помещения гражданина в психиатрическое учреждение начинается течь установленный Конституцией РФ 48-часовой срок. Если в течение этого срока суд не вынесет соответствующего решения о госпитализации, то оснований для недобровольного удержания лица в психиатрическом учреждении не имеется.

Положения принятого КАС РФ предполагают, что с момента недобровольного помещения человека в психиатрическое учреждение и до момента вынесения судом решения о его недобровольной госпитализации может пройти до 10 дней. 2 дня из них отпущено для обращения психиатрического учреждения в суд (подача искового заявления), 3 дня - для принятия судьей иска к производству, и еще 5 дней - для вынесения судом решения о недобровольном помещении человека в психиатрическое заведение или о продлении срока его нахождения там.

Это грубейшим образом противоречит требованиям Конституции РФ, Европейской конвенции 1950 года и соответствующим решениям Конституционного суда РФ.

Санкция судьи на пребывание гражданина в психиатрическом учреждении на время рассмотрения дела

Согласно КАС РФ, судья, при поступлении в суд соответствующего административного искового заявления, незамедлительно принимает его к производству и выносит решение о продлении срока пребывания гражданина в психиатрическом учреждении, на срок, необходимый для рассмотрения заявления.

КАС РФ не требует от психиатрического учреждения, чтобы оно как-то обосновывало перед судом необходимость продления пребывания гражданина в психиатрическом стационаре на весь срок судебного разбирательства. Судья просто автоматически дает санкцию на про-

дление пребывания человека в психиатрическом заведении, и все.

КАС РФ не предусматривает ни обязанности судьи известить гражданина о принятом в отношении него "решении" о продлении срока пребывания в психиатрическом учреждении, ни обязанности судьи вручить гражданину соответствующее определение суда, ни права гражданина обжаловать данное определение суда в вышестоящий суд.

То есть гражданин может без какого-либо судебного решения провести в психиатрическом учреждении стационаре 10 дней. Данное положение КАС РФ также нарушает Конституцию РФ о наличии судебного решения для задержания гражданина на срок более 48 часов.

Участие гражданина в судебном разбирательстве.

Место проведения судебного заседания

В соответствии с КАС РФ к административному искому заявлению в суд о недобровольной госпитализации гражданина в психиатрическое учреждение должно прилагаться заключение комиссии врачей-психиатров о том, позволяет ли гражданину его психическое состояние лично участвовать в судебном заседании, в том числе в помещении суда или заседании должно быть проведено в помещении психиатрического учреждения.

Согласно действующему законодательству, которое перестает действовать после вступления в действие КАС РФ, вопрос о недобровольной госпитализации гражданина в психиатрический стационар рассматривается при обязательном личном участии гражданина в судебном заседании.

Гражданин обладает правом на личное участие без каких-либо условий, и реализация данного права не была поставлена в зависимость от позиции психиатрического учреждения. В зависимости от сведений, полученных от психиатрического учреждения, судом мог решаться лишь вопрос о месте проведения судебного заседания, - в здании суда либо в помещении больницы.

КАС РФ не содержит никаких положений о том, каким образом судья должен установить, что психическое состояние гражданина действительно таково, что он не в состоянии участвовать в судебном заседании. Согласно КАС РФ единственный документ (доказательство), на основании которого судья будет принимать решения о вызове госпитализируемого гражданина в судебное заседание и о месте проведения судебного заседания (в больнице или в здании суда), - это заключение комиссии психиатров.

КАС РФ не содержит положений, что судья, решая вопрос о необходимости уведомления гражданина о времени и месте судебного разбирательства (о вызове его в судебное заседание) и о месте проведения судебного заседания должен лично и непосредственно убедиться в психическом состоянии гражданина и в достоверности све-

дений, представленных психиатрическим учреждением, о том, что якобы психическое состояние гражданина не позволяет ему адекватно воспринимать все происходящее в судебном заседании, а его присутствие в судебном заседании может создать опасность (для него самого или для окружающих).

Сам госпитализируемый гражданин также лишен возможности предстать перед судьей или довести каким-либо иным образом до сведения суда свою позицию по вопросу о том, ли его психическое состояние позволяет ему участвовать в судебном заседании, в том числе в помещении суда. Это нарушает принцип равноправия и состязательности сторон, противоречит целому ряду решений Конституционного Суда РФ, принятых им в разные годы по этому или аналогичным вопросам, а также не соответствуют тем поправкам, которые вносились федеральными законодателями в Гражданский процессуальный кодекс РФ и в иные федеральные законы на основании данных решений Конституционного суда РФ.

Назначение адвоката

В соответствии с КАС РФ "при отсутствии у гражданина, в отношении которого решается вопрос о госпитализации в недобровольном порядке или о продлении срока госпитализации в недобровольном порядке, представителя, суд назначает ему адвоката...".

При всей гуманности правила об обеспечении человека квалифицированной юридической помощью практика показывает, что адвокаты, назначенные судом для защиты прав госпитализируемого в психиатрический стационар гражданина, или соглашаются с требованиями о госпитализации, или не оказывают реальной помощи и защиты данному гражданину. Кроме того, сами граждане госпитализируемые из-за того, что, как правило, они не извещаются заблаговременно о времени и месте судебного разбирательства и им не вручаются копии искового заявления и приложенных к ним документов, а также из-за проведения судебных заседаний на территории психиатрического учреждения, где находятся граждане, уже будучи лишены свободы к моменту заседания, не имеют реальной возможности обратиться к услугам представителя выбранного ими самими для защиты их интересов в судебном заседании и (или) оформить на него доверенность.

Суды, назначая гражданину адвоката, не выясняют у гражданина его желание и возможность пригласить в качестве своего представителя другое лицо (другого адвоката), не устанавливая у него, не возражает ли гражданин относительно представления его интересов назначаемым судом адвокатом. В итоге данный адвокат выступает в качестве навязанного судом против воли гражданина.

Как следствие, такой "принудительно" назначенный судом адвокат, как правило, не встречается с гражданином наедине до судебного заседания, не выясняет у последнего его позицию и возражения против заявления, не до заседания знакомится с материалами дела и не получает копию заявления и приложенных к нему документов для ознакомления с ними лично и его "доверителя", участвует в процессе крайне формально (зачастую ограничиваясь лишь дежурной фразой "возражаю против госпитализации", или "оставляет вопрос на усмотре-

ние суда", или просто соглашается с требованиями психиатрического учреждения), не получает копию решения суда и не передает его гражданину, не обжалует решение в апелляционном и кассационном порядке и не предлагает содействия в этом гражданину.

Если КАС РФ вступит в силу в его действующей на данный момент редакции, нет никаких оснований считать, что данная порочная практика как-то изменится.

Закрытые судебные заседания

В соответствии с КАС РФ, любое дело о недобровольной госпитализации гражданина может быть по усмотрению суда проведено им в закрытом судебном заседании.

Вместе с тем не ясны мотивы такого решения федерального законодателя. Если причиной служит необходимость обеспечения сохранения врачебной тайны, то последняя охраняется в интересах самого гражданина. То есть врачебная тайна - это недопустимость разглашения медицинских сведений о здоровье пациента третьим лицам без согласия со стороны гражданина, вопреки его волеизъявлению.

Если же сам человек не возражает в отношении разглашения сведений о своем здоровье (в том числе психическом), или, тем более, сам просит предоставить данные сведения, то уже разглашение данных сведений не будет являться нарушением врачебной тайны согласно ФЗ "Об основах охраны здоровья граждан в РФ". Соответственно, недопустимо вводить в КАС РФ общее правило, согласно которому любое заседание во административному делу о недобровольной госпитализации или о недобровольном психиатрическом освидетельствовании может быть проведено судом в закрытом режиме.

Согласно судебной статистике, примерно 99% заявлений психиатрических учреждений о госпитализации граждан удовлетворяются судами. То есть заключения комиссии психиатров о нуждаемости лица в его недобровольном лечении и изоляции находят полную поддержку со стороны судов. Со дня вступления в силу КАС РФ от заключений комиссии психиатров будет зависеть теперь уже не только итоговое решение суда, но даже возможность гражданина пользоваться своими процессуальными правами и участвовать в судебном заседании.

Только теоретически суд может защитить права и свободы человека, если в отношении него подано заявление о его недобровольной госпитализации. Вместе с тем, вышеупомянутые положения КАС гражданина РФ лишают даже этого (ничтожно малого на практике) шанса, так как сама возможность предстать перед судом теперь также будет зависеть от усмотрения психиатрического учреждения.

КАС РФ не может быть принят в действующей редакции и Гражданская комиссия по правам человека готова предоставить законодателям сводку конкретных поправок в принятый КАС РФ с целью устранения несоответствия КАС РФ Конституции РФ и решениям Конституционного суда РФ.

В. Валерин - член Ленинградской коллегии защитников

**Волчья стая.
Записки члена коллегии защитников
(продолжение, начало в №№ 4, 5 за 2015 год)**

VIII.

10 августа

Я в городе. Деревню мне напоминает только не сошедший с лица загар. Отзащищал Гусева. Вот уж настоящий гусь.

Приходит он ко мне:

- Хочу просить, чтобы вы меня защищали.
- Пожалуйста, - соглашаюсь я.

Рассказывает дело. Обычный случай. Завмаг отпустил частнику кооперативную муку за взятки, а пайщики, тем временем, стояли и дрогли на морозе в "хвостах". В ГПУ Гусев во всем сознался, но у следователя губсуда одумался. Не было уже пугающего своей подчеркнуто-суровой вежливостью дома предварительного заключения, в просторечья "Депезе", с наглухо изолированными от всего мирского камерами.

"Кресты" (изоляция) были шумней. Там живо билась во все щели жизнь. Удавалось вести переписку с будущими сопроцессниками, встречаться с ними в бане, на прогулке, под душем.

К приходу следователя Гусев приготовился. Он отказался от всех своих первоначально данных показаний. Знать, мол, ничего не знаю и ведать не ведаю.

- Но, позвольте, ваше сознание!
- Что вы, гражданин следователь! Говорят, там мучают, бьют...
- И вас били?
- Нет... меня в частности, нет.
- Какие же вы можете представить доказательства самоговора?

- Очень просто. В ГПУ я показал, между прочим, что получил за продажу ста килограмм подсолнечного масла взятку в сто пятьдесят рублей. Выходит, что на каждое кило мне частник платил по рублю с полтиной взятки. А масло-то по вольной цене стоит всего восемь гривен. Вот вы и подумайте, какой дурак, спрашивается, такие деньги станет мне платить?

Гусеву везло. Его сопроцессники, которых он своими показаниями вначале изобличал, держались упорно и от первого до последнего допроса твердили:

- Ложь. Мы Гусеву ничего не давали.

При таком положении у Гусева все козыри оказались на руках. С такими данными мы пришли в суд. Перед началом судебного заседания, я, сомневаясь, говорил Гусеву:

- А вдруг догадаются, что в ваших показаниях, данных в ГПУ, просто описка, что же тогда?
- А вы не сомневайтесь, - успокаивал меня Гусев, - бейте в мою голову, пройдет.

И ведь подумать только! Прошло. Поверили моим доказательствам, что если глупость написана о масле, так почему же не написать было того же о муке, тем более, что нет улики против "давальцев" взятков?

Гусева и "давальцев" оправдали. Сказать по правде, я

чувствовал себя героем только первые два часа после приговора, когда совесть утопала еще в услужливо предложенной Гусевым водке.

Сегодня мне Гусев принес остаток от тридцати серебрянников, т. е. мою долю во взятке, для приличия именуемую гонораром. Гусев был под хмельком и откровенен.

- А чудак же вы! - Он пьяно ухмыльнулся - Хоть и хороший защитник, а чудак.

- Почему?

- Вы думаете, что насчет масла, действительно, у следователя описка вышла? Ничего подобного, даже наоборот. Никто того не заметил, что масло-то я при муке продал. Масло было порченное, так я, вроде как в "нагрузку", к муке его пустил. А сто пятьдесят целкашей я за муку огреб. Вот оно что-с. Описки никакой и не было. Это я так сумел ловко подвести.

Апрель

За гонорар я становлюсь сообщником преступника. За деньги я должен помочь ему избежать законной кары, т. е. не кары, а меры социальной защиты.

Потому я не обижаюсь, не страдаю от угрызения совести, когда выслушиваю какое-нибудь преступное признание, хотя бы оно и претило моей брезгливости.

Иногда все-таки возьмут, да и прорвутся остатки чего-то прежнего, давно забытого. Так случилось вчера, и черт его поймет, почему. Пришел ко мне Вахман - старый, добрый, матерой взяточник. Сначала сидели разговаривали. Все было хорошо. Споткнулись на взятках. Не на тех взятках, что давал сам Вахман, а вообще на взятке, о том: можно ли работать, не прибегая к ней, или нет?

- Помилуйте, - перекачывался в кресле шариком Вахман, - разве мыслима Россия без взятки? Ведь нравы еще не изменились с тех пор, как она эс-эс-эс-эром называется. И как этого только большевики себе не усвоили? Вы сообразите. Если хочешь жить прилично, так, чтобы управдом забыл номер твоей квартиры, надо дать. Управдом - паучок маленький, а паутина от него большая тянется. Одна ниточка к фининспектору, другая на биржу труда. Всегда ведь могут поинтересоваться, как живет безработный Вахман. А то фининспектор вдруг узнает, что ты хоть и безработный, а состоишь компаньоном в деле. Как ему не дать, чтоб не замечал? Раз уж мы с вами разговариваем откровенно, так позвольте говорить, как на исповеди... Я столько слышал о вас, вы ведь... Впрочем, к делу. Какие у вас отношения с Косолаповым?

- Когда встречаюсь, кланяюсь, - отвечаю я.

- Какой вы шутник! Я не о таких отношениях спрашиваю. Я спрашиваю, можно ли сделать так, чтобы меня оправдали.

- Я не вижу связи между моими отношениями с Косолаповым и вашим делом, хотя бы уже потому, что когда вас допрашивали в ГПУ, вы во всем сознались сами.

- Я это знаю, - перебил меня Вахман, - но в суде я хочу теперь сказать, что я ничего не знаю.

- Ну, а дальше?

- А дальше так. Если Косолапов забудет мои первые показания, он меня в суде оправдает. Те, кому я давал взятки, тоже откажутся.

Я понял мысль Вахмана, но злость меня подзадоривала.

- Как же вы представляете себе необычную для Косолапова невнимательность к делу?

- Боже мой, очень просто... Я плачу гонорар вам. Гонорар плачу хороший. Если меня оправдаете, гонорар будет еще лучше. Да что мне вас учить? Вы человек умный. Я много о вас слышал. Вы и без меня гонораром распорядитесь.

- Знаете, что, - обратился я к нему, - я вам дам другой совет. Признайтесь лучше во всем чистосердечно, отсидите в исправдоме свой срок, поразмыслите о том, что можно жить без взятки и вы выйдете оттуда другим человеком.

Вахман сидел растерянный, красный. От напряжения у него вздулись на лбу жилы. Потом он обмяк и мелко засмеялся.

- А ведь мне удалось обмануть вас. Я же пошутил, я знал, что вы коммунист.

- Вы ошиблись, я беспартийный. - Вахман смеялся все мельче, рассыпчатей.

- Я понимаю, я понимаю... Вам иначе неудобно... Простите, что задержался. Вы человек занятой. Позвольте, я уже лучше завтра зайду. Обязательно зайду. Непременно зайду.

Вахман положил на стол конверт и, пятась к дверям, вышел.

Я открыл конверт, там была пачка червонцев. Человек и здесь платил... за молчание.

Спустя немного времени встретил на улице Маджанова. Маджанов был знаком с Вахманом.

- А! Осведом ГПУ, - приветствовал он меня.

- Что такое? - спросил я.

- Ничего особенного, кроме того, что Вахман бегают по городу и сообщает "по секрету", что он нарвался на тайного чекиста, т. е. на тебя... Но что ему удалось тебя обрывать.

Утром на следующий день

Сегодня пишу о взяточниках. Приходит он в адвокатский кабинет и жалуется, как Вахман рассказывает о муках ГПУ, клянет власть, породившую такие условия жизни, что не взять нельзя.

- Помилуйте, сорок лет я жил, как человек, и вдруг должен отказаться любимой женщине во флаконе духов. Разве это мыслимо!

Подобно Вахману, он старается избегнуть кары.

- Вы не знаете, дело попадет не к Ломинадзе?

- Не знаю.

- Жаль. Впрочем, я вас буду очень просить, постарайтесь узнать.

- А зачем вам это нужно?

- Видите ли, он - бабник. Я знаю, он бегают за подружкой моей жены. Я мог бы его попросить...

Так говорил Прыщик, был у меня такой клиент. Он долго перебирал фамилии судей.

- Ключевин... Он хороший парень, но что он понимает в хитрии, ведь он же слесарь. Вот, разве, Кныш? Я слышал, он приличный человек, только выдает себя за крестьянина...

Вахман, тот самый, что ушел от меня, попал к Бабушкину. Впоследствии мне Маджанов рассказывал, что Бабушкин оказался сговорчивее. Он согласился воздействовать на Косолапова. Приведя Вахмана в судейскую столовую в то время, когда Косолапов там обедал, Бабушкин на виду у клиента нарочито громко спросил:

- Вы разрешите присесть рядом?

- Пожалуйста.

- Позвольте, товарищ Косолапов, осведомиться: вы изволите председательствовать по делу "Каучук-снабжение"?

- Да, скучное дело.

Косолапов отворачивается и не обнаруживает желанья беседовать дальше.

Бабушкин поднимается осторожно, на носках отходит. Потом взглядом подзывает Вахмана и уже в коридоре сообщает:

- Словечко я ему закинул. Он обещал, сказал, что на суде... Словом, он там... посмотрит.

Лицо Вахмана озаряется радостным светом.

Во время суда, по окончании судебного следствия, Бабушкин в перерыве заходит в совещательную комнату.

- Могу я к вам, товарищ Косолапов, обратиться с просьбой не присутствовать при оглашении приговора?

- Сколько вам угодно, - отзывается судья. Когда Бабушкин вышел из комнаты и появился в зале, лицо его носило вид торжественной таинственности. Он значительно отвел Вахмана в сторону.

- Я окончательно переговорил с судьей, и теперь я за вас спокоен.

В его словах не было неправды. С судьей он беседовал, а спокойным ему быть не возбранялось.

Часть вторая

IX.

Новый 1929 год, 2 часа ночи

Что делать? Подводить итоги не стоит, нечему вернее. Думать о будущем? Вряд ли оно будет отличным от настоящего.

За последнее время так устал от пьянства и кутежей, что даже никуда сегодня по традиции не выбрался. Затопил печку, влез в халат и занялся записками. Попробую посвятить сегодня несколько задушевных строк клиентам. Право, мы и они друг друга стоим!

Сентябрь

Признак состязательности издавна присущ взаимоотношениям адвоката и клиента. Состязаются в хитрости. Кто кого?

Клиент додумался до следующего трюка. Находясь в ожидании суда на свободе или на поруках, он ходит в тот суд, где должно слушаться его дело. Внимательно изучает и присматривается к нравам и манерам того судьи, к которому рассчитывает "попасть в лапы".

Я часто замечал в судебном зале таких своеобразных "научных работников". Они выделяются на фоне судейской публики. Рядовой судейский посетитель либо из

присяжных любителей процесса, а их всех знаешь на перерыв, либо из родственников подсудимых. Последние всегда озабочены, исполнены сочувствия. Под скамейкой или на руках ютятся корзины с передачей. В перерывах родственники тормозят защитников.

- Как, по-вашему, плохо? Много дадут? И т. д.

"Аспирант" из взяточников или растратчиков совсем другого вида. Он нем, неподвижен и важен. Взор его с голодной тоской устремлен в сторону судьи. Его ничто не интересует, кроме только судьи. Впрочем, иногда он изучает и защитников.

Недавно я заметил, что возле "аспирантов" обычно пристраиваются какие-то обветшалые и обшарканные личности с видом "частного поверенного" или "присяжного стряпчего" в прошлом. Искоса, поглядывая на "аспиранта", "личность" вскользь замечает:

- Клюквин сегодня не в ударе. Неохотно допрашивает.

"Аспирант" слышит это замечание, настораживается, но продолжает сохранять непроницаемый вид. Через несколько минут "личность" снова цедит сквозь зубы:

- Эх, посадить бы на это дело Кныша. Тот бы не так отработал дельце.

"Аспирант" не выдерживает, крикает и, все еще подозрительный, но уже склонный к беседе, полуосведомляется:

- Вам, видимо, частенько приходится бывать в суде, что вы так хорошо знаете судей?

- О, да, - оживляется личность. - Если вас интересует, я могу рассказать много интересного.

"Аспирант" придвигается.

- Видите ли, этот вопрос меня так близко интересует еще и по той причине, что недалек день, когда мне самому придется посидеть на скамье подсудимых.

- Я понимаю, - отвечает собеседник. - За время посещения судов у меня так глаз наметался, что я сразу об этом догадался. Защитником интересуетесь?

- Да, присматриваюсь. Мне, знаете, наш управдом рекомендовал одного, но как-то на душе спокойнее будет, когда сам проверишь.

- Вам кого рекомендовали, - осторожно и значительно допытывается "личность".

- Буревестникова Виктора Николаевича, он сегодня выступает.

- Как же-с, знаю Буревестникова. Я его помню еще молодым присяжным поверенным. Талантливый человек. Только, - "личность" интимно пожимает собеседнику колени, - знаете, он в этом суде популярностью не блещет. Из пушки по воробьям стреляет. Он, скажем, Клюквину начнет законы разъяснять, да цитатами голову забивать, а тот его вовсе и не слушает. Ему надо все просто, по-мужички докладывать. Стукнуть, например, кулаком по столу, мол: "Не может этого быть, гражданин, судья"...

- На кого же вы мне могли бы указать? - колеблется "аспирант".

- Скорее всего на С... Это советский адвокат, в полном смысле этого слова. Он, как нужно, все объяснит. Его судьи слушают. Кроме того, он многих судей лично хорошо знает, а вы понимаете, что это значит. И вообще С... защитник - красота.

В перерыве "личность" ловит в коридоре С...

- Старайтесь, дорогой, почва подготовлена. Голову мне рубите, если к вам сегодня не завернет. Клиент очень хо-

роший. Он, было, к Буревестникову наметился, да я ему сомнение заронил...

X.

Суббота, 8 час. вечера

Черт его знает, чего бы тут придумать! Зверски хочется "тяпнуть", как говорит Быстрицкий. И не "тяпнуть" так себе, в тиши домашнего очага. А так, чтобы с музыкой, с треском... Поискал в карманах, а там двух целковых даже не набралось. Ну, что же! Придется подождать до одиннадцати часов, может, какой ни на есть олух занесет два-три "червяка" авансом в счет гонорарчика, тогда и тяпну. А не принесут, так придется вечер коротать в "тиши кабинета".

12 час. ночи

Не судьба. Никто не пришел. Посижу дома. Кстати, о гонораре. Вот в чем наш брат совершенно беспомощен. Если клиент не захочет платить, нет средств его принудить.

О размерах гонорара чаще всего приходится договариваться устно. Очень редко договор облачается в письменную форму. В первом случае нет никаких доказательств тому, каков истинный размер гонорара. Во втором, хотя и существует документ, но оперировать им в суде для взыскания не принято: неприлично. Вот тут подика! Поразмысли.

Я помню, когда Семипалатинский посвящал меня в тайны "рукомесла", он советовал мне часть гонорара брать авансом, а "окончательный расчет" учинять при общении доверенности к делу.

Если доверенность уже "приобщена", все кончено. Клиент может не платить гонорара, так как все равно я обязан выступать в суде. В противном случае, не явись я на процесс, суд должен отложить дело, а неосновательное отложение дела может навлечь дисциплинарное взыскание. Воздействовать же после суда на клиентскую совесть - дело бесполезное.

Клиента ловишь по телефону.

- Дома Яков Михайлович?

- Кто спрашивает?

Называюсь. В трубке слышен неясный топот, шуршание.

- Вы слушаете? Якова Михайловича нет. Он будет только вечером...

Звоню вечером и узнаю, что Яков Михайлович будет поздно ночью. С утра начинается та же история. Длится это дня три, пока не надоест звонить.

Назавтра

Вспоминаю одного клиента. Фамилии не помню, а звали его Петром Ивановичем, кажется.

Когда я выиграл его совершенно безнадежное дело и напомнил об остатке неуплаченного гонорара, Петр Иванович посмотрел на меня своим ясным взглядом и, тронув меня за пуговицу пиджака, умилился:

- Дорогуха, ведь мы же с вами в расчете. Я человек аккуратный и все вам уплатил.

- Может быть, вы меня с кем-нибудь другим спутали?

- Честно вам говорю, уплатил. Погорельский мне как-то рассказывал, что некий Хилькевич заплатил ему гоно-

рар чеком. Когда пришли в банк обменять чек на деньги, кассир участливо объяснил, что текущий счет Хилькевича закрыт уже более месяца.

А вот пример особенного клиентского нахальства. Был у меня подзащитный Карташев, легковой извозчик. Писал я ему жалобы на неправильное обложение, добивался скидок, бегал, просил. Карташев приходил ко мне и бубнил:

- Милостивец, поусердствуй, добейся. Хучь бы они, такие сякие дети, рассрочку платежа устроили...

Презрев самолюбие, я уламывал и всячески упрашивал финотдельцев, и, наконец, достиг желанной цели. Карташеву был рассрочен платеж на девять месяцев, - случай, прямо сказать, небывалый. Радостный, объявляю об этом Карташеву, и тут я убедился, что ломовой перещеголял великого "волжского грузчика" Шаляпина.

Карташев встал в позу, эффектно выпятил грязную свою пятерню и патетически воскликнул:

- Вы думаете, я доволен? И может быть хотите, чтобы опосля этого деньги я вам платил?

Огорошенный, остановился я перед ним, не зная, что сказать.

- Да я такое дело сам и без юриста справить могу. Денег я вам платить не стану. Вот что...

Сейчас, когда я пишу свой "вроде дневника", мне вспомнился сегодняшней рассказ Бабушкина.

Приходит к Бабушкину клиент, упитанный, толстый нэпман. Бабушкин усаживает его в кресло, угощает папиросами. Начинает разговаривать. Нэпман вытаскивает группу бумаг, договоры, расписки, обязательства. Тянется длинный скучный рассказ. Бабушкин слушает, перебивает, справляется с законами, умолкает, опять слушает, опять говорит, снова внимает. Наконец, все понятно. Нэпман собирается учинить какой-то совершенно немислимый, фантастический иск.

- Я предупреждаю, - заканчивает он объяснение, - что я могу платить только проценты с выигранной суммы.

Бабушкин меняется в лице, увядает.

- К сожалению, я вынужден отказаться от ведения вашего дела.

- Почему? - осведомляется нэпман.

- Очень просто, у меня нет времени на безнадежные дела.

- Вы уверены, что мой иск безнадежен? - оживляется клиент, - интересно знать, почему?

Бабушкин объясняет, кипятится, доказывает. По мере его речи лицо клиента становится все радостнее и веселее. Когда Бабушкин умолкает, опустошив весь стой юридический багаж, нэпман поднимается, и, вынимая из бумажника рублевую бумажку, кладет ее на письменный стол.

- Очень вам благодарен, теперь я спокоен и даже могу обойтись без адвоката. Я допустил в своем рассказе маленькую, крохотную ошибку. Я не истец. Как видите, я не такой глупый. Я ответчик по этому иску.

Бедняга Бабушкин. Он так и застыл в своем кресле.

XI.

Отчего я все-таки предпочитаю сидеть голодным, но не могу так поступать, как Соркин или Феоктистов? Поучиться у них, что ли?

Прихожу как-то в суд. Дело мое слушалось не скоро. Сажу в коридоре, наблюдаю. Идет Феоктистов, за ним трусит дяденька маленький, потный в чесучевом пиджаке и беспрестанно вытирает платком мокрую лысину.

- Акакий Иванович, дорогой, любимый, пожалейте, ведь через полчаса дело мое будет слушаться.

- Пока оно ваше, но не мое, - флегматично возражает Феоктистов.

- Как же это так? - пугается человек.

- Заплатите дензнаки, тогда выступлю.

- Акакий Иванович, ей-же ей, принесу вечером, обязательно принесу, разрази меня на этом самом месте, вечером обязательно...

- Разражаться не стоит, а когда принесете деньги, тогда и буду вас защищать. Ведь доверенность свою я к делу еще не приобщал...

- Так дело же сейчас будет слушаться.

- Ну и наплевать. Мне-то не все ли равно?

- Акакий Иванович...

- Тридцать шесть годков так меня называют. Это вы не ошиблись?

- Да я не шучу, - чуть не плачет человек.

- Какие там шутки! - издевается Феоктистов, - Я всерьез.

- Что же будет, Акакий Иванович?

- Дайте денег.

- Памятью матушки покойной клянусь. Вечером...

- Покойницы не имел удовольствия знать, - перебивает адвокат. - Извините, я спешу, - и он делает вид, что хочет уйти.

- Голубчик, - спохватывается клиент, - возьмите вот хоть это в залог, - и он вытаскивает из пиджака громадный серебряный портсигар.

Феоктистов берет портсигар, долго на него смотрит, подкидывает на руке, определяя вес. Человек с надеждой смотрит.

- Нет, не возьму, - выпаливает Феоктистов, - тут у вас двуглавый орел с короной. Ни один ювелир не возьмет...

- Акакий Иванович, орел золотой и корона золотая, а золото в любом виде на лом возьмут.

Адвокат раздумывает, наконец, соглашается.

- Черт с вами, возьму! - И оба идут в зал.

Но рекорд побил все-таки Соркин. Серьезный он мужчина, даром, что клиентура знает его под кличкой "юрисконсул против бань" по месту жительства.

Очередное клиентское надувательство вывело Сорокина из себя. Он ждал ровно три дня - срок, значительный для уплаты гонорара. Потом позвонил. Ему сказали, что Каспера Сидоровича нет дома. Это его не смутило. Он взял извозчика и поехал. Дверь открыла домработница.

- Каспера Сидоровича нет дома.

- Не важно, покажите мне, где его комната.

Соркина провели в хозяйский кабинет. Он быстро оглядел помещение - скудная обстановка. Письменный стол с высохшей чернильницей, парой грязных воротничков и галстухом. Железная кровать. Книжный шкаф. Соркин вышел. Пусто. У камина большое мягкое кресло. Соркин постоял, подумал, потом решительно подошел к креслу и потащил его к дверям.

- Что вы, что вы! - взмолилась испуганная домработница.

- Ничего, - скажите вашему Касперу Сидоровичу, что Моисей Маркович вынес.

Последние слова Соркин говорил уже на лестнице, стаскивая с третьего этажа грохочущую добычу. Дома кресло было водружено на самом видном месте и демонстрировалось ненадежным клиентам в должное назидание.

15 октября среда

Утром встречаю Семипалатинского. На душе нехорошо, всего знобит.

ХП.

Дата не обозначена

Каждый день в шесть часов начинается мое рабство. Я - раб телефона, раб своего клиента. Он покупает право на мой покой, мою мысль, душу, наконец, просто на аппетит. Останавливается в воздухе на полдороге ложка с супом и опускается обратно в стынущую тарелку, пока очередной Петр Сидорович мучает меня у телефона своими сомнениями по поводу давно надоевшего дела.

- Вы, кажется, обедать изволите, уважаемый?

- М-да... - мычу в трубку, дожевывая пищу.

- Вот неприятность. Если бы знал, позвонил бы позднее... Ну, уж раз оторвал, дозвоьте кончить.

Дозволения с моей стороны не следует, но молчание принято как согласие. И Петр Сидорович кончает, кончает... проходит двадцать минут. Обед простыл.

Звонок. Пришли. И говорят, говорят, без конца. Они ведь купили мою внимательную позу и безразлично-любезную улыбку. Клиент не говорит только о деле. Он жаждет беседы о политике, о погоде, острого словца, обязательно сочувствия.

"Нанимая" адвоката для поездки куда-либо, он способен отравить своим присутствием минуту прощания с близким человеком на вокзале. Сидя перед тобой в кресле, наследив перед этим добросовестно на ковре, насилуя корявыми с трауром пальцами бумагу, которую держит в руках, он невольно сопит луковичным, угреватым носом и заявляет:

- Не нравится мне эта жалоба ваша.

- Почему?

- Тут у вас ни слова не написано, что я в тринадцатом году в приказчиках служил, а вместо того все статьи, да статьи понаставлены.

- А на какой предмет, но вашему мнению, такое указание надобно?

- Как на какой предмет? Проиграли дело, теперь еще и жалобу толком написать не умеете. На предмет, извольте спрашивать? На предмет того, что как не трудящийся алимент в приговоре показан. А какой же я не трудящийся, коли в тринадцатом году в приказчиках был?

- Так ведь то в тринадцатом, а с двадцать третьего вы свою торговлю завели...

- На то вы и адвокат, чтоб доказывать, что хоть торговлей занимался, а все же я трудящийся. Трудящийся и есть. Для фининспектора ихнего и тружусь...

Корявые с трауром пальцы сменяют женские лайковые перчатки.

- Скажите, вы когда к Альберту Ильичу в тюрьму собираетесь?

- По совести вам скажу, что я и не собирался. Мы с ним обо всем к предстоящему суду договорились. По-

следний раз я был в изоляторе позавчера. Суд назначен на послезавтра и ехать мне туда незачем.

- Что вы, роднущенька вы моя! Нет, я уж рассчитываю на вас. Вы поезжайте. Обязательно. И передайте Альберту, чтобы он непременно надел серую рубашку и не смел являться на суд в манишке.

- Да ведь манишка никакого значения при его взятках не имеет.

- Ой, что вы, что вы!.. Нет, я очень вас прошу, сделайте так.

Я соглашаюсь.

- Ну, чудненько-чудненько. Я вас называю мои "валерьяновые капли". Неправда ли, мило?

Лайковые перчатки быстро перебирают в сумочке губную помаду, пудру. Хозяйка их уходит, унося с собой приторно-сладкий запах духов.

Валериановые капли! Ох, эти мне капли! С тех пор, как я взялся защищать этого взяточника, я потерял всякий вкус к жизни, я мечтаю только о том, чтобы эти капли превратились в калий, в цианистое, с миндальным запахом! Одним клиентом больше, одним меньше... Пойду допивать коньяк. Допил и решил писать.

Мои записки своего рода отягченной пластырь. Как-то легче становится. Почему-то вспомнился "Павлушка Пан". Его дело было последним в году. Тяжелое было дело.

"Павлушка Пан". Что-то жестокое слышится даже в самом прозвище. Всего двадцать восемь лет и уже двадцать шесть убийств, семнадцать вооруженных ограблений и сто пятьдесят две кражи со взломом.

Фигура высокая, сильная. Каждый мускул дышит неукротимой, необузданной силой. Лицо красивое, правильное, немного бледное от волнения. Черные, густые брови кажутся приклеенными.

Суд. На первых скамьях много женщин. Они остро переживают каждое слово Пана. Ядовитая реплика прокурора притягивает сноп взглядов. Удачное замечание защиты срывает аплодисменты.

- Здесь не театр! - напоминает председатель. Зал утихает и напряженно прислушивается к речам сторон.

- Подсудимый Беляев Павел, по кличке "Пан". Вам предоставляется последнее слово.

Пан говорил много и бессвязно, встревоженный сверлящим взглядом председателя.

- Граждане судьи, - заканчивал Пан свое слово, - Я не нашел законных путей для жизни. Мне так хотелось жить. И я избрал незаконные...

Вспоминаю Пана. Я сейчас пьян немного. Удастся ли и мне найти законные пути? Ведь мне тоже жить, жить хочется.

1 января. 4 час. утра

Чушь собачья и ерунда. Какие еще там законные пути? Разве я не на законном? Мандат у меня в кармане. Дощечка на дверях. Так в чем же дело?

Живи, пей, веселись, гуляй!..

Павлушка Пан с револьвером, а я - с мандатом. Трепещи все живущее на белом свете.

Февраль

На днях я получил истинное удовольствие. Звонит мне Алексей.

- Ты завтра свободен?
 - Свободен.
 - Приходи в суд. Я у Вани Клюквина в слесарином процессе защищаю.

Перспектива послушать слесариный процесс, да еще под председательством Вани Клюквина мне улыбалась. Дело было чрезвычайно простое. Восемнадцать слесарей вагонных мастерских обвинялись в том, что помогали обвиняемому Шупикову, счетоводу тех же мастерских, в составлении подложных табелей на сдельщину и сверхурочные. Вырученные деньги все вместе пропивали в соседней с мастерской пивной под вывеской "Неразлучные друзья".

Ревизия обнаружила подлог, и все девятнадцать преступников угодили под суд. Суд начался установлением личностей обвиняемых.

Ваня Клюквин председательствует.

Ваня Клюквин слесарил некогда на Путиловском. Революция нашла, что Ваня умеет еще и комиссарить. Организаторские способности открылись в нем давно. Еще в 1905 году районный комитет РСДРП поручил ему проведение маевки. Кончилась гражданская война, и Ване дали путевку в суд.

Больше всего я в Ване люблю то, что, оторванный от станка и от своей заводской семьи, он не утратил свежей непосредственности, простоты и здоровой, хорошей сметки, - всех качеств, свойственных подлинным рабочим-пролетариям.

Вот этакий Ваня Клюквин! Что он знает? Формально обучен грамоте и только. Судейскую мудрость он познал таким же способом, как и стратегию на войне. А стратегию он изучал собственным нутром и изучил прекрасно.

Летопись гражданской войны пестрит добрыми самородными "генералами" - Ванями из слесарей. А как учили военной науке слесаря-стратеги тактиков и стратегов с аксельбантами, командированных генеральными штабами великих держав, это мы достаточно хорошо знаем из истории интервенции.

Как-то мне надо было зайти к Клюквину по делу. Оказывается, судебное заседание уже началось. Пришлось ждать до перерыва. В маленьком зале, лишенном всякой театральности, было душно. Публика заполняла все скамьи, кое-кто устроился прямо на полу, подбравшись к самому судейскому столу. Валенки, тулупы, бороды пахли щами и махоркой. Клюквин допрашивает.

- Тебя как звать?
 - Иван Митрич Кузнецов.
 - Ну, значит, так Митричем и будем звать. Ладно?
 - Ладно! - удивляется Митрич.
 - Вот и хорошо. Так уж ты, Митрич, говори прямо. Видишь, стесняться здесь нечего. Кругом свои люди. Вот и будем по-хорошему, по-простому разговаривать.

И мрачный, исподлобья, враждебно глядевший до того Митрич внезапно расплылся широченной улыбкой.

- Да я ничего. Я расскажу. Чего уж тут!

Вот она мудрость пролетарская. Ведь прояснилось запутанное дело. И еще один случай.

Проводники транзитных пассажирских вагонов соседнего с нами государства занимались контрабандой. Возили к нам пудру, духи, чулки.

В один из таких рейсов проводников доставили прямо

в Дом предварительного заключения. Вскоре они предстали перед судом в лице Вани Клюквина и двух усачей-заседателей.

Я защищал двух проводников и не представлял себе совершенно, как и о чем я буду говорить. При посещениях подзащитных в тюрьме, они на все мои вопросы отвечали уныло:

- Не понимай, по-русски, не понимай...

Мои попытки сговориться с ними окончились неудачно. И лишь тогда, когда я собрался уходить, один из проводников взял меня за рукав и спросил:

- Скоро нас весить будут?..

Я остановился и принялся доказывать жестами и невозможной язычной смесью, что "весить" их никто не будет. Что если виновность их будет точно установлена, то самое большое можно ожидать лишения свободы, ну, скажем, на три года.

Проводники недоверчиво смотрели на меня и упорно твердили:

- А скоро нас весить будут?..

Ничего толком не добившись, я спросил, не надо ли им чего-нибудь. Тогда один из них, постарше, нерешительно спросил:

- Паню хосу.

- Что?

- Паню хосу. Помыться хосу.

Я передал дежурному по исправдому их желание и уехал. В суд по моему ходатайству был приглашен переводчик. Однако Клюквин после нескольких переведенных фраз решил обойтись без его помощи.

- Ты рабочий? - спросил он одного проводника.

- Рапоций, - последовал ответ.

- И я рабочий. Так мы друг друга без всякого толмача пойдем.

Проводники сначала беспомощно косились на переводчика, мямлили и мялись, но потом разговорились. Заговорили плохо, с трудом, но понятно. Запирательство, которое они первоначально избрали средством защиты, было отброшено, и они честно и правдиво рассказали подробности преступления.

Приговор Клюквин писал недолго. Признав проводников виновными, он приговорил их к краткосрочному заключению. Но, принимая во внимание чистосердечное признание, постановил: лишение свободы считать условным.

Огласив приговор и освободив тут же проводников изпод стражи, Клюквин так и напутствовал:

- Суд потому так мягко отнесся к вам, что суд этот наш, рабочий Рабочего мы всегда пойдем, когда он искренно раскается. Вред вы приносили контрабандой нашему общему рабочему делу большой, но делали вы его несознательно. Поняли?

- Поняли, - весело хором отвечали проводники.

XIII.

Записано на следующий день

Я вижу, что, увлекшись Клюквиным, я совсем позабыл о слесарях. Итак, дело началось с установления личностей.

- Дормидонтов, Кузьма Прохорович?

- Точно так.
 - Профессия?
 - Слесарь.
 - Сколько лет работаешь?
 - Три года.
 - Ну, какой же ты слесарь? Ты, брат, того... Следующий.
 - Флегонтов, Иван Иванович?
 - Я Флегонтов.
 - Слесарь?
 - Слесарь.
 - Сколько же лет работаешь?
 - Двадцать первый год.
 - Вот это слесарь. Слышишь, Кузьма Прохорович? Это слесарь настоящий, а ты что!..
 - Да-к я, гражданин судья, по вагонной части...
 - То-то и есть. Не слесарь ты, а вагонный слесарь. Это, брат, разница.

Под конец допроса подсудимых Клюквин оживленно расспрашивал:

- Так ты, Климов, говоришь, что на Путиловом работал?
 - Работал, гражданин судья.
 - Суркова Васю помнишь?
 - Помню. Как же!
 - А Елышева, Кубикова, Чуркова, Лешку?
 - Ну, еще бы.

- Может быть, и меня помнишь?
 - Вас-то нет. Потому я на два года позже поступивши, а разговоры разные про вас слыхивал.
 - То-то же, ежели бы мы с тобой знакомы были, ты бы отвод мог заявить. Не заявляешь?

- Нет, - мнет кепку в руках Климов.
 Судебное следствие окончилось быстро. Всего два или три часа. Клюквин резюмировал.

- Пили?
 - Пили.
 - Деньги платил кто?
 - Щупиков, он кассиром нашим был.

В общем, выяснилось, что в течение года каждый слесарь выпил в среднем рублей на двадцать, а счетовод Щупиков успел за это время дачку отремонтировать.

Прения сторон открылись речью молодого не оперившегося еще прокурора. В заключительном слове, обращаясь к судьям, он требовал кому двухлетнего, кому трехлетнего заключения.

Клюквин слушал прокурора молча, подперев рукой подбородок. Когда прокурор стал перебирать свой тюремный прейскурант, Клюквин вдруг рассердился, густо покраснел, и, обращаясь к прокурору, громко пробубнил:

- Ну, брат-прокурор, придется тебе протест писать, как пить дать, придется. Не так будет.

Через час Клюквин вынес приговор. Восемнадцать слесарей были осуждены условно. Щупиков получил год принудительных работ, все остались довольны. Говорят, что первые дни нервничал прокурор. Все собирался писать кассационный протест.

Среда

Есть другие судьбы, из "совчиновников", те, что играют "под рабочих". Но по всему видно, что они не хаживали

по заводской улице.

При мне допрашивался один кооператор. Старик пятидесяти девяти лет. Служил продавцом в мануфактурном магазине рабочего кооператива. Зарплату получал пятьдесят рублей ежемесячно, имея на руках семью в семеро душ.

Обвинялся он в том, что за продажу частнику ситца получил взятку семьдесят рублей.

- А вы, Словцов, знаете, какое значение в пролетарском государстве покойный вождь пролетариата придавал пролетарской потребительской кооперации? - гремит председатель.

- Знаю, - лепечет Словцов.

- А откуда вы знаете?

- Читал.

- Где?

- Не помню.

- Значит, лжете, не читали. А если бы читали, не брали бы взятку.

- Да-к я же для деток. Детки голодные.

- О детках надо было думать, когда частнику пролетарский ситец продавали. Садитесь. Суду ясно.

О, это жуткое - "суду ясно".

XIV.

Понедельник

Понедельник - "тяжелый день"... И чего ради я только в это дело сунулся!

Кто такой Зубашев, мне стало ясно, как только я начал листать дело. Взять хотя бы его анкету и показания знавших его свидетелей!

В семнадцатом году вступил в партию. Обстоятельство само по себе почтенное, рекомендует человека с положительной стороны. Шел, так сказать, на риск и как будто бы по убеждению.

Но дальше становится хуже. В двадцатом году он уже такой незаменимый продовольственный специалист, что мобилизация на польский фронт его не коснулась, и он остался командовать губпродкомом в одном из южных городов.

К городу прорываются отряды курносого Шкуро. Признанные негодными при мобилизации старики, рабочие, учителя, делопроизводители Губоно и даже счетовод из Губпродкома спешно формируют рабочий ударный батальон. Избирают командиром Зубашева, но у него уже на руках наисрочнейшая объединенная командировка Чусоснабарма и губпродкома за маслом на далекий север.

Делопроизводитель из Губоно повис на перекладине качели во дворе бывшей Николаевской гимназии. Счетовода Губпродкома расстреляли. Десяток другой соратников железнодорожников вырезала "дикая дивизия" Шкуро. Город разгромили, выжгли. Уцелели только железобетонные склады Губпродкома.

После разгрома белых Зубашев вернулся не один. За ним следовал маршрутный поезд с маслом. В составе поезда шел вагон с домашними вещами комиссара, которые катались с юга до Вологды и обратно. Зубашев набил губпродкомовские холодильники желтым, солоноватым, вологодским маслом. Отметил в приказе геройскую смерть сотрудника комиссариата счетовода Бутылкина,

наградив вдову его отрезком сукна на пальто и месячным пайком, и на этом успокоился.

Правда, на общем собрании по поводу открытия первой в городе столовой кто-то нерешительно предложил присвоить ей имя Бутылкина, но близкие к Зубашеву люди заявили, что покойнику и так оказано много внимания, а по заслугам Зубашева следует присвоить столовой только его имя.

Кормили там первое время хорошо, а спустя несколько месяцев рабочие железнодорожных мастерских наименовали ее не без иронии "зубашевской обжоркой".

Награды и повышения на продовольственном поприще продолжали сопутствовать Зубашеву и во времена мирного строительства. Как исключительный специалист он командовал уже отделением крупного всесоюзного мясного объединения. Здесь его постигла судьба многих.

Сначала авансы, потом дружба с греком, поставляющим копченую снедь. Потом подвернулась любовь. Полюбил Зубашев уже на севере и, бережно охраняя свое чувство от стужи и вьюги, укутал его в котиковое пальто.

Зубашев не сумел скрыть свое чувство. О нем узнали и прежде всего, конечно, в ГПУ. Зубашев был арестован. Отсюда ясно, почему я принял участие в его судьбе.

Иван Ефимович, так звали Зубашева, когда я приехал в тюрьму, встретил меня мрачно.

- Это все она, стерва этакая, наделала.

- Кто она?

- Она, Любовь Николаевна, зазноба моя, - и он криво усмехнулся.

- Почему вы так думаете?

- Очень просто. О том, что меня арестуют, я знал за несколько дней и сказал ей об этом, когда она спросила меня за что, я тоже ей объяснил.

- Ну, так что же, какое это имеет отношение к вашему аресту?

- Ее вызвали к следователю. Первый раз она держала себя молодцем: "Знать ничего не знаю и ведать не ведаю". А по второму разу не выдержала допроса да и призналась с моих слов. А для меня это самая тяжелая улика вышла. Я ведь себя виновным не признавал.

- По-моему, вы, Иван Ефимович, ошибаетесь, - возразил я. - Дело вовсе не в том признании, которое сделала... Любовь Николаевна, если не ошибаюсь. Главное это то, что признали себя виновным вы сами.

- Как это так, я сам?

- А вы забыли ваши собственноручно написанные показания в ГПУ?

- Ничего не забыл. Но у следователя я отрекся ведь.

- Это ничего не значит. Кто поверит, что вы сами себя оговорили?

- Я докажу, я объясню. Мне следователь говорит, что если я не признаюсь во взятке, то он предъявит мне обвинение в контрреволюции. Будто бы я в пивной кому-то рассказывал, что "письмо Зиновьева" не поддельное, а настоящее...

- Послушайте, Иван Ефимович, вы простите меня, но зачем вы мне об этом рассказываете? Я ведь не следователь, не судья. Я-то все знаю.

- Рассказываю затем, чтобы вы мне помогли это доказать.

- Нет, извините. Я не сторонник такого способа защи-

ты. В этом вопросе действуйте по своему разумению.

- Тогда помогите мне в другом.

- В чем?

- Да вот с ней, с Любашкой.

- Я уже вам сказал, что какие бы показания она ни дала, в вашем положении это ничего не меняет.

- Нет меняет. Она ведь свидетельницей вызывается, так я хочу ей отомстить, и доказать, что она соучастницей была.

- Как соучастницей? - оторопел я.

- Мол, я бы растраты не совершил и взятку не брал, если бы не она. Она меня толкала: "Купи мне это, купи то". Я ей говорю: "Откуда взять? У меня ведь партмаксимум". А она говорит: какое мне дело! У тебя свой максимум, а у меня минимум тоже должен быть.

- И это так на самом деле было?

- Нет, быть-то этого не было, но ей трудно будет доказать, что она была не в курсе.

Мне стало не по себе.

- Послушайте, Иван Ефимович, подумайте хорошенько. Зачем вам женщину, которая вас, видимо, любила, делать несчастной, да еще незаслуженно?

- Нет, я уж так решил, - повел бровями мой подзащитный. - Я такой человек...

- Воистину "такой", - подумал я, прощаясь.

Приехав домой, я посмотрел в обвинительном заключении адрес Любови Николаевны, разыскал телефон, вызвал ее к себе.

- Что же делать? - беспомощно уронила она, когда я обрисовал ей положение вещей. - Никогда я не думала, что он окажется таким негодяем.

- Успокойтесь Любовь Николаевна. Есть средство помочь. Если вы не будете фигурировать в суде как свидетельница и вас вообще там не будет, Зубашев лишится возможности вас шантажировать. Основное обстоятельство, которым он надеется вас уличить, это ваша путаница в показании. Он думает это использовать, чтобы доказать, что так действовала не любящая женщина, а соучастница.

- Как это ужасно!

- Да, это, действительно, нехорошо. Но чтобы этого не случилось, вам следует взять от врача свидетельство о болезни и не являться в суд.

- Это не так уж трудно сделать, потому что у меня обострившийся туберкулез.

На суде все сошло гладко. Отсутствия Любови Николаевны никто не заметил. Зато версия о "Зиновьевских письмах" сопровождалась гомерическим хохотом всего зала.

Между прочим, оказалось, что Зубашев в течение семи лет до революции держал неплохую торговлю. Непонятное объяснилось.

(продолжение следует)

М.И. Федоров - адвокат, преподаватель Воронежского экономико-правового института, член Союза писателей России

Встреча в Козино. Дни Победы

1

Когда 8 мая я спешил в редакцию газеты "Берег", где вышла моя публикация "Не гоните третью волну превосходства..." о том, как Егор Исаев относится к всякого рода натовским поползновениям, зазеленел сотовый и кто-то откуда-то далеко что-то заговорил. Слышимость была плохая, и я переспрашивал, но когда услышал каким-то глухим и пожилым: "Это Михаил Иванович Федоров?", невольно подумал: "Не судья ли по какому-нибудь делу?" и скорее ответил: "Да, Федоров". Но тут последовало: "Я что, не туда попал что ли...", и я: "Федоров слушает, Федоров". - "А то я подумал, что не туда". - "Вы попали на Федорова", - я сильнее прижал телефон к уху. - "Это Сухарев..."... Мне мигом дошло: "Генеральный... Про него только издал книгу", и напрягся, готовый услышать как слова благодарности, так и недовольства. А прозвучало: "Большое спасибо тебе, Михаил Иванович, за книгу... Замечательная..."

Я воспрянул: меня хвалил за книгу бывший генеральный прокурор.

Прозвучало еще много добрых слов, после которых я прорвался сам: "Вы будете на праздники в Москве?", - "А что ты хотел?", - "Я хотел бы провести Вас и привезти пачку книг".

Я знал, что одну книгу Сухареву отдал Руслан Георгиевич Гостев.

- "А когда ты хотел?", - спрашивал Сухарев. - "Я буду 9 мая и до 12 мая в Одинцово". - "Ну, давай, 11 мая. А то праздники..."

Сухарев сказал, что будет ждать меня 11 мая в 11 часов. Назвал адрес Московская область, Одинцовский район, с. Козино, дом...

Я быстро забрал в редакции газету с публикацией в "Береге" и поехал домой собираться в Москву.

"Надо же, узнал мой сотовый!".

Вытащил из кладовки пачку книг. Жена уже заканчивала собирать чемоданы. В полночь нас с женой отвез на вокзал младший сын Егор. Мы вылезли из "Хонды" сына и по пустому перрону вышли к поезду "Грозный-Москва". В вагоне ехало всего четыре человека.

Мы заняли купе на двоих. Я понял, почему так мало людей: поезд приходил в Москву в 11 часов утра, когда шел парад на Красной площади, и мало кто хотел пожертвовать таким зрелищем ради поездки в поезде.

Но мы пожертвовали.

Когда 9 мая в 11 часов поезд зашел на перрон Казанского вокзала, я удивился многочисленным встречающим: девушки в длинных юбках и платках, молодые люди с бородами и некоторые в маленьких шапочках, пожилые женщины в бархатных одеждах запрудили платформу. Они параду предпочли встречу близких и гостей.

Нас встретил старший сын Коля, и когда мы ехали на его "Тойоте", были вознаграждены. Над нами

вереницей шли к Красной площади огромные авиазаводчики, сбросив трубы другим лайнерам, тройками-пятерками-семерками бомбардировщики, истребители, крошечные самолетики... Группа остроносых "птах" прошла над головами, выстроившись цифрами "70".

"Семидесятилетие Победы".

Москва ликовала. Люди с моста, с улиц, стоя рядом с остановившимися на дороге машинами, махали крылатым защитникам Отечества.

Насмотревшись повторы парада по всевозможным телевизионным каналам и наигравшись с внучкой, 11 мая я собрался к Сухареву. Взял пачку книг, сел в "Тойоту" сына - Коля вызвался меня отвезти - и мы поехали сначала по Можайскому шоссе, потом по Успенскому, вилляли между высоченных заборов, подперших дорогу с обеих сторон, выкатили на простор полей, переехали по мосту реку Москву, которая показалась совсем маленькой в сравнении с той, которую держали в своих объятиях набережные столицы. Доехали до деревни Ивановка, в которую упиралось разве что по старинке названное селом Козино. Его запрудили разноэтажные, разнофасадные, разнозаборные коттеджи.

Если полста километров мы проехали за полчаса, то следующие полчаса мы кружили по узким улочкам Козино и звонили Александру Яковлевичу. Тот что-то объяснял, что не особо помогало нам найти его дом - нумерация на улицах скакала с одного десятка на другой, и вот, выехав на поле вокруг села, мы поговорили с невесткой Сухарева, которая объяснила, на какую улицу повернуть.

Наконец, нам повезло: в глубине извивающегося асфальта увидели женщину с девочкой и пожилого мужчину. Они махали руками.

Мы подъехали: пожилым мужчиной оказался Александр Яковлевич, он стоял, опершись на палочку. Женщиной - жена внука Сухарева Ольга, девочка с косичками - дочь этой женщины и правнучка Александра Яковлевича Маша.

Коля высадил меня и уехал по делам, а я за Сухаревым и мамой с дочерью по узкой дорожке прошли к железным воротам. Вошли во двор с вовсе не по статусу его жильца - действительного советнику юстиции, иными словами, генерала армии - домом в один этаж, поставленный на высокий цоколь. У моего свата - отца невестки генерал-майора - дом был втрое выше.

Вдоль дорожки желтели нарциссы и краснели тюльпаны, к забору жалась теплица и на нескольких квадратах земли белым цветом обливались плодовые деревья.

- Вон мой лежак, - Александр Яковлевич показал на навес, под которым на стойках стояла кушетка со спинкой.

Мы подошли к ним. Сухарев облокотил костыль об угол и опустился на лежак. Я сел на стул напротив, поставил пачку книг в ноги.

Мы заговорили.

2

- Как там Воронеж поживает?

- Благоухает... Что бы ни говорили, но благоухает...

- А парад видел?

- В Воронеже - нет. А в Москве мы ехали с сыном на машине и видели, как выстраивались самолеты...

- А я был на Параде. Потом на приеме. Встретил Нурсултана. Я его знал. Он рядом с Путиным сидел. И южнокореец был, который теперь является Генеральным секретарем ООН...

- Пан Ги Мун...

В прошлую встречу с Сухаревым ходил без палочки, и Александр Яковлевич, словно объясняя, сказал:

- У меня воспалилась правое плечо. А левая рука еще больная с фронта. И вот не пойму, какой рукой надо действовать.

Мне было больно смотреть на ветерана, но я поделаться ничего не мог.

- А я сумел выбраться прямо накануне в Липецкую область... - сказал Сухарев.

- Проведать братскую могилу отца?

Я знал, что отец Сухарева погиб и похоронен в селе Озерки Липецкой области.

Поставил пачку на колени.

Охвативший ее скотч не рвался.

- Машенька, принеси нам ножницы, - позвал девочку Сухарев.

Маша принесла ножницы, разрешила скотч и унесла.

Я достал книжку:

- Александр Яковлевич, решили поставить Ваше фото на обложку не когда Вы генерал армии, а когда еще в рабочей форме, - я показывал обложку.

- Правильно...

- И серию решили назвать "Замечательные люди Воронежского края"...

- Я обратил внимание...

- Гостев поддержал финансово...

- Молодец! - и как спохватился. - Умоляю, я боюсь остаться без твоего телефона, запиши мне его...

Я хотел сказать: но ведь как-то нашли и позвонили.

Но достал из кармана куртки картонку:

- Вот визитка, - отдал. - Потом, попросили очень умную женщину написать вступительную статью...

- Я прочитал, хороша статья...

Мы листали книгу.

Увидев фото Ильюхина, Сухарев снова обрадовался:

- Единственного члена коллегии приняли на "ура". Пятьсот депутатов. Ни одного замечания...

- Он же против Горбачева возбудил дело за развал страны...

- Было такое.

- Но делу хода не дали...

- Это да.... Он им потом, Ильюхин, дал!

- Вот карикатура на Горбачева... - показал на рисунок.

- Горбачев в связи с моим 90-летием прислал большую телеграмму. Но послал на имя ректора, чтобы передать мне. Я когда узнал об этом, сказал: "Я не буду принимать. Пошел он к..."

- Вот фото того, кто Вас спас... - я знал историю ране-

ния Сухарева на войне.

- Никитин... Вот ты ехал, так по дороге стоит памятник Жукову. Мы с Никитиным его открывали...

Листали страницы. Дошли до фото заместителя Генерального Звягинцева.

- Меня вызвал на совещание министр юстиции Коновалов. Одновременно шло заседание Генеральной прокуратуры. По минутам, все одинаково. Я хотел им сказать: что ж вы, первые лица и не можете договориться, сдвиньте на два часа. Я говорю: я не могу. И вдруг, в три часа прибегает этот паренек. (Звягинцев). И нужно, чтобы я подписал почтовые марки, посвященные Руденко. И начинает рассказывать, как он там с Руденко. Плел, в общем... А я-то помню, ведь сам работал в ЦК КПСС и курировал Руденко...

- Прилип...

- Да, я же знаю про Руденко от "а" до "я"...

- У нас в Воронеже есть такие прилепалы Новичихин, Будаков. Бездарные поэтишки липнут к тем, кто при жизни их на дух не переносил...

Сухареву звонили, прерывался разговор. Невестка Ольга приносила чашечки с чаем. Отпивая его, мы продолжали вести беседу.

- Вот Ваш двоюродный брат, - показал фото в книге. - Он мне рассказывал, как после войны, закончив смену, шли восстанавливать трамвай. А нынешний губернатор его уничтожает...

Перед глазами проплывали старые фотографии. Сухарев бурно реагировал, бросал реплики, а что-то вызывало у него длительные откровения.

Потом Сухарев взял книгу, раскрыл и на первом листе и стал писать:

"Дорогому Михаилу Ивановичу Федорову

С великой благодарностью моему земляку за книгу не только персонально обо мне, а, главное, о фронтовиках 1923 года рождения, которых осталось в живых 3 процента, а 97 - погибли. Вот такая цена Победы.

Говорю русское спасибо тебе, Михаил Иванович, и всем, кто прикоснулся к замечательной книге, честной и правдивой. А.Сухарев. 11.05.2015 г."

3

- Александр Яковлевич, докладываю, эту книгу, - снова говорил я, - показывали по воронежскому телевидению. Там как сделали? Перелистывали страницы. На радио "Губерния" сделали передачу. Двадцать минут говорили о Вашей судьбе... Так что Вы нужны Воронежу... Нам повезло, что у нас есть Сухарев. То, что связано с Вами - это общее достояние...

Александр Яковлевич улыбался.

- Скажите, Вы были на параде? - изменил тему я.

- Был.

- А где?

- На трибуне.

- На какой?

-левой.

- А ваши ощущения от того, что Вы увидели на параде?

- Первое. С точки зрения мощи нашей самые высочай-

шие ощущения. В том смысле, что Россия не просто "ляля-ля", а что она, наконец, начала подниматься на ноги и обладает довольно солидной мощью. Готова защитить свою страну, несмотря на всякие козни.

Второе: я увидел радостные лица россиян. На лицах была гордость. И эта гордость появилась благодаря, наконец-то, мудрой, стойкой позиции нашего Президента Путина, когда он решился на прием сердобольной Россией Севастополя и Крыма. Это был гигантский шаг. Мы бы раньше никогда не получили ничего. Был схвачен замечательный момент.

Третье. Я увидел, как, несмотря на всякие санкции, козни со стороны Америки и европейских структур, к нам потянулись новые лидеры и уже проверенные. Я имею в виду Китай, Индию, латиноамериканские страны и все, что касается БРИКС. Это большое событие, которое нашло олицетворение именно в День Победы.

И четвертое, самое главное, наконец-то многие, кто поклонился нашей Победе, они отмечали, что это самая длинная пауза. Это не только Победа. Это пауза мирная. Семьдесят лет мира. Раньше было десять, максимум пятнадцать лет между мировыми пожарами. А тут семьдесят лет мы живем под ясным небом. Это великое событие. И это событие завоевано как раз нашим Советским Союзом.

- Вы точно подметили. Не скрою, я всегда боялся попасть на войну. Счастлив, что всю мою жизнь глобальной битвы не было... Скажите, а техника Вас порадовала?

- По технике у меня двойкий подход. Первое: наши лидеры, в том числе и военные, подчеркивали постоянно, что техника, которую Россия будет демонстрировать, является во многом новой техникой. А я подумал: если техника новая, а не слизнут ли ее наши противники? Может быть такое, но выигрыш в политическом плане остается по-прежнему за Россией. Хотя моя личная боязнь в плане уноса секретов на Запад остается...

- Скопируют.

- Тем не менее, наши политические лидеры продумали всё, я в это верю. И говорят: да, техника вся новая. Но мы, как и раньше, открыты. Если раньше, когда мы были за так называемым железным занавесом, именно здесь за железным занавесом не кто-нибудь, а Сталин открыл железный занавес. Он сказал: нет, господин Черчилль, мы с Вами не согласны. Вы электрический стул заготовили для бандитов, Гитлера и так далее. А мы говорим: нет. Нужно, чтобы этот процесс был открытым. Подсудный всему миру. Чтобы все увидели эту мерзкую физиономию фашизма. Открыто, честно. Вот мы и хотим сказать: и сегодня мы предлагаем ту же линию открытости, честности, и если у Вас, господин Сухарев, сомнения есть: не украдут ли часть секретов, мы поступаемся этим, говоря о нашей технике. Да, это новейшая техника, но мы открыто об этом говорим.

- Если бы что-то задумали, держали бы в тайне...

- И не собираемся никого запугивать. Мы говорим: у нас все есть необходимое для защиты наших рубежей, нашей родной России.

Мы говорили о разном, я спросил:

- Как вы узнали, что отец захоронен в селе Озерки Тербунского района Липецкой области?

- Я обратился в архив. Министерства обороны. Долго

искали и нашли, что последний раз воевал в Липецкой области. И когда я обратился в Липецк, там поискали книги и нашли: Сухарев Яков... Село Озерки, Тербунского района. Погиб в 1942 году. За месяц, как мы погнали фрицев под Сталинградом. Фашисты озверели: у них была директива ничего не оставлять, всё взрывать. Стенка на стенку! И отец в таком пекле погиб. Через Министерство обороны я нашел спасителя своего, Никитина. Позвонили в Одессу, там Никитин нашлся. Тот приехал в Москву. Ему говорят: "Сейчас поедешь к товарищу Сухареву". Я тогда в ЦК работал. А Никитин: "Он живой разве?" Он же считает, что я погиб. Разговор идет в 1965 году. Потому что когда я форсировал реку Нарев, которая впадает в Вислу...

- Это в Польше.

- И он видит, что прошита моя лошадь. И я прошит. А почему? Я уже стал начальником штаба полка. Мне командир полка приказывает: надо всех, кто умеет держать оружие, к нему. Иначе сбросят с захваченного пятка. Я на лошадке по буеракам проскочил к воде, и только лошадь ступила на нее, немец как рванул. Это та же река, но только извилистая. И я должен оттуда захватить людей. Кто умеет держать оружие. Ездовые, фельдшера, врачей, всех тыловиков. И я оказался в таком положении. И, видимо, командир полка подумал: надо на выручку послать. Я еще молодой, мне двадцать один год, вдруг не справлюсь... И замполит оказался около меня и видит: моя лошадь от агонии стала болтать ногами, прошита осколками. Я смотрю, чем она больше болтает, тем фонтан крови из нее выше. И передо мной все начинает меркнуть. А он мне кричит: "Ты только не хватайся за меня. Ты же сам раненный весь". Я в крови. Короче говоря, он порвал все, что на мне было. Вплоть до трусов, чтобы остановить течение крови. У меня и тут, и тут, и тут, весь раненый... Бросил меня на бочку. Ехал ездовой, для противника сложно ориентироваться, где мы находимся. И я слышал: "Скажите, начальник штаба погиб. Потому что я вижу, он весь истек кровью. Когда привезете, скажите, что замполит Никитин удостоверил, что Сухарев погиб. Так и передайте. Прощай, дорогой начальник штаба". А в 1965 году я его нашел. Мы едем, а он на меня смотрит, на живого...

Я в третий раз слушал рассказ о ранении Сухарева и почему-то не мог оборвать.

- Привез его домой, собрались гости. Жене - она три месяца назад скончалась - не ругайся, я все везу, закуску. Только собери всех друзей. Мы налили по фужеру, выпили. Никитин стал рассказывать, и я узнал, что случилось со мной.

4

- А как сложилась судьба Никитина потом?

- Он стал моим другом. По два-три раза в год приезжал. Мы открыли памятник Жукову в Одинцово...

Дул слабый ветерок, по-летнему пригревало солнце.

Сухарев сидел в тени навеса, я смотрел на ветерана и сожалел, что давно нет моего отца, тоже участника войны. С ним вот так ни я, ни кто другой не поговорил, хотя папу на войне называли "Храбрый Иван".

- Я не помню, чтобы были иностранные батальоны на

параде, - менялись темы разговора, - а тут...

- И для меня это в диковину. Не в смысле участия из бывших союзных республик, а были китайцы, индусы... Это продолжение линии открытости, которую воспринимают наши друзья в сложный для России период...

Сухареву звонили, в эти короткие минуты я пил чай, а Александра Яковлевича поздравляли, звали на встречи, и он, что самое удивительное, не отказывал, а, положив трубку, в сердцах восклицал:

- Меня на куски рвут...

- Я хочу сказать, что взятая линия открытости нашего лидера присутствовала во всех мероприятиях 9 мая, - снова говорил Сухарев. - От показа на трибунах нашей боевой техники и кончая приемом в Кремле. Широта, честность, взгляд на мир без боязни. Даже допуская подрыв секретности.

- А какие особенности празднования у прокуроров?

- Не хочу я говорить. Унизили себя.

- Это касается дела Васильевой?

Перед самым праздниками на процессе растарбанившей имущество министерства обороны помощницы министра-мебельщика Васильевой прокурор попросил наказание в виде 8 лет лишения свободы условно, что вызвало бурю недовольства среди людей, которые увидели в этом стремление выгородить приближенных к высшей власти чиновников.

- Обидно. Не хочу об этом говорить!

Сухарев не раз прерывал разговор, когда вопрос касался высших властей.

Ему многое было не по душе.

- Для тебя говорю: заходит Чайка, смотрит портреты Сталина, маршалы, генералы армии. "Как это понимать, Александр Яковлевич?" А я: "Очень просто. Это наш руководитель. Генералиссимус. Это полководцы. Вот так и понимайте". А про себя думаю: что же ты несешь. Сам копейки в сравнении с ними не стоишь. Я прошел огни и воды и мне еще тут... Сколько ушло прокуроров, кто их помнит...

Я вспомнил, как отзывался о Сталине Егор Исаев, избегающей оценкой его только исходя из репрессий.

- Вы чувствовали, что у Сталина особый выбор судьбы?

- Я не только чувствовал! Первый раз я почувствовал, когда на Сталина лили всю эту грязь. Если он такой паршивый, такой сякой, зачем же он вводит ордена Суворова, Кутузова, Нахимова, Ушакова? Он, будучи ортодоксальным коммунистом, вводит ордена людей, которые верили в Бога. Я про себя подумал: я уже имел два ордена. Мне бы такой. И я тогда заколебался. А когда мы столкнулись с Гитлером в Сталинграде, я подумал: мы погоним Гитлера. Сколько техники в тыл погнали. Без Сталина бы ничего не сделали. А почему так вел Сталин? Мы же единственная страна социалистическая, вокруг противники. Он дает директиву: быть бдительными, она попадает областному начальнику. А те перегибать, отлавливали кого ни попадя. До того доотлавливались, что меня схватили.

Я знал случай, когда за пустяк в подвале Землянского НКВД оказался школьник Саша Сухарев и его чудом спасли. Все чаще в разговоре всплывало имя вождя, сделавшего из страны неприступную крепость.

- Александр Яковлевич, Вы издали книги о полководцах. Какие имена еще в планах?

- Я бы хотел издать о командующем 65-ой Армии. Он с Ярославской области. А там было три полководца с этого пятачка Ярославщины. А именно Толбухин, маршал. Мерецков, маршал. И командующий 65-ой армии, генерал армии Батов. Почему? Он неординарная личность даже на фоне других полководцев. Он участник войны в Испании. Он получил имя там Фриц Пауль. Я его лично знал. Он не просто был командующим, он служил у Рокоссовского. Рокоссовский именно ему поручил расчленение немецких войск под Сталинградом. Это был Донской фронт. А после Сталинграда они вышли на Курскую дугу. Он любил быть на передовой. А я начальник связи полка. Ожидают его. "Так, молодцы, заходите быстрее. Ну, что там сделали? Нашли языков?" - "Ну, понимаете, не получилось". - "Ну, вы хоть что-нибудь видели?.. Все понятно. Вы ничего не видели". - "Да". - "А я видел, как немцы сняли штаны и показывали вам голые задницы. Все! Идите!" Потом генералам: "А вы, товарищи генералы?" Тут Батову позвонили, он разговаривает. А генералы о Черняховском: "Кто-то его тянет. То корпусом, то армией командует, то фронтом. Кто-то...". А Батов все это слышит, трубку положил: "Вы все о карьерах. Кончайте эту карьерную болтовню. Вы завистники, я чувствую. Никто его не тянет. Он выдающийся полководец. И раскрыл свое дарование. Вы забыли, что мы с вами за четыре дня прошли только двадцать километров, а Черняховский - сто восемьдесят километров! Есть разница двадцать километров и сто восемьдесят? А вы о чем, кто его тянет... Мы с вами топчемся здесь, а толку никакого". Говорил откровенно, правдиво. Ведь Жуков написал Сталину: "По своему полководческому дарованию Черняховский намного превосходит...". Но за полтора месяца до Победы его немцы...

5

Во время нашей беседы Сухарев поговорил с заместителем главного редактора "Литературной газеты" Колпаковым Леонидом Васильевичем.

- Леонид Васильевич, с праздником Вас. Я подписчик "Литературки" с 1944 года. Спасибо (видимо за поздравления). Я посмотрел книгу. Здесь вся моя биография. Правдивая книжка. Не потому, что я хочу, меня, а потому что честная.

Сухарев позвонил и Гостеву:

- Руслан, спасибо тебе, родной. Когда я разобрался, здесь вся биография. И главное, правдивая. Спасибо, от всей души...

Благодаря помощи Руслана Георгиевича смогла выйти в свет книга.

Мы прошли в дом.

Сухарев сел на диван.

Я рассматривал фотографии из семейного архива Александра Яковлевича и сожалел, что уже выпустили книгу: еще много фотографий могли в ней разместить.

- Что такое бессмертный полк для Вас? - спросил я.

- Это явление политического свойства, имеющее цель объединить общество, - как всегда по полочкам раскладывал ответ Сухарев. - Независимо от идеологии, лично

го отношения к тем или иным событиям. Объединить, объединить. Это нормальное явление. Теперь, когда мы испытали все, стали рыночные, капиталистические, а, оказывается, не в этом суть. Это дополнительный импульс к объединению.

- А почему Вы решили взяться за книги о полководцах?

- Потому что в истинных полководцах таится многое. Я переименовал организацию в "Выдающиеся полководцы...". Потому что предатели были полководцами, как генерал Власов. В полководцах подлинных воплощаются идеалы народа. Какие идеалы? Защита страны от мракобесов. И когда я увидел мракобесов во время войны, Гитлера с его сворой, я думаю, если и братья за дело, то надо основательно. До меня организацию возглавлял дважды герой Советского Союза Покрышкин. Он никакой не полководец, летчик. Решил уйти и меня уговорить. Приехал ко мне, предложил. Я сказал: подумаю. И согласился. Они-то только полководцами занимались, а я изменил объект внимания: полководец должен олицетворять собой совесть нации. Независимо от идеологии. Сталин пошел этим путем. Но я говорю: "Мне не понятно, почему вы отделяете полководцев от тех, кем они командуют. Надо о солдатах, об офицерах. Всех защитниках Отечества. Но в центре - полководец".

- То есть полководец не от генерала, а от народа.

- Да, от народа. А на днях мы переименуемся из региональной организации в общероссийскую...

Я видел, что задержался. И собираюсь уходить, попросил:

- Александр Яковлевич, держитесь... Нам такие, как Вы, нужны...

Спустился со ступеней дома, попрощался с невесткой, которая приглашала перекусить с Александром Яковлевичем, пожелал Машеньке любить дедушку, на что она ответила: "Я его люблю. Он красивый...". И поспешил на остановку.

Я ехал из Козино на автобусе и, оглядывая переваливающиеся поля и холмы, чувствовал себя счастливым человеком.

Отчего? Быть может от того, что многое открыл для себя с этим человеком, что почувствовал родство с защитником страны, на охрану которой уже шло не то что мое поколение, а поколение моих сыновей, а быть может и от того, что все окружающее меня пространство счастливо улыбалось мне под чистым небом.

Вечером с женой уединились в двухместном купе поезда "Москва-Назрань", и всю дорогу я невольно думал: ведь должны же рождаться в России мальчишки, которые так же, как Сухарев, станут бескомпромиссными патриотами страны и вырастут до Генеральных прокуроров! Так же, как и я, будут бороться со всякой нечистью. А как же иначе?

17 мая 2015 года

Аннотация

Сборник "Адвокатам Подмосковья, участникам Великой Отечественной войны, посвящается..." подготовлен к 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне. В него включены материалы, любезно предоставленные администрацией информационного ресурса - "Подвиг народа", архивные документы Московской областной коллегии адвокатов, а также документы из семейных архивов фронтовиков, интервью здравствующих участников Войны и воспоминания членов семей тех, кого уже нет рядом с нами, но о ком бережно и любовно хранят память.

Издание предназначено для всех, кому дорога правдивая история жизни людей, на примере которых молодое поколение постигает высокие понятия Мужества, Стойкости духа, Отваги и Благородства.